

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫПУСК 1 (31)

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

12+

2021

**БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ВЕСТНИК

**Сургутского государственного
университета**

Научный журнал

ВЫПУСК 1 (31)

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

**Сургут
2021**

Учредитель и издатель:

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Главный редактор

Грошев Александр Романович, д. э. н., профессор

Заместитель главного редактора

Филиппова Наталья Алексеевна, д. ю. н., доцент

Выпускающий редактор

Аширова Анна Владимировна

Редакционная коллегия:

Дядькин Дмитрий Сергеевич, д. ю. н., доцент
Зубарева Любовь Витальевна, д. э. н., доцент
Каратаев Алексей Сергеевич, д. э. н., профессор
Кодинцев Александр Яковлевич, д. ю. н., доцент
Крамаров Сергей Олегович, д. ф.-м. н., профессор

Нехайчик Владимир Казимирович, к. ю. н., доцент
Попова Лариса Александровна, к. ю. н., доцент
Чарковская Нозми Ивановна, к. ю. н., доцент
Чуланова Оксана Леонидовна, д. э. н., доцент
Ямпольская Наталья Юрьевна, д. э. н., доцент

Редакционный совет:

Экономические науки

Бархатов Виктор Иванович, д. э. н., профессор
Владимирова Татьяна Александровна, д. э. н., профессор
Галазова Светлана Сергеевна, д. э. н., профессор
Зырянова Татьяна Владимировна, д. э. н., профессор
Карзаева Наталья Николаевна, д. э. н., профессор

Курныкина Ольга Васильевна, д. э. н., доцент
Мильчакова Наталья Николаевна, д. э. н., профессор
Ниценко Виталий Сергеевич, д. э. н., доцент
Сахаров Геннадий Владимирович, д. э. н., профессор
Сверчкова Ольга Федоровна, д. э. н., доцент

Юридические науки

Архипов Игорь Валентинович, д. ю. н., доцент
Белкин Анатолий Рафаилович, д. ю. н., профессор
Борков Виктор Николаевич, д. ю. н., доцент
Дежнёв Александр Сергеевич, д. ю. н., доцент
Жаров Сергей Николаевич, д. ю. н., доцент
Зайцева Лариса Владимировна, д. ю. н., доцент
Зеленцов Александр Борисович, д. ю. н., профессор
Ибрагимов Солиджон Ибрагимович, д. ю. н., профессор
Казанцев Михаил Федорович, д. ю. н.

Руденко Виктор Николаевич, д. ю. н., профессор,
академик РАН
Саликов Марат Сабирьянович, д. ю. н., профессор
Сергеев Андрей Борисович, д. ю. н., профессор
Фролова Наталья Владимировна, д. ю. н., доцент
Шабуров Анатолий Степанович, д. ю. н., профессор
Шарапов Роман Дмитриевич, д. ю. н., профессор
Ястребов Олег Александрович, д. ю. н., профессор
Яцук Татьяна Федоровна, д. ю. н., профессор

Издается с декабря 2013 года
Выходит 4 раза в год

Решением Высшей аттестационной комиссии с 30 ноября 2017 года журнал включен
в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
по следующим группам научных специальностей:
08.00.00 Экономические науки, 12.00.00 Юридические науки.

Полные тексты статей размещаются на странице журнала на сайте surguvest.elpub.ru в базе данных
Научной электронной библиотеки на сайте elibrary.ru,
сведения о публикуемых материалах включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Подписной индекс Объединенного каталога «Пресса России» 43401.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76748 от 06.09.2019

Адрес редакции:

628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1.
Тел. (3462) 76-29-88, факс (3462) 76-29-29, e-mail: science.journals@surgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка главного редактора</i>	4
---	---

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Алексеев С. Л.</i> Методика определения экономических издержек в целях обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации	6
<i>Дзюба А. П.</i> Модель управления спросом на электроэнергию промышленных предприятий, подключенных к сетям производителей электроэнергии	12
<i>Зотиков Н. З.</i> Государственная налоговая политика в условиях угроз национальной экономической безопасности	26
<i>Имамвердиева М. И., Бубнова О. А.</i> Экологический аспект социально-экономического развития региона	36
<i>Назарматов А. А.</i> Роль горнорудной отрасли в развитии промышленности страны	50
<i>Пиньковецкая Ю. С.</i> Оценка гендерных различий, характерных для завершивших деятельность предпринимателей	57
<i>Степанов Е. А., Плетнёв Д. А., Фам В. Д.</i> Стратегии внешнеэкономической деятельности российских нефтегазовых корпораций	65

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Букалерева Л. А., Лапшин В. Ф., Остроушко А. В.</i> Риск-ориентированный подход в области правового регулирования обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних	76
<i>Гребнева Н. Н., Рябоконева С. И.</i> К вопросу о дополнительных уголовно-процессуальных гарантиях прав лиц, относящихся к коренным малочисленным народам	84
<i>Миролюбова С. Ю.</i> Проблемы применения ДНК-теста в целях воссоединения семьи и репатриации	91
<i>Руденко В. В.</i> Реализация принципа свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов: опыт стран Латинской Америки и возможность его адаптации в России	101
<i>Стельмах Ю. В.</i> Классификация полномочий Генерального прокурора Российской Федерации в уголовном судопроизводстве	108

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели и авторы статей научного журнала
«Вестник Сургутского государственного университета»!

Содержание очередного 31-го выпуска журнала включает результаты широкого спектра исследований в области экономических и юридических наук.

Раздел «Экономические науки» представлен статьями, в которых рассматриваются новые вызовы и тренды в сфере управления промышленными предприятиями.

Исследование автора из Казани посвящено методике оценки региональной экономической безопасности, при этом акцент сделан на реализации мер антикоррупционного контроля. В качестве основного вывода обозначены расхождения в порядке применения отдельных индикаторов состояния коррупции и выявления экономических интересов в противодействии ей.

Далее автором из Челябинска описана модель управления спросом на электроэнергию промышленных предприятий, что весьма актуально в условиях бережливого производства, позволит предприятиям снижать собственные затраты и будет способствовать повышению экономической эффективности и финансовой устойчивости их деятельности.

В следующей статье ученым из Чувашского государственного университета представлен авторский подход к оценке взаимосвязи между эффективностью государственной налоговой политики и показателями экономической и налоговой безопасности. В работе также определено количественное влияние детерминант на характер проводимой государственной налоговой политики.

Коллегами из Сургута представлены результаты исследования статистических показателей региона в сфере экологии и социально-экономической сфере. На основании аналитической информации сформулированы соответствующие выводы о важности взаимодействия экологии и социально-экономических категорий.

Ученым из Бустона представлено исследование, посвященное роли и значению горнодобывающей отрасли в развитии промышленности и экономики Республики Таджикистан, а также мероприятиям, способствующим дальнейшему развитию горнодобывающей промышленности.

Автор из Ульяновска дает оценку сложившимся уровням завершения женщинами и мужчинами деятельности в качестве предпринимателей в современных национальных экономиках. Эмпирической базой послужили результаты опроса, проведенного в 59 странах в процессе реализации проекта Глобального мониторинга предпринимательства. Результаты исследования показали, что в большинстве стран имеет место гендерный разрыв между удельными весами женщин-предпринимателей, завершивших деятельность, в численности взрослых женщин и соответствующими показателями по мужчинам-предпринимателям; подтверждена гипотеза, что почти половина мужчин и женщин в рассматриваемых странах завершили свой бизнес в связи с отсутствием прибыли или финансовыми проблемами.

Завершает раздел статья коллектива авторов из Челябинска и Ханоя (Вьетнам), в которой проводится идентификация стратегий внешнеэкономической деятельности российских предприятий нефтегазовой отрасли, показаны их траектории в системе координат «товарная позиция – страна».

Раздел, посвященный юридическим наукам, включает две статьи, отразившие различные аспекты трансформации права в условиях его цифровизации. Так, коллективом авторов, объединившим исследователей из Москвы и Ханты-Мансийска, на основе предложенного ими риск-ориентированного подхода проведен криминологический анализ нормативного правового регулирования основных компонентов современной цифровой среды (социальных сетей, мессенджеров и иных средств мгновенной электронной коммуникации) и определены те направления совершенствования российского законодательства, которые могут обеспечить безопасность современной цифровой среды для несовершеннолетних пользователей. Во втором исследовании автор из Москвы рассматривает проблему ДНК-тестирования, проводимого в целях реализации права на воссоединении семьи, с учетом возросшей сложности обеспечения защиты конфиденциальности в условиях прогресса IT-технологий. Ученым сделан обоснованный вывод о том, что ДНК-тестирование следует проводить только в том случае, если исчерпаны другие способы получения информации, доказывающей родственные связи, поскольку применение этого метода может привести к дискриминации по этническому принципу и иным негативным последствиям.

Тема аборигенного права, уже ставшая традиционной для журнала, также объединила две статьи номера. Принцип свободного, предварительного и осознанного согласия

(СПОС) коренных народов на реализацию экономических и иных проектов, затрагивающих территории их исконного проживания, – один из ключевых в современном праве коренных народов. Он справедливо рассматривается как важнейшее условие обеспечения прав аборигенов. Однако в России механизм СПОС был использован лишь единожды (Сахалинская область). Автор из Екатеринбурга представил исследование механизмов реализации этого принципа в государствах Латинской Америки, справедливо полагая, что одним из направлений совершенствования российского законодательства может стать рецепция наиболее эффективных механизмов. Особую ценность статье придают авторские переводы значительного круга источников международного и зарубежного права коренных народов, впервые предлагаемые заинтересованному читателю. В свою очередь, коллектив авторов из Сургута акцентирует внимание на осмыслении особенностей российской правоприменительной практики, обосновывая необходимость установления особых правил уголовного судопроизводства в отношении лиц, относящихся к числу коренных малочисленных народов Российской Федерации, что позволит снизить вероятность необоснованного уголовного преследования в отношении этих лиц.

Тема российского уголовного процесса продолжена в статье автора из Екатеринбурга, предложившего классификацию уголовно-процессуальных полномочий Генерального прокурора Российской Федерации, учитывая особенности его статуса в сравнении с нижестоящими прокурорами.

Благодарю всех авторов статей этого выпуска журнала и приглашаю к сотрудничеству научных работников и практиков в области экономики и права.

*А. Р. Грошев,
главный редактор,
д. э. н., профессор, гл. научный сотрудник
научно-образовательного центра
Института экономики и управления,
профессор кафедры финансов,
денежного обращения и кредита
Сургутского государственного университета*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.583:332.122
DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-6-11

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗДЕРЖЕК В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. Л. Алексеев

Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса, Казань, Россия
E-mail: tany_1313@mail.ru

При проведении эконометрических измерений в субъектах Российской Федерации используются методики подсчета лишь низовой («бытовой») коррупции. Проанализированы основные методики расчетов, применяемые для оценки региональной экономической безопасности. При этом сделан акцент на реализации мер антикоррупционного контроля.

В качестве основного вывода обозначены расхождения в порядке применения отдельных индикаторов состояния коррупции и выявления экономических интересов в противодействии ей.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционный контроль, противодействие коррупции, экономическая безопасность, государственное управление, региональное управление, региональная экономика.

Для цитирования: Алексеев С. Л. Методика определения экономических издержек в целях обеспечения экономической безопасности субъектов Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 6–11. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-6-11.

METHODOLOGY FOR DETERMINING ECONOMIC COSTS TO ENSURE THE ECONOMIC SECURITY OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

S. L. Alekseev

Tatar Institute of Retraining Personals of Agribusiness, Kazan, Russia
E-mail: tany_1313@mail.ru

Methods for calculating only petty corruption are used when carrying out econometric measurements in the subjects of the Russian Federation. The main calculation methods used to assess regional economic security are analyzed. At the same time, the emphasis is on the implementation of anti-corruption control measures.

The main conclusion reveals discrepancies in the application of certain indicators of the corruption state and economic interests in countering it.

Keywords: corruption, anti-corruption control, anti-corruption, economic security, public administration, regional administration, regional economics.

For citation: Alekseev S. L. Methodology for Determining Economic Costs to Ensure the Economic Security of Subjects of the Russian Federation // Surgut State University Journal. 2021. No. 1. P. 6–11. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-6-11.

ВВЕДЕНИЕ

Заявленную тему актуализируют данные Национального антикоррупционного комитета Российской Федерации, согласно которым в коррупционном обороте задействовано до 30 % средств федерального бюджета.

Это макроэкономический показатель, который принято сравнивать с уровнем коррупции в других экономических системах, сложившихся в пределах современных государственных границ. Особую сложность вызывает категория «коррупционный ущерб»,

поскольку она выделяется в структуре имущественных потерь не только государства, но и других экономических акторов.

Однако исследований, предметом которых являются институциональные особенности предупреждения коррупции с точки зрения сложившихся в экономической науке подходов, явно недостаточно. К ним можно отнести работы М. Ю. Жужома [1], Н. О. Морозовой [2], Ю. Г. Наумова [3], И. В. Нуштаева [4], С. А. Орехова [5].

Цель исследования – анализ сложившихся методик выявления экономического ущерба от коррупционного оборота в пределах региона. В качестве рабочей гипотезы выдвигается аксиологическая зависимость проводимых вычислений от индикаторов, раскрываемых институтами антикоррупционного контроля.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Базовой концепцией вычислений стала методика, разработанная американским экономистом С. Роуз-Аккерман. Она занималась исследованием коррупции в области заключения контрактов для государственных нужд. В этом направлении следует отметить ее наработки в вычислении экономикоррупционной составляющей. В частности, исследователь отмечала, что наравне с доходностью от коррупции на бюрократическо-управленческом уровне значение имеет также коррупционная прибыльность участников рынка [6].

Применение методов антикоррупционного контроля позволяет оценить не только сложившиеся, но и перспективные индикаторы влияния региональной коррупции на состояние экономики. Используемые в науке методики вычислений таких показателей стали проникать в современную управленческую практику субъектов Российской Федерации. Более того, наиболее перспективные из них были адаптированы под условия, влияющие на эффективность государственных мер по предупреждению коррупции, в том числе в плоскости антикоррупционного контроля.

Коррупционная прибыльность экономических акторов определяется путем вычитания из совокупного множественного показателя, включающего размер взятки и стоимость единицы продукта (работы, услуги), следующих элементов:

- издержек производства определенного количества товаров (работ, услуг);

- среднего штрафа, накладываемого на поставщика в случае выявления коррупционного факта;

- моральных издержек предпринимателя, связанных с дачей взятки.

Поэтому в теневом секторе могут существовать предпринимательские структуры, основной целью которых является участие в коррупционных схемах, а не извлечение экономической выгоды. Для них наличие или отсутствие производственных издержек компенсируется высокой коррупционной маржинальностью (или сверхприбылью от систематических коррупционных сделок). Исходя из такого варианта, производители оценивают в качестве себестоимости конечной продукции не только издержки по основной реализационной деятельности, но и иные составляющие, которые влияют на расходы предпринимателя.

В обобщенном виде формула, предложенная С. Роуз-Аккерман, выглядит так:

$$КП = ЦЕП(РВ) - ИП(РВ) - СШК - МИ,$$

где КП – коррупционная прибыль (для экономического актора);

ЦЕП – цена за единицу продукта (работы, услуги);

РВ – размер взятки;

ИП – издержки производства продукции, выполнения работ или оказания услуг;

СШК – средний штраф для экономического актора за выявленный коррупционный факт;

МИ – моральные издержки экономического актора при совершении коррупционной сделки.

Последний элемент связан с репутационными потерями, которые потенциально может понести предприниматель при выявлении коррупционного факта и доведении сведений об этом до общественности [7]. Однако подобный показатель имеет значение в странах с высококонкурентной экономикой и наработанным десятилетиями институтом деловой репутации.

Применительно к российским регионам данный аспект учитывается лишь в минимальной степени.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Деловая репутация, несмотря на ее закрепление в законодательстве Российской Федерации, не получила адекватной оценки ни в экономическом обороте, ни во взаимодействии бизнеса и власти [8]. Сложившийся в субъектах Федерации подход к организации публичных торгов на размещение государственных и муниципальных заказов имеет формальный характер [9].

В частности, при участии того или иного контрагента в конкурсе (аукционе), проводимом для заключения государственного контракта, выдвигаются требования о деловой «чистоте» предпринимателя или организации. Это может выражаться в необходимости предоставить сведения об отсутствии данного лица в реестре недобросовестных поставщиков, который ведется на федеральном уровне совместными усилиями всех субъектов Российской Федерации. Также в расчет принимаются факты наложения санкций за нарушения, допущенные предпринимателем в процессе исполнения прошлых государственных заказов. Значение приобретают гарантии потенциального выполнения будущих контрактных обязательств перед государственным или муниципальным заказчиком.

Формальность перечисленных показателей выражается либо в игнорировании выявленных фактов в торговой практике [10], либо в искусственной замене одного участника другим при наличии между ними экономической аффилированности [11]. В региональном опыте публичных закупок нередки случаи участия в торгах корпоративных субъектов, напрямую или косвенно связанных с тем или иным должностным лицом, обладающим властными полномочиями.

Аналогичным образом в условиях монополизации и олигополизации региональных рынков нивелируются и другие экономические издержки, перечисленные С. Роуз-Аккерман. Тем не менее приблизительная стоимость предлагаемого продукта (работ или услуг) высчитывается участниками коррупционных отношений исходя из рыночных показателей и оценки потенциальной себестоимости производства (необходимых затрат).

При этом прибыль является вовсе не обязательной для самого экономического актора,

который специально создан для получения предпочтений, включая возможности вывода публичных финансов (бюджетных средств). По средним подсчетам специалистов, коррупционная рента у корпоративных субъектов может варьироваться в зависимости от установленного минимума от оборота (от 2 до 35 %), а также составлять подавляющую часть их экономической активности (от 35 до 75 %) [12]. В силу этого в теневом секторе могут существовать предпринимательские структуры, основной целью которых является участие в коррупционных схемах, а не извлечение экономической выгоды. Для них наличие или отсутствие производственных издержек компенсируется высокой коррупционной маржинальностью (или сверхприбылью от систематических коррупционных сделок).

В обобщенном виде формула определения маржинальности бизнеса выглядит следующим образом [13]:

$$М = ПВ - \frac{ПВ}{1 + ТН} - ПИ,$$

где М – маржинальность;

ПВ – выручка от продажи;

ТН – торговая наценка;

ПИ – переменные издержки.

Исходя из такого варианта, производители оценивают в качестве себестоимости конечной продукции не только издержки по основной реализационной деятельности, но и иные составляющие, которые воздействуют на расходы предпринимателя.

Аналогичным образом может быть рассчитана коррупционная маржинальность (КМ):

$$КМ = КВ - \frac{КВ}{1 + КН} - ПКИ,$$

где КВ – коррупционная выручка;

КН – коррупционная наценка;

ПКИ – переменные коррупционные издержки.

Например, в 2019 г. в Республике Татарстан было возбуждено громкое уголовное дело в отношении служащих исполнительного комитета г. Казани, курировавших сферу образования. Маржинальность для главного фигуранта – начальника городского управления образованием – составила 800 тыс. руб. При этом

коррупционная выручка в приведенном случае превысила 5 млн 300 тыс. руб. [14].

В практике большинства субъектов Российской Федерации рассчитываются другие индикаторы коррупционного оборота в аспекте экономической безопасности. Например, наиболее распространенной является формула выявления доли коррупционного рынка (ДКР) в составе валового регионального продукта (ВРП). Она представлена простым делением объема регионального коррупционного рынка (РКР) на показатель ВРП за определенный год [15]:

$$\text{ДКР} = \frac{\text{РКР}}{\text{ВРП}}.$$

При этом РКР тоже рассчитывается элементарным умножением показателя средней взятки по региону (КП) на количество совершенных коррупционных сделок (СКС) в определенном субъекте Российской Федерации [16]:

$$\text{РКР} = \text{КП} \times \text{СКС}.$$

Например, в Сахалинской области, согласно официальным социоэкономическим измерениям, РКР составил в 2016 г. почти 16 000 000 000 руб. [17]. При этом количество СКС определялось путем выявления среднего количества коррупционных сделок (1,78) на душу населения (в Сахалинской области проживало 489 638 человек). Тем самым ДКР по данному субъекту федерации выразилась в цифре 2 %.

Вместе с тем применительно к проиллюстрированным расчетам за основу был взят показатель средней взятки размером в 18 273 руб. Как удалось установить ранее, он не соответствует реальному индикатору коррупционного оборота в Сахалинской области. Поэтому в плоскости только правоохранительной статистики (при учете КП в объеме не менее 140 тыс. руб. за 2016 г.) ДКР должна составлять 16 %.

Как видно из расчетов, разница между исчислениями, проводимыми по заданию антикоррупционных институтов Сахалинской области, и вычислениями правоохранительных институтов составляет порядка 14 %, что скрывает реальный уровень коррупции

в анализируемом субъекте Российской Федерации.

Прежде всего, следует констатировать тот факт, что доля правоохранительного сегмента в выявлении и пресечении коррупции значительно превышает влияние превентивных инструментов воздействия. Во многом такое положение детерминировано институциональными особенностями, сложившимися во всех субъектах Российской Федерации. У правоохранительных органов значительно больше полномочий и возможностей в сравнении с институтами антикоррупционного контроля, которые относительно недавно были сформированы на региональном уровне.

Вместе с тем даже в установленных судами объемах коррупционного ущерба можно выделить потери региональной экономики в общем и бюджетной сферы в частности, которые произошли из-за дефектов реализации антикоррупционного контроля.

В связи с этим необходимо указать на такой фактор, как невозможность установления конечного коррупционного ущерба инструментами контроля. Превентивное воздействие заключается в минимизации либо в полном устранении факта коррупции в будущем [18]. Лишь с помощью некоторых видов антикоррупционного контроля удастся определить реальные суммы экономических потерь региона (прежде всего, в последующей и ретроспективной антикоррупционной верификации). Примечательно, что при наличии соответствующего ущерба речь идет уже не о превенции, а о необходимости пресечения криминальных действий, т. е. о постреакционном противодействии коррупции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то обстоятельство, что приведенные методики расчетов предназначены для выявления общих показателей в области противодействия коррупции в регионе, они вполне гармонируют с результатами проводимого антикоррупционного контроля. Однако для разграничения индикаторов необходимо установить, в какой степени контрольные мероприятия повлияли на устранение коррупционных рисков и в каком объеме защита экономической безопасности проводилась постреакционными мерами.

Отчасти барьеры в определении индикаторов экономической безопасности методами антикоррупционного контроля обусловлены не только институциональными особенностями российских регионов, но и слабым развитием инструментов подсчета. Выявление экономических интересов в реализации должностных полномочий и осуществлении пред-

принимательской деятельности, аффилированной с публичными служащими, практически не получило своего воплощения в региональной антикоррупционной практике, что делает перспективными дальнейшие научные исследования данного вопроса и выработку методологических подходов к его решению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жужома М. Ю. Экономический механизм противодействия коррупции как угрозе финансовой безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 23 с.
2. Морозова Н. О. Социально-экономический анализ коррупции в регионе : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. 16 с.
3. Наумов Ю. Г. Теория и методология противодействия институциональной коррупции : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2014. 49 с.
4. Нуштаев И. В. Организационно-экономический инструментарий противодействия теневой экономике и коррупции : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Тамбов, 2012. 24 с.
5. Орехов С. А. Организационно-управленческий механизм борьбы с коррупцией как условие обеспечения экономической безопасности страны : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2005. 26 с.
6. Rose-Ackerman S. Corruption: A study in political economy. Academic Press, 2013. 258 p.
7. Gardberg N. A., Sampath V., Rahman N. Corruption and Corporate Reputation: The Paradox of Buffering and Suffering // Academy of Management Proceedings. 2012. Vol. 2012. No. 1. P. 1–1.
8. Важенина И., Важенин С., Юшук В. Деловая репутация как нематериальное конкурентное преимущество компании // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 12. С. 107–115.
9. Злыднев М. И., Гарин А. В., Гарина Ю. Е., Ниязова Ю. М. Эволюция стандартов деловой репутации и их применение в госзакупках // Экономические и гуманитарные науки. 2020. № 1 (336). С. 84–92.
10. Кудрявцев Д. И., Андросенко Н. В., Янченко А. Ю. Формирование системы поддержки деловой репутации // Экономика и управление. 2019. № 1 (159). С. 16–25.
11. Колесник В. В., Абасова В. А. Деловая репутация и стили ведения бизнеса // Вестник современных исследований. 2019. № 3.14 (30). С. 38–41.
12. Collins J. D., Uhlenbruck K., Rodriguez P. Why Firms Engage in Corruption: A Top Management Perspective // Journal of Business Ethics. 2009. Vol. 87, No. 1. P. 89–108.
13. Koch H., Peters U., Koch K. et al. How a Low-Margin Business Cocreated Analytics Value through an Innovation Partnership // MIS Quarterly Executive. 2019. Vol. 18. No. 3.

REFERENCES

1. Zhuzhoma M. Yu. Ekonomicheskii mekhanizm protivodeistviia korruptsii kak ugroze finansovoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii : Extended abstract of Cand. Sci. Dissertation (Economics). Moscow, 2008. 23 p. (In Russian).
2. Morozova N. O. Sotsialno-ekonomicheskii analiz korruptsii v regione : Extended abstract of Cand. Sci. Dissertation (Economics). Moscow, 2007. 16 p. (In Russian).
3. Naumov Yu. G. Teoriia i metodologiya protivodeistviia institutsionalnoi korruptsii : Extended abstract of Cand. Sci. Dissertation (Economics). Moscow, 2014. 49 p. (In Russian).
4. Nushtaev I. V. Organizatsionno-ekonomicheskii instrumentarii protivodeistviia tenevoi ekonomike i korruptsii : Extended abstract of Cand. Sci. Dissertation (Economics). Tambov, 2012. 24 p. (In Russian).
5. Orekhov S. A. Organizatsionno-upravlencheskii mekhanizm borby s korruptsiei kak uslovie obespecheniia ekonomicheskoi bezopasnosti strany : Extended abstract of Cand. Sci. Dissertation (Economics). Moscow, 2005. 26 p. (In Russian).
6. Rose-Ackerman S. Corruption: A study in political economy. Academic Press, 2013. 258 p.
7. Gardberg N. A., Sampath V., Rahman N. Corruption and Corporate Reputation: The Paradox of Buffering and Suffering // Academy of Management Proceedings. 2012. Vol. 2012. No. 1. P. 1–1.
8. Vazhenina I., Vazhenin S., Yushchuk V. Business Reputation as an Intangible Competitive Advantage of a Company // Problems of Management Theory and Practice. 2018. No. 12. P. 107–115. (In Russian).
9. Zlydnev M. I., Garin A. V., Garina Yu. E., Niyazova Yu. M. Evolution of Business Reputation Standards and Their Application in Public Procurement // Economic and Humanitarian Sciences. 2020. No. 1 (336). P. 84–92. (In Russian).
10. Kudryavtsev D. I., Androsenko N. V., Yanchenko A. Yu. Formation of a Business Reputation Support System // Economics and Management. 2019. No. 1 (159). P. 16–25. (In Russian).
11. Kolesnik V. V., Abasova V. A. Business Reputation and Business Styles // Bulletin of Modern Research. 2019. No. 3.14 (30). P. 38–41. (In Russian).
12. Collins J. D., Uhlenbruck K., Rodriguez P. Why Firms Engage in Corruption: A Top Management Perspective // Journal of Business Ethics. 2009. Vol. 87, No. 1. P. 89–108.

14. Коррупция пускает корни вверх: взятки и мошенничество казанских чиновников. URL: <https://inkazan.ru/> (дата обращения: 02.02.2021).
15. Богатиков А. А. Методологические экономические основы антикоррупционных воздействий на рынке слияний и поглощений. Реципрокность рейдерства и коррупции. М. : Экон-Информ, 2011. 242 с.
16. Шумилова О. Е. Коррупционный рынок Тульского региона: состояние и специфика // Известия Тул. гос. ун-та. Гуманитар. науки. 2008. № 2. С. 113–123.
17. Отчет по результатам проведения социологического исследования для оценки уровня коррупции в Сахалинской области в 2019 году. URL: <https://sakhalin.gov.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).
18. Karanina E., Loginov D., Alekseev S. Sustainable development and economic security of the region // XII International Scientific Conference on Agricultural Machinery Industry 10–13 September 2019, Don State Technical University, Russian Federation, 2019, Vol. 403. P. 012152.
13. Koch H., Peters U., Koch K. et al. How a Low-Margin Business Cocreated Analytics Value through an Innovation Partnership // MIS Quarterly Executive. 2019. Vol. 18. No. 3.
14. Korruptsiia puskaet korni vverkh: vziatki i moshennichestvo kazanskikh chinovnikov. URL: <https://inkazan.ru/> (accessed: 02.02.2021). (In Russian).
15. Bogatikov A. A. Metodologicheskie ekonomicheskie osnovy antikorrupsionnykh vozddeistvii na rynke sliianii i pogloshchenii. Retsiproknost reiderstva i korruptsii. Moscow : Ekon-Inform, 2011. 242 p. (In Russian).
16. Shumilova O. E. Corruption Market of the Tula Region: State and Specificity // Bulletin of the Tula State University. Humanitarian Sciences. 2008. No. 2. P. 113–123. (In Russian).
17. Otchet po rezultatam provedeniia sotsiologicheskogo issledovaniia dlia otsenki urovnia korruptsii v Sakhalinskoi oblasti v 2019 godu. URL: <https://sakhalin.gov.ru/> (accessed: 10.03.2021). (In Russian).
18. Karanina E., Loginov D., Alekseev S. Sustainable development and economic security of the region // XII International Scientific Conference on Agricultural Machinery Industry 10–13 September 2019, Don State Technical University, Russian Federation, 2019, Vol. 403 P. 012152.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеев Сергей Львович – кандидат педагогических наук, доцент, профессор, Татарский институт переподготовки кадров агробизнеса, Казань, Россия.
E-mail: tany_1313@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey L. Aleksseev – Candidate of Sciences (Education), Docent, Professor, Tatar Institute of Retraining Personals of Agribusiness, Kazan, Russia.
E-mail: tany_1313@mail.ru

УДК 338.5:621.31
DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-12-25

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ СПРОСОМ НА ЭЛЕКТРОЭНЕРГИЮ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, ПОДКЛЮЧЕННЫХ К СЕТЯМ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

А. П. Дзюба

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия
E-mail: dzyuba-a@yandex.ru

Статья посвящена исследованию условий ценообразования на оплату компонента услуг по передаче электроэнергии для промышленных предприятий, подключенных к электрическим сетям производителей электроэнергии, а также разработке решений, направленных на оптимизацию затрат на закуп электроэнергии по компоненту услуг по передаче электроэнергии. На основе трех типовых конфигураций почасового суточного графика электропотребления промышленных предприятий проводится расчет средневзвешенных тарифов на оказание услуг по передаче электроэнергии для регионов, входящих в Уральский и Сибирский федеральные округа. По результатам расчета выявлено увеличение средневзвешенной стоимости тарифов для графиков электропотребления, характеризующихся высокими показателями коэффициента заполнения суточного графика нагрузки, что подчеркивает вероятность увеличения стоимости электроэнергии для некоторых промышленных предприятий по сравнению со стоимостью электроэнергии, приобретаемой предприятиями, не имеющими прямого технологического присоединения к сетям электростанций. С учетом выявленных особенностей разработана модель управления спросом на электроэнергию промышленных предприятий, подключенных к сетям производителей электроэнергии, основанная на прогнозировании и последующей оценке стоимостных параметров оплаты услуг по передаче электроэнергии до и после корректировок почасовых суточных графиков электропотребления, а также корректировке графиков почасового электропотребления промышленных предприятий, критериев экономической эффективности, технологической возможности, системной устойчивости. Разработанные решения позволяют промышленным предприятиям, подключенным к электрическим сетям производителей электроэнергии, снижать затраты на закуп электроэнергии, что способствует повышению экономической эффективности и финансовой устойчивости их деятельности.

Ключевые слова: передача электроэнергии, генераторное напряжение, ценообразование, рынок электроэнергии, энергоэффективность, услуги по передаче электроэнергии, энерготарифы.

Для цитирования: Дзюба А. П. Модель управления спросом на электроэнергию промышленных предприятий, подключенных к сетям производителей электроэнергии // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 12–25. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-12-25.

MODEL OF ELECTRICITY DEMAND MANAGEMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISES CONNECTED TO THE GRID OF ENERGY PRODUCERS

A. P. Dzyuba

South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia
E-mail: dzyuba-a@yandex.ru

The article is devoted to the study of the pricing conditions for the payment for the component of electricity transmission services for industrial enterprises connected to the electric networks of energy producers, and the development of solutions aimed at optimizing the cost of purchasing electricity for the component of transmission services. Based on three typical configurations of the hourly daily power consumption schedule of industrial enterprises, the weighted average tariffs for the provision of electricity transmission services for the regions included in the Ural and Siberian Federal Districts are calculated. According to the results of the calculation, an increase in the weighted average cost of tariffs for power consumption

schedules characterized by high rates of filling the daily load schedule was revealed. This emphasizes the likelihood of an increase in the cost of electricity for some industrial enterprises in comparison with the cost of electricity purchased by enterprises that do not have a direct technological connection to power plant networks. Taking into account the identified features, a model has been developed for managing the demand for electricity of industrial enterprises connected to the grids of energy producers, based on forecasting and subsequent assessment of the cost parameters of payment for electricity transmission services before and after adjusting the hourly daily power consumption schedules of industrial enterprises, as well as adjusting the hourly power consumption schedules, criteria of economic efficiency, technological capability, systemic stability. The developed solutions allow industrial enterprises connected to the electric grids of energy producers to reduce the cost of electricity, which contributes to increasing the economic efficiency and financial sustainability of their activities.

Keywords: electricity transmission, generator voltage, pricing, electricity market, energy efficiency, transmission services, energy tariffs.

For citation: Dzyuba A. P. Model of Electricity Demand Management of Industrial Enterprises Connected to the Grid of Energy Producers // Surgut State University Journal. 2021. No. 1. P. 12–25. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-12-25.

ВВЕДЕНИЕ

В течение последнего десятилетия развитие технологий цифровизации и автоматизации позволило существенно усовершенствовать основную и вспомогательную деятельность промышленных предприятий. Прежде всего, процессы цифровизации были внедрены в сферу энергоснабжения промышленных предприятий, а именно процессов, обеспечивающих учет, контроль и управление потреблением топливно-энергетических ресурсов. В промышленности любой страны мира одним из основных потребляемых энергоресурсов является электрическая энергия, которая участвует во всех процессах деятельности предприятий: от обеспечения работы тяжелых печей и станов в горячих цехах металлургических предприятий, до обеспечения работы персональных компьютеров и мобильных телефонов в офисных зданиях [1–2]. Таким образом, снижение затрат на потребление электроэнергии промышленными предприятиями позволяет существенно повысить экономическую эффективность и устойчивость их деятельности, а также обеспечить конкурентоспособность производимой продукции на экспортных рынках. С 2005 г. в России начал функционировать рынок электроэнергии, механизмы которого формируют гибкие условия для ценообразования на электроэнергию, закупаемую промышленными предприятиями. В условиях развития цифровизации промышленного энергопотребления формируются новые направления, призванные снизить затраты на закуп электроэнергии

в промышленности; среди них можно выделить механизм управления спросом на потребление электроэнергии [3–4].

Анализ действующих условий ценообразования на отпускаемую электроэнергию для промышленных предприятий России, присоединенных к электрическим сетям производителей электроэнергии, выявил варианты, в рамках которых стоимость закупаемой электроэнергии по компоненту услуг по передаче электроэнергии завышается. Выявленное завышение затрат на закуп электроэнергии можно минимизировать с помощью применения инструмента управления спросом на промышленном предприятии.

Таким образом, целью исследования является разработка модели управления спросом на электроэнергию промышленных предприятий, подключенных к сетям производителей электроэнергии, призванной минимизировать стоимость закупаемой электроэнергии по компоненту услуг по передаче электроэнергии.

Гипотеза исследования заключается в возможности снижения затрат на закуп электроэнергии промышленных предприятий по компоненту услуг по передаче электроэнергии, реализуемой с помощью ценозависимого управления собственным электропотреблением на основе управления графиками работы технологических процессов.

Вопросу совершенствования использования тарифных механизмов ценообразования на отпуск электроэнергии в промышленности посвящены работы многих отечественных и зарубежных ученых [5–7]. Во многих иссле-

дованиях рассматривается совершенствование механизмов ценообразования на отпускаемую электроэнергию, направленное на повышение эффективности деятельности как энергокомпаний, так и потребителей электроэнергии. Среди таких работ можно выделить труды А. А. Ишеналиева [8], Д. А. Васильева [9], И. Е. Мизиковского и А. А. Баженова [10], А. В. Изотова [11]. Часть отечественных научных исследований посвящена повышению эффективности применения дифференцированных тарифов на отпуск электроэнергии для повышения эффективности функционирования энергосистемы. Среди них можно выделить труды К. С. Мокрова [12], В. М. Постолатий и соавт. [13], Н. В. Аксенова и Н. В. Гусева [14]. Также существуют исследования, посвященные повышению эффективности применения тарифов на передачу электроэнергии и снижению затрат на оплату услуг по передаче электроэнергии на основе выравнивания графиков электрических нагрузок (труды С. А. Коваленко и К. И. Сафонова [15], М. И. Степанищевой [16], Н. В. Печеник и соавт. [17]).

Однако, несмотря на проработку вопросов снижения затрат на энергоресурсы промышленных предприятий, остается неисследованной проблема управления затратами на оплату компонента услуг по передаче электроэнергии для промышленных предприятий, подключенных к электрическим сетям производителей электроэнергии. Учитывая высокую долю компонента передачи электроэнергии в структуре конечных тарифов для промышленных предприятий России, а также ежегодный рост тарифов для промышленных предприятий, поиск решений для оптимизации затрат на закуп электроэнергии для промышленных предприятий имеет высокую научную и практическую ценность.

Представленная работа продолжает цикл исследований автора в области ценозависимого управления спросом на потребление электроэнергии промышленных предприятий, действующих в условиях оптового и розничного рынков электроэнергии России [18–20] и включает рассмотрение управления тарифом на передачу электроэнергии для промышленных предприятий, подключенных к электрическим сетям производителей электроэнергии.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Одним из основных компонентов стоимости электроэнергии, оплачиваемой промышленными предприятиями России, является компонент стоимости услуг по передаче электроэнергии, который отражает операционные и инвестиционные затраты электросетевой инфраструктуры на обеспечение бесперебойного и надежного энергоснабжения потребителей. Общий оборот деятельности по оказанию услуг по передаче электроэнергии в России составляет более 1 трлн руб. ежегодно, что определяет наличие значительного потенциала снижения энергозатрат в масштабах электросетевого комплекса страны [21].

В рамках проведенного исследования были использованы данные о действующих в регионах Уральского и Сибирского федеральных округов тарифах на передачу электроэнергии, утвержденных региональными органами исполнительной власти в области регулирования тарифов, а также фактические данные графиков потребления электроэнергии различными типами промышленных предприятий. В процессе исследования использовались методы анализа, синтеза, математического моделирования, что объясняется необходимостью анализа и расчета показателей стоимости компонента услуг по передаче электроэнергии для различных вариантов графиков электропотребления промышленных предприятий. Новизной авторского подхода является моделирование стоимости компонента услуг по передаче электроэнергии на примере графиков электропотребления, имеющих различные коэффициенты заполнения суточного графика нагрузки.

Для промышленных предприятий расчет стоимости оплаты услуг по передаче электроэнергии может выполняться двумя способами: в одноставочном и двухставочном выражении. Одноставочный тариф на передачу электроэнергии не предусматривает возможности формирования тарифа на передачу электроэнергии в зависимости от характеристики графика спроса на электроэнергию промышленного предприятия, а двухставочный тариф предусматривает такую возможность [22]. Принцип ценообразования на оказание услуг по передаче электроэнергии для промышленных предприятий зависит от ха-

рактических характеристик неравномерности собственных графиков электрических нагрузок, что дает возможность управления собственными затратами на электропотребление.

При этом ряд промышленных предприятий в России имеет технологическое присоединение напрямую к энергетическим установкам производителя электрической энергии, т. е. к электрическим сетям электростанций (рис. 1). В промышленности СССР и России исторически складывалось так, что электростанции

строились вблизи промышленных предприятий, что позволяло снижать затраты на транспортировку электроэнергии. Таким образом, электростанции строили вплотную к промышленным предприятиям, чтобы обеспечить их технологическое присоединение напрямую к распределительным устройствам электростанций [18]. Также ряд промышленных предприятий России имел собственные электростанции, которые в 1990-х гг. были переданы на баланс предприятий РАО ЕЭС России.

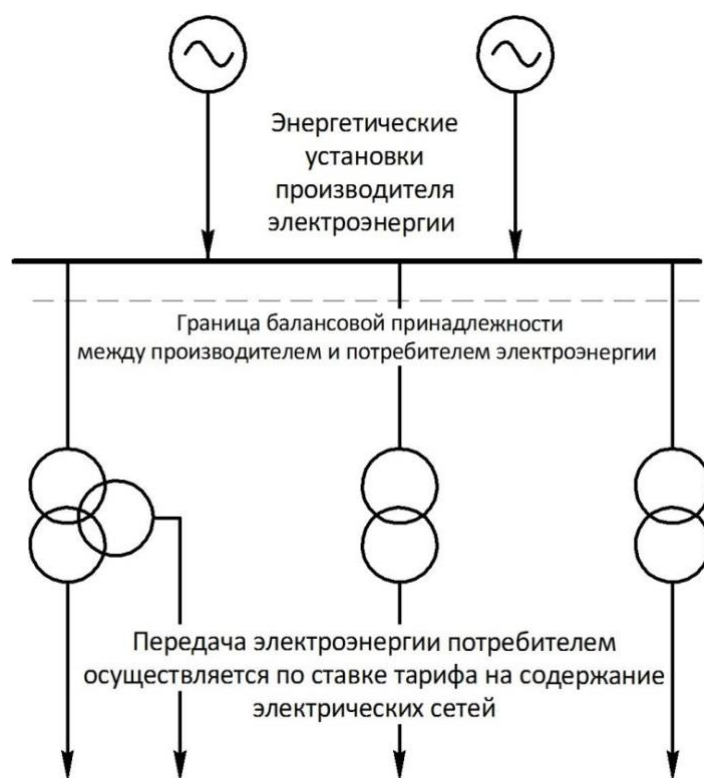

Рис. 1. Пример технологического присоединения промышленных потребителей электроэнергии к электрическим сетям производителей электроэнергии

Примечание: составлено автором.

Таким образом, для организации энергоснабжения таких промышленных потребителей не используются сети электросетевых организаций. В таком случае оплата услуг по передаче электроэнергии все равно будет производиться, но стоимость услуг по передаче будет рассчитываться на основе формулы (1) [19]:

$$СП2_m^{ГН} = СП2_m^{Содерж}, \quad (1)$$

где $СП2_m^{ГН}$ – стоимость оплаты услуг по передаче электроэнергии для промышленных предприятий, подключенных к энергетиче-

ским установкам производителя электрической энергии (руб.);

$СП2_m^{Содерж}$ – стоимость услуги по передаче электроэнергии по двухставочному тарифу, учитывающему стоимость содержания электрических сетей в расчетный месяц ($\text{кВт} \times \text{мес}$) (2) [20].

$$СП2_m^{Содерж} = T_m^{Содерж} \times ВП2_m, \quad (2)$$

где $T_m^{Содерж}$ – ставка тарифа за содержание электрических сетей в расчетном месяце, действующего на территории субъекта РФ ($\text{руб/кВт} \times \text{мес.}$) [18];

$VP2_m$ – величина, принимаемая для расчета обязательств по оплате за содержание электрических сетей в расчетном месяце (кВтч в месяц) (3) [23].

$$VP2_m = \sum_{\text{раб},m} \max (W_{T_{\text{пик_CO}}}^{\text{мес}}) / n_{\text{раб},m}, \quad (3)$$

где $\max (W_{T_{\text{пик_CO}}}^{\text{мес}})$ – максимальная величина потребления электроэнергии промышленного

предприятия в период интервалов плановых часов пиковой нагрузки $T_{\text{пик_CO}}$, утверждаемых Системным оператором ЕЭС для рабочего дня расчетного месяца (кВтч в месяц).

Примеры расчета составляющей величины, принимаемой для расчета обязательств по оплате за содержание электрических сетей в расчетном месяце, представлены на рис. 2.

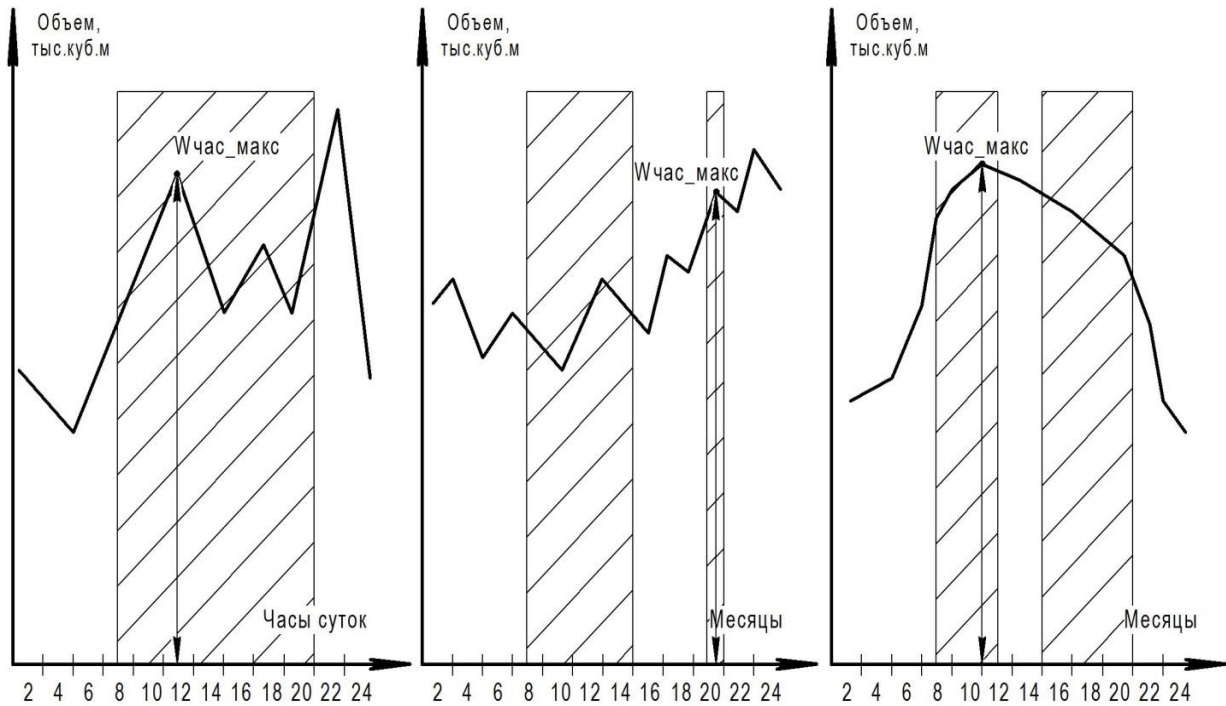

Рис. 2. Примеры определения составляющей величины, принимаемой для расчета обязательств по оплате за содержание электрических сетей
Примечание: составлено автором на основе интервалов плановых часов пиковой нагрузки.

Как следует из представленных примеров, для расчета обязательств по оплате за содержание электрических сетей принимается максимальное значение собственного суточного потребления электроэнергии промышленного предприятия за рабочий день, с учетом интервалов, которые входят в периоды плановых часов пиковой нагрузки. Примеры интервалов плановых часов пиковой нагрузки, действующих на территории европейской зоны рынка электроэнергии России, представлены на рис. 3. Как следует из представленных интервалов, периоды плановых часов пиковой нагрузки действуют в дневные периоды, незначительно сменяясь в разные месяцы календарного года.

Средневзвешенный тариф на передачу электроэнергии для каждого промышленного предприятия, присоединенного к электрическим сетям производителей электроэнергии, будет рассчитываться по формуле (4) [24]:

$$TP2_m^{\text{ГН}} = SP2_m^{\text{ГН}} / \sum_m W_t^{\text{мес}}, \quad (4)$$

где $TP2_m^{\text{ГН}}$ – средневзвешенный тариф на передачу электроэнергии для каждого промышленного предприятия за календарный месяц (руб/кВтч);

$\sum_{\text{мес}} W_t$ – объем почасового потребления электроэнергии промышленного предприятия за календарный месяц (кВтч).

	январь.21	февр.21	мар.21	апр.21	май.21	июн.21	июл.21	авг.21	сен.21	окт.21	ноя.21	дек.21
1												
2												
3												
4												
5												
6												
7												
8												
9												
10												
11												
12												
13												
14												
15												
16												
17												
18												
19												
20												
21												
22												
23												
24												

Рис. 3. Интервалы плановых часов пиковой нагрузки, действующих на территории европейской зоны рынка электроэнергии России за 2021 г.
Примечание: составлено автором по [25].

При этом если бы промышленное предприятие не было присоединено к электрическим сетям производителя электроэнергии, оно имело бы право выполнять расчеты за передачу электроэнергии по одноставочному тарифу, который рассчитывается по формуле (5):

$$СП1_{\text{мес}} = СП1_m^{\text{Передача}} \times \sum_{\text{мес}} W_t, \quad (5)$$

где $СП1_{\text{мес}}$ – стоимость услуг по передаче электроэнергии по одноставочному тарифу за календарный месяц (руб.);

$СП1_m^{\text{Передача}}$ – одноставочный тариф на услугу по передаче электроэнергии по одноставочному тарифу за календарный месяц, действующий на территории субъекта РФ (руб/кВтч).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Для оценки альтернативных вариантов средневзвешенной стоимости оказания услуг по передаче электроэнергии в различных вариантах тарифов приведем примеры расчетов на базе трех вариантов графиков спроса на электропотребление, имеющих различные показатели коэффициента заполнения суточного графика нагрузки. На рис. 4 представлены примеры графиков почасовых электрических нагрузок за типовые сутки. Представленные графики имеют различные показатели коэффициента заполнения суточного графика нагрузки, при этом суммарное суточное потребление электроэнергии в рамках указанных графиков является одинаковым (табл. 1).

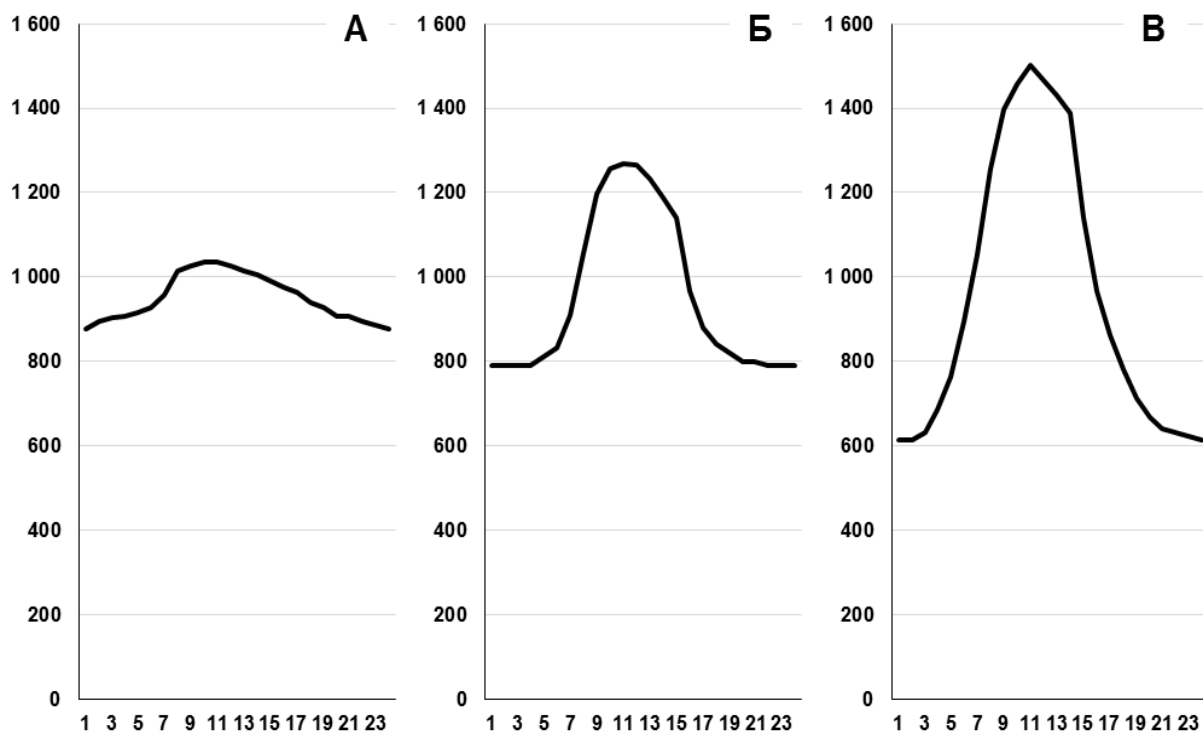

Рис. 4. Почасовые графики электрических нагрузок за типовые сутки

Примечание: составлено автором на основе типовых графиков
электропотребления промышленных предприятий.

Таблица 1

Характеристики почасовых графиков электрических нагрузок за типовые сутки

№ пп	Параметры	График А	График Б	График В
1	Коэффициент заполнения суточного графика нагрузки	1,09	1,34	1,58
2	Суточный объем потребления электроэнергии (кВтч)	22 800	22 800	22 800
3	Суточный максимум потребления электроэнергии (кВт)	1 035	1 270	1 501
4	Среднесуточное потребление электроэнергии (кВтч)	950	950	950

Примечание: составлено автором на основе анализа полученных графиков электропотребления.

Для трех исследуемых вариантов почасовых конфигураций графиков спроса на потребление электроэнергии проведен расчет средневзвешенной стоимости услуг по

передаче электроэнергии для рассматриваемых вариантов графиков спроса на примере регионов Уральского и Сибирского федеральных округов (табл. 2).

Таблица 2

Расчет средневзвешенной стоимости услуг по передаче электроэнергии для рассматриваемых вариантов графиков спроса на примере регионов Уральского и Сибирского федеральных округов

Федеральные округа	Регионы	Одноставочный средневзвешенный тариф на передачу электроэнергии (руб/кВтч)		
		График А	График Б	График В
Уральский федеральный округ	Курганская область	0,982	0,982	0,982
	Свердловская область	1,019	1,019	1,019
	Тюменская область	1,412	1,412	1,412
	Челябинская область	1,346	1,346	1,346

Федеральные округа	Регионы	Одноставочный средневзвешенный тариф на передачу электроэнергии (руб/кВтч)		
		График А	График Б	График В
Сибирский федеральный округ	Республика Алтай	0,878	0,878	0,878
	Республика Тыва	3,517	3,517	3,517
	Республика Хакасия	0,747	0,747	0,747
	Алтайский край	0,878	0,878	0,878
	Красноярский край	1,019	1,019	1,019
	Иркутская область	0,444	0,444	0,444
	Кемеровская область	1,450	1,450	1,450
	Новосибирская область	1,112	1,112	1,112
	Омская область	0,840	0,840	0,840
	Томская область	1,282	1,282	1,282
		Средневзвешенный тариф на передачу электроэнергии для потребителей, присоединенных к электрическим сетям производителей электроэнергии (руб/кВтч)		
		График А	График Б	График В
Уральский федеральный округ	Курганская область	0,911	1,118	1,322
	Свердловская область	0,861	1,056	1,249
	Тюменская область	1,519	1,864	2,204
	Челябинская область	0,958	1,176	1,390
Сибирский федеральный округ	Республика Алтай	0,818	1,003	1,186
	Республика Тыва	5,060	6,209	7,341
	Республика Хакасия	0,820	1,006	1,189
	Алтайский край	0,818	1,003	1,186
	Красноярский край	0,876	1,075	1,271
	Иркутская область	0,408	0,501	0,592
	Кемеровская область	1,380	1,694	2,002
	Новосибирская область	1,045	1,283	1,517
	Омская область	0,819	1,005	1,188
	Томская область	1,362	1,671	1,976
		Разница в средневзвешенных тарифах на передачу электроэнергии (руб/кВтч)		
		График А	График Б	График В
Уральский федеральный округ	Курганская область	0,071	-0,136	-0,340
	Свердловская область	0,158	-0,037	-0,230
	Тюменская область	-0,107	-0,452	-0,792
	Челябинская область	0,388	0,170	-0,044
Сибирский федеральный округ	Республика Алтай	0,060	-0,125	-0,308
	Республика Тыва	-1,543	-2,692	-3,824
	Республика Хакасия	-0,073	-0,259	-0,442
	Алтайский край	0,060	-0,125	-0,308
	Красноярский край	0,143	-0,056	-0,252
	Иркутская область	0,036	-0,057	-0,148
	Кемеровская область	0,070	-0,244	-0,552
	Новосибирская область	0,067	-0,171	-0,405
	Омская область	0,021	-0,165	-0,348
	Томская область	-0,080	-0,389	-0,694

Примечание: составлено автором на основе расчета параметров региональных тарифов на передачу электроэнергии.

Как следует из табл. 2, средневзвешенные тарифы на передачу электроэнергии для эквивалентных конфигураций графиков электропотребления для различных регионов не являются одинаковыми, что связано с отли-

чиями объемов и структуры тарифов на передачу электроэнергии в этих регионах [26]. Таким образом, рассчитанные показатели одноставочных средневзвешенных тарифов на передачу электроэнергии и средневзве-

шенных тарифов на передачу электроэнергии для потребителей, присоединенных к электрическим сетям производителей электроэнергии, различаются.

Показатели разницы в исследуемых средневзвешенных тарифах на передачу электроэнергии также неодинаковы для различных рассматриваемых вариантов графиков электропотребления. Для графика «А» разница средневзвешенных тарифов в большей части регионов складывается в пользу тарифа, действующего для промышленных предприятий, присоединенных к сетям производителей электроэнергии. Для графиков «Б» и «В», наоборот, разница средневзвешенных тарифов складывается в пользу одноставочного тарифа на передачу электроэнергии. При этом разница исследуемых тарифов для графика «В» существеннее, чем для графика

«Б». Это связано с влиянием характеристики величины $W_{\text{час_макс}}$, участвующей в формуле расчета стоимости услуг по передаче электроэнергии. Чем выше показатель $W_{\text{час_макс}}$ промышленного предприятия в интервалах плановых часов пиковой нагрузки, тем выше средневзвешенный тариф на передачу электроэнергии [7].

Для наглядности оценки величины различия средневзвешенных цен на оказание услуг по передаче электроэнергии, графики разницы средневзвешенных тарифов по передаче электроэнергии для рассматриваемых вариантов представлены на рис. 5. Как следует из графиков, для всех региональных вариантов расчетов графика «В» разница средневзвешенных тарифов увеличивается по сравнению с другими рассматриваемыми вариантами конфигурации графика спроса.

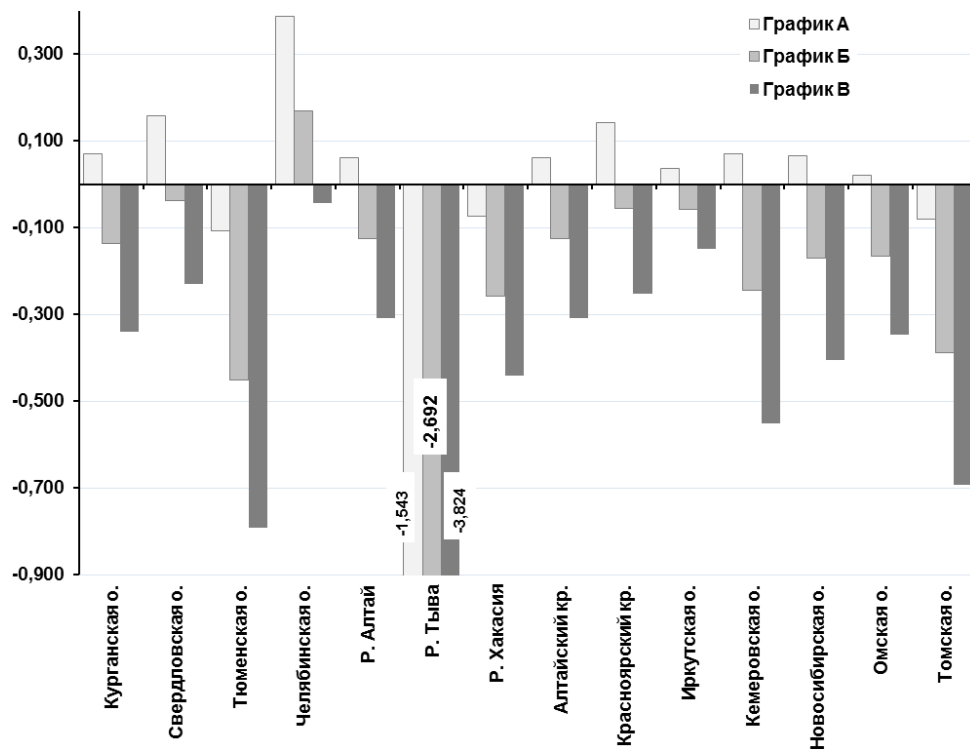

Рис. 5. Графики разницы средневзвешенных тарифов по передаче электроэнергии для рассматриваемых вариантов (руб/кВтч)
Примечание: составлено автором на основе проведенных расчетов.

Таким образом, на основании результатов полученных расчетов можно констатировать, что на величину средневзвешенных тарифов по передаче электроэнергии оказывает существенное влияние показатель $W_{\text{час_макс}}$, оптимизация величины которого может суще-

ственно сократить средневзвешенные тарифы на передачу электроэнергии для промышленных предприятий. Оптимизация параметра $W_{\text{час_макс}}$ может быть выполнена на основе управления собственным спросом на потребление электроэнергии промышлен-

ного предприятия. На рис. 6 представлена разработанная модель управления спросом на электроэнергию промышленных предприятий, подключенных к сетям производителей электроэнергии.

Значительная часть разработанной модели посвящена аналитической работе по прогнозированию параметров графиков спроса на потребление электроэнергии и моделированию параметров стоимости закупок электроэнергии в различных сценариях управления графиком спроса. Результатом проведения анализа является решение по оптимизации

графиков почасового суточного спроса на потребление электроэнергии для снижения величины $W_{\text{час_макс}}$, с учетом критериев экономической эффективности, технологических возможностей, системной устойчивости. После разработки оптимального решения корректировки почасового графика спроса и внедрения этого решения в деятельность промышленного предприятия производится систематическая оценка экономического эффекта, устранение ошибок и дальнейшее совершенствование модели управления.

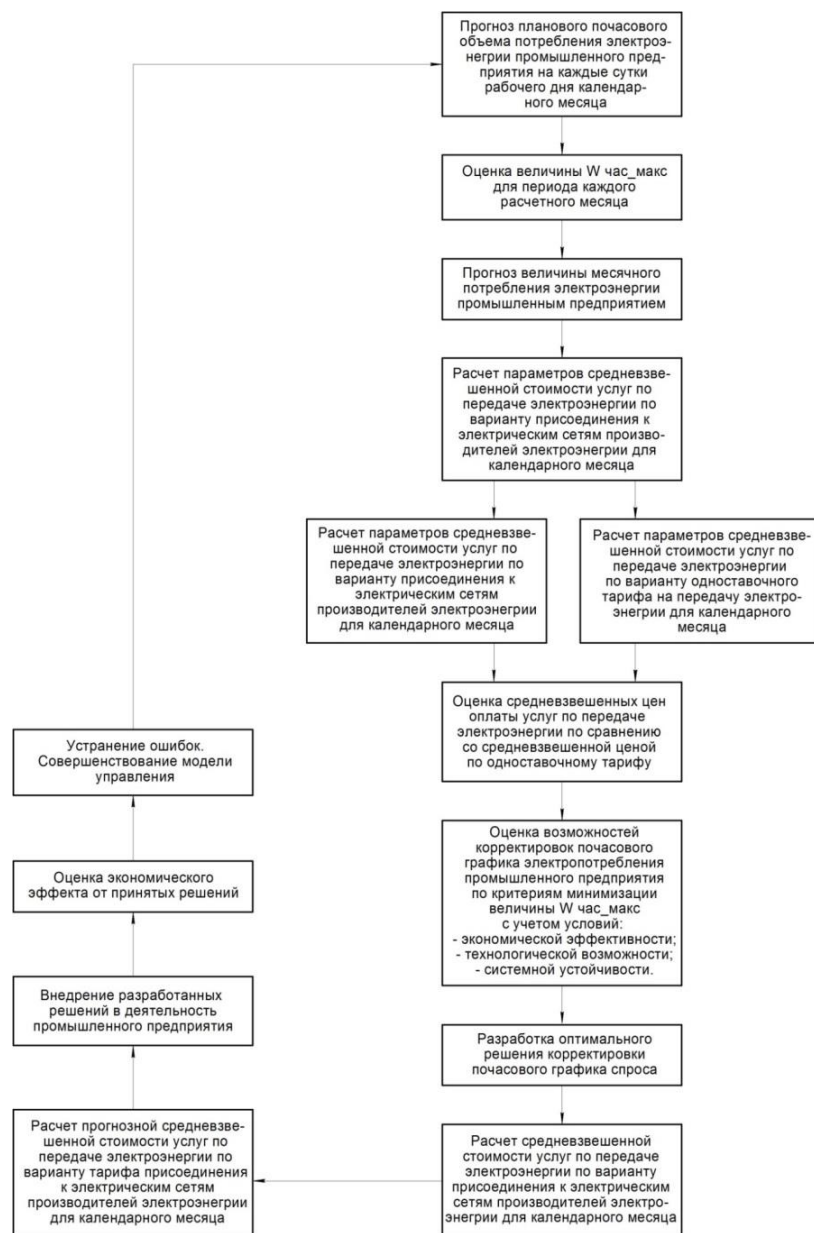

Рис. 6. Модель управления спросом на электроэнергию промышленных предприятий, подключенных к сетям производителей электроэнергии

Примечание: разработано автором.

На рис. 7 представлены примеры почасовых графиков электрических нагрузок за типовые сутки до и после управления спросом. Как следует из представленных примеров, для некоторых графиков спроса оптимизация может не понадобиться, для некоторых графиков, в зависимости от внутренних возможностей предприятия, оптимизация может

быть значительной либо поверхностной [27–28]. При этом полученные решения позволяют промышленным предприятиям, подключенным к электрическим сетям производителей электроэнергии, существенно сократить затраты на закуп электроэнергии по критериям стоимости услуг по передаче электроэнергии.

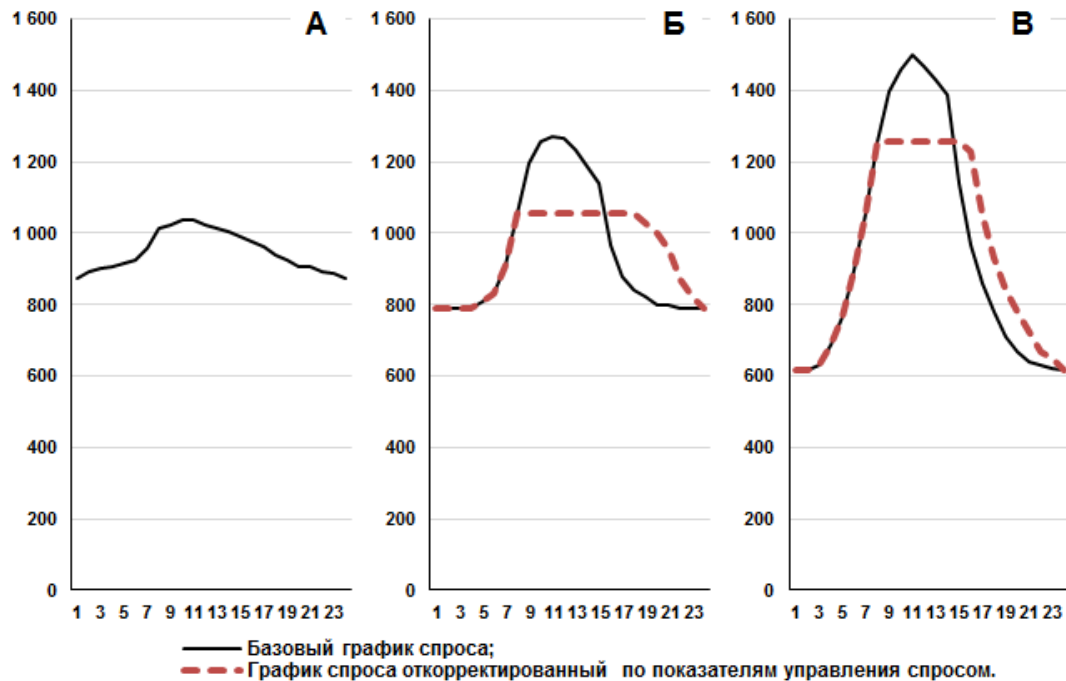

Рис. 7. Почасовые графики электрических нагрузок за типовые сутки до и после управления спросом

Примечание: составлено автором на основе типовых графиков электропотребления промышленных предприятий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1) действующие условия ценообразования на оплату компонента услуг по передаче электроэнергии для промышленных предприятий, напрямую подключенных к электрическим сетям производителей электроэнергии, имеют особенность, связанную с определением стоимости услуг по передаче электроэнергии исключительно на основе характеристик собственного почасового профиля электропотребления. Это ограничивает возможности промышленных предприятий по выбору конфигурации вариантов тарифов оплаты услуг по передаче электроэнергии и определяет наличие рисков увеличения стоимости закупаемой электроэнергии;

2) эмпирическое исследование параметров средневзвешенных тарифов на передачу электроэнергии, действующих на территориях Уральского и Сибирского федеральных округов для различных конфигураций почасового суточного графика электропотребления, показало, что с ростом показателя коэффициента заполнения суточного графика нагрузки средневзвешенная стоимость услуг по передаче электроэнергии для промышленных предприятий, подключенных к электрическим сетям производителей электроэнергии, существенно превышает стоимость электроэнергии для промышленных предприятий, не имеющих прямого технологического присоединения к электрическим сетям производителей электроэнергии;

3) для решения проблемы завышенных тарифов на передачу электроэнергии автомобилем предложена модель управления спросом на электроэнергию промышленных предприятий, подключенных к сетям производителей электроэнергии, основанная на прогнозировании и последующей оценке стоимостных параметров оплаты услуг по передаче электроэнергии до и после корректировок почасовых суточных графиков электропотребления промышленных предприятий. На основе критериев экономической эффективности, с учетом технологических возможностей и системной устойчивости предложено выполнять оптимизацию суточных графиков электропотребления промышленных предприятий, что позволит снизить величину $W_{\text{час_макс}}$, рассчитываемую в процессе определения обязательств по оплате услуг по передаче электроэнергии;

4) результаты моделирования почасовых графиков электрических нагрузок промышленных предприятий за типовые сутки до и после управления спросом показывают, что для некоторых графиков спроса оптимизация может не понадобиться, для некоторых графиков, в зависимости от внутренних возможностей предприятия, оптимизация может быть значительной либо поверхностной. Разработанные решения позволяют промышленным предприятиям, подключенным к электрическим сетям производителей электроэнергии, снижать собственные затраты на закуп электроэнергии, что способствует повышению экономической эффективности и финансовой устойчивости их деятельности.

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА

Исследование выполнено при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013), соглашение № 02.A03.21.0011.

ЛИТЕРАТУРА

1. Emec S., Kuschke M., Chemnitz M. Potential for Demand Side Management in Automotive Manufacturing // Innovative Smart Grid Technologies Europe (ISGT EUROPE). 2013. P. 1–5. DOI 10.1109/ISGTEurope.2013.6695303.
2. Feng J., Zeng B., Zhao D. et al. Evaluating Demand Response Impacts on Capacity Credit of Renewable Distributed Generation in Smart Distribution Systems // IEEE Access. 2018. Vol. 6. P. 14307–14317. DOI 10.1109/ACCESS.2017.2745198.
3. Abahussain M., Christie R. D. Optimal Scheduling of a Natural Gas Processing Facility with Price-based Demand Response // 2013 IEEE Power & Energy Society General Meeting. 2013. P. 1–5. DOI 10.1109/PESMG.2013.6672280.
4. Albadi M. H., El-Saadany E. F. Demand Response in Electricity Markets: An Overview // 2007 IEEE Power Engineering Society General Meeting. 2007. P. 1–5. DOI 10.1109/PES.2007.385728.
5. Lino P., Valenzuela P., Ferreira R. S. et al. Energy Tariff and Demand Response in Brazil: an Analysis of Recent Proposals from the Regulator // IEEE PES Conference on Innovative Smart Grid Technologies. ISGT Latin America. 2011. P. 1–5. DOI 10.1109/ISGT-LA.2011.6083207.
6. Raad A., Junior P., Vaz A. The Demand Side Management Market in Brazil: Demand Controller and Differentiate Tariffs // XVI SNPTEE, Campinas, SP. 2001. P. 362–369.
7. Любимова Н. Г., Порцина Е. Н. Анализ зарубежных методов регулирования тарифов на услуги по передаче электрической энергии сетевыми организациями // Инновации и инвестиции. 2020. № 1. С. 163–167.

REFERENCES

1. Emec S., Kuschke M., Chemnitz M. Potential for Demand Side Management in Automotive Manufacturing // Innovative Smart Grid Technologies Europe (ISGT EUROPE). 2013. P. 1–5. DOI 10.1109/ISGTEurope.2013.6695303.
2. Feng J., Zeng B., Zhao D. et al. Evaluating Demand Response Impacts on Capacity Credit of Renewable Distributed Generation in Smart Distribution Systems // IEEE Access. 2018. Vol. 6. P. 14307–14317. DOI 10.1109/ACCESS.2017.2745198.
3. Abahussain M., Christie R. D. Optimal Scheduling of a Natural Gas Processing Facility with Price-based Demand Response // 2013 IEEE Power & Energy Society General Meeting. 2013. P. 1–5. DOI 10.1109/PESMG.2013.6672280.
4. Albadi M. H., El-Saadany E. F. Demand Response in Electricity Markets: An Overview // 2007 IEEE Power Engineering Society General Meeting. 2007. P. 1–5. DOI 10.1109/PES.2007.385728.
5. Lino P., Valenzuela P., Ferreira R. S. et al. Energy Tariff and Demand Response in Brazil: an Analysis of Recent Proposals from the Regulator // IEEE PES Conference on Innovative Smart Grid Technologies. ISGT Latin America. 2011. P. 1–5. DOI 10.1109/ISGT-LA.2011.6083207.
6. Raad A., Junior P., Vaz A. The Demand Side Management Market in Brazil: Demand Controller and Differentiate Tariffs // XVI SNPTEE, Campinas, SP. 2001. P. 362–369.
7. Liubimova N. G., Portsina E. N. Analiz zarubezhnykh metodov regulirovaniia tarifov na uslugi po peredache elektricheskoi energii setevymi organizatsiiami // Innovatsii i investitsii. 2020. No. 1. P. 163–167. (In Russian).

8. Ишеналиев А. А. Повышение экономической эффективности энергоснабжающих организаций в условиях государственного регулирования тарифов для конечных потребителей // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 11–10 (67). С. 133–140.
9. Васильев Д. А. Новое в государственном регулировании тарифов электроэнергетических компаний // Экономика и предпринимательство. 2019. № 9 (110). С. 161–166.
10. Мизиковский И. Е., Баженов А. А. Проблемы применения метода экономически обоснованных расходов (тарифов) при ценообразовании в электроэнергетике // Финансовый менеджмент. 2016. № 2. С. 101–107.
11. Изотова А. В. Особенности государственного регулирования цен (тарифов) в сфере электроэнергетики // Правовой энергетический форум. 2015. № 4. С. 12–20.
12. Мокрова К. С. Формирование дифференцированных тарифов на электроэнергию в зависимости от уровня надежности энергоснабжения потребителей // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2016. № 1 (45). С. 56–61.
13. Постолатий В. М., Берзан В. П., Быкова Е. В., Гродецкий М. В., Анисимов В. К. Влияние тарифов на развитие экономики и энергетики // Современная наука: исследования, идеи, результаты, технологии. 2015. № 1 (16). С. 188–194.
14. Аксенов Н. В., Гусева Н. В. Применение многоставочных тарифов на электроэнергию для повышения экономичности работы энергосистемы // Математические методы в технике и технологиях – ММТТ. 2014. № 13 (70). С. 179–182.
15. Коваленко С. А., Сафонова К. И. Как усовершенствовать методику расчета тарифов на услуги по передаче и распределению электрической энергии // Известия Дальневосточ. федер. ун-та. Экономика и управление. 2014. № 4 (72). С. 81–92.
16. Степанищева М. И. Отраслевые и региональные особенности расчета тарифов за электроэнергию в современной экономике России // Казан. экон. вестн. 2014. № 5 (13). С. 120–124.
17. Печеник Н. В., Самойлик А. В., Курбака Г. В. Эффективность выравнивания тарифов электрической нагрузки энергосистемы как составляющая управления режимом электропотребления промышленного предприятия // Энергосбережение. Энергетика. Энергоаудит. 2014. № 10 (129). С. 2–6.
18. Дзюба А. П., Соловьева И. А. Управление спросом на энергоресурсы в промышленных комплексах и регионах. Челябинск : ИЦ ЮУрГУ, 2019. 239 с.
19. Баев И. А., Соловьева И. А., Дзюба А. П. Управление затратами на услуги по передаче электроэнергии в промышленном регионе // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 3. С. 899–913.
20. Дзюба А. П., Соловьева И. А. Интегрирование систем малой распределенной энергетики в мо-
8. Ishenaliev A. A. Povyshenie ekonomicheskoi effektivnosti energosnabzhaiushchikh organizatsii v usloviakh gosudarstvennogo regulirovaniia tarifov dlia konechnykh potrebitelei // Aktualnye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire. 2020. No. 11–10 (67). P. 133–140. (In Russian).
9. Vasilev D. A. Novoe v gosudarstvennom regulirovanii tarifov elektroenergeticheskikh kompanii // Ekonomika i predprinimatelstvo. 2019. No. 9 (110). P. 161–166. (In Russian).
10. Mizikovskii I. E., Bazhenov A. A. Problemy primeneniia metoda ekonomicheskii obosnovannykh raskhodov (tarifov) pri tsenoobrazovanii v elektroenergetike // Finansovyi menedzhment. 2016. No. 2. P. 101–107. (In Russian).
11. Izotova A. V. Osobennosti gosudarstvennogo regulirovaniia tsen (tarifov) v sfere elektroenergetiki // Pravovoi energeticheskii forum. 2015. No. 4. P. 12–20. (In Russian).
12. Mokrova K. S. Formirovanie differentsirovannykh tarifov na elektroenergiu v zavisimosti ot urovnia nadezhnosti energosnabzheniia potrebitelei // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regionalnoe prilozhenie. 2016. No. 1 (45). P. 56–61. (In Russian).
13. Postolatii V. M., Berzan V. P., Bykova E. V., Grodetzkii M. V., Anisimov V. K. Vliianie tarifov na razvitie ekonomiki i energetiki // Sovremennaiia nauka: issledovaniia, idei, rezul'taty, tekhnologii. 2015. No. 1 (16). P. 188–194. (In Russian).
14. Aksenov N. V., Guseva N. V. Primenenie mnogostavochnykh tarifov na elektroenergiu dlia povysheniia ekonomichnosti raboty energosistemy // Matematicheskie metody v tekhnike i tekhnologiakh – MMTT. 2014. No. 13 (70). P. 179–182. (In Russian).
15. Kovalenko S. A., Safonova K. I. Kak usovershenstvovat metodiku rascheta tarifov na uslugi po peredache i raspredeleniiu elektricheskoi energii // Izvestiia Dalnevostoch. feder. un-ta. Ekonomika i upravlenie. 2014. No. 4 (72). P. 81–92. (In Russian).
16. Stepanishcheva M. I. Otrasleyve i regionalnye osobennosti rascheta tarifov za elektroenergiu v sovremennoi ekonomike Rossii // Kazan. ekon. vestn. 2014. No. 5 (13). P. 120–124. (In Russian).
17. Pechenik N. V., Samoilik A. V., Kurbaka G. V. Effektivnost vyravnivaniya tarifov elektricheskoi nagruzki energosistemy kak sostavliaiushchaia upravleniia rezhimom elektropotrebleniia promyshlennogo predpriatiia // Energoberezhenie. Energetika. Energoaudit. 2014. No. 10 (129). P. 2–6. (In Russian).
18. Dzyuba A. P., Soloveva I. A. Upravlenie sprosom na energoresursy v promyshlennykh kompleksakh i regionakh. Chelyabinsk : ITs YuUrGU, 2019. 239 p. (In Russian).
19. Baev I. A., Soloveva I. A., Dzyuba A. P. Upravlenie zatratami na uslugi po peredache elektroenerгии v promyshlennom regione // Ekonomika regiona. 2018. Vol. 14, No. 3. P. 899–913. (In Russian).
20. Dzyuba A. P., Soloveva I. A. Integrirovaniie sistem maloi raspredelennoi energetiki v model tsenozavisimogo upravleniia sprosom na elektropotreblenie // Problemy ekonomiki i upravleniia neftegazovym kompleksom. 2018. No. 5. P. 39–49. (In Russian).

- дель ценозависимого управления спросом на электропотребление // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2018. № 5. С 39–49.
21. Зиновьева Е. Н. Совершенствование методов формирования тарифов на передачу электроэнергии по распределительным сетям // Студенческий. 2020. № 42-4 (128). С. 45–48.
 22. Потешин М. И., Дидыч В. А., Екименко П. П., Мирошников А. В. Применение первой и третьей ценовой категории при расчетах за электроэнергию (мощность) // Сельский механизатор. 2018. № 7–8. С. 17–19.
 23. Соловьева И. А. Интеллектуальное ценозависимое управление затратами на электропотребление промышленного предприятия // Вестн. УрФУ. Сер. Экономика и управление. 2017. Т. 16, № 1. С. 27–45.
 24. Пустовит Ю. П. Принудительное изменение схемы расчетов за услуги по передаче электроэнергии («переворот котла»): проблемы законодательства и судебной практики // Энергетика и право. 2017. № 4. С. 35–40.
 25. Плановые часы пиковой нагрузки на 2021 год для территорий, отнесенных к ценовым зонам оптового рынка электрической энергии и мощности, и территорий, отнесенных к неценовым зонам оптового рынка электрической энергии и мощности (утв. заместителем Председателя Правления АО «СО ЕЭС» С. А. Павлушко «29» декабря 2020 г.). URL: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/markets/2021/pik_chas2021.pdf (дата обращения: 23.01.2021).
 26. Файн Б. И. Плата за мощность как механизм повышения ответственности потребителей при осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям // Наукоеведение. 2017. Т. 9, № 6. С. 43.
 27. Воропай Н. И., Стычински З. А., Козлова Е. В., Степанов В. С., Суслов К. В. Оптимизация суточных графиков нагрузки активных потребителей // Известия РАН. Энергетика. 2014. № 1. С. 84–90.
 28. Cappers P., Goldman C., Kathan D. Demand Response in U.S. Electricity Markets: Empirical Evidence // Energy. 2010. Vol. 35, Iss. 4. P. 1526–1535. DOI 10.1016/j.energy.2009.06.029.
 21. Zinoveva E. N. Sovershenstvovanie metodov formirovaniia tarifov na peredachu elektroenergii po raspredelitel'nyim setiam // Studencheskii. 2020. No. 42-4 (128). P. 45–48. (In Russian).
 22. Poteshin M. I., Didych V. A., Ekimenko P. P., Miroshnikov A. V. Primenenie pervoi i tretei tsenovoi kategorii pri raschetakh za elektroenergiu (moshchnost) // Selskii mekhanizator. 2018. No. 7–8. P. 17–19. (In Russian).
 23. Soloveva I. A. Intellectualnoe tsenozavisimoe upravlenie zatratami na elektropotreblenie promyshlennogo predpriiatiia // Vestn. UrFU. Ser. Ekonomika i upravlenie. 2017. Vol. 16, No. 1. P. 27–45.
 24. Pustovit Yu. P. Prinuditel'noe izmenenie skhemy raschetov za uslugi po peredache elektroenergii ("perevorot kotla"): problemy zakonodatel'stva i sudebnoi praktiki // Energetika i pravo. 2017. No. 4. P. 35–40. (In Russian).
 25. Planovye chasy pikovoi nagruzki na 2021 god dlia territorii, otnesennykh k tsenovym zonam optovogo rynka elektricheskoi energii i moshchnosti, i territorii, otnesennykh k netsenovym zonam optovogo rynka elektricheskoi energii i moshchnosti (utv. zamestitелем Predsedatelya Pravleniia AO "SO EES" S. A. Pavlushko 29 dekabrya 2020 g.). URL: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/markets/2021/pik_chas2021.pdf (accessed: 23.01.2021). (In Russian).
 26. Fain B. I. Plata za moshchnost kak mekhanizm povysheniia otvetstvennosti potrebitelei pri osushchestvlenii tekhnologicheskogo prisoedineniia k elektricheskim setiam // Naukovedenie. 2017. Vol. 9, No. 6. P. 43. (In Russian).
 27. Voropai N. I., Stychinski Z. A., Kozlova E. V., Stepanov V. S., Suslov K. V. Optimizatsiia suutochnykh grafikov nagruzki aktivnykh potrebitelei // Izvestiia RAN. Energetika. 2014. No. 1. P. 84–90. (In Russian).
 28. Cappers P., Goldman C., Kathan D. Demand Response in U.S. Electricity Markets: Empirical Evidence // Energy. 2010. Vol. 35, Iss. 4. P. 1526–1535. DOI 10.1016/j.energy.2009.06.029.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дзюба Анатолий Петрович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник кафедры финансовых технологий, Высшая школа экономики и управления, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия.

E-mail: dzyuba-a@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anatoly P. Dzyuba – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Department of Financial Technologies, Higher School of Economics and Management, South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia.

E-mail: dzyuba-a@yandex.ru

УДК 336.2

DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-26-35

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н. З. Зотиков

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия

E-mail: Zotikovcontrol@yandex.ru

Налоговое регулирование следует рассматривать как важнейший механизм, способствующий созданию экономической безопасности страны в целом и ее регионов в частности. Предметом исследования является налоговая политика как важнейший инструмент государства для выполнения задач экономического развития. Особенность авторского подхода заключается в том, что в статье государственная налоговая политика рассматривается в тесной взаимосвязи с такими понятиями, как «экономическая безопасность» и «налоговая безопасность».

При проведении исследования использованы логический и аналитический методы, методы анализа и синтеза, сравнения и др. В результате выявлено значительное влияние внешних факторов на характер государственной налоговой политики.

Ключевые слова: государственная налоговая политика, налоговый механизм, налоговая система, экономическая безопасность, налоговая безопасность, угрозы экономической безопасности.

Для цитирования: Зотиков Н. З. Государственная налоговая политика в условиях угроз национальной экономической безопасности // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 26–35. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-26-35.

STATE TAX POLICY UNDER THREATS TO THE NATIONAL ECONOMIC SECURITY

N. Z. Zotikov

I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russia

E-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

The tax regulation should be viewed as a primary mechanism ensuring the economic security of the country on the whole and its separate regions. The subject of this research is tax policy as an essential instrument of the state in fulfilling tasks of economic development. The peculiarity of the author's approach lies in the fact that the article considers the state tax policy in close connection with concepts of economic security and tax security.

The article uses analysis, synthesis, comparison, logical and analytical methods, and others. The study revealed a significant influence of external factors on the nature of the state tax policy.

Keywords: state tax policy, tax mechanism, tax system, economic security, tax security, threats to economic security.

For citation: Zotikov N. Z. State Tax Policy under Threats to the National Economic Security // Surgut State University Journal. 2021. No. 1. P. 26–35. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-26-35.

ВВЕДЕНИЕ

Характер и содержание налоговой политики государства зависят от множества факторов, в том числе от общей экономической ситуации в стране и мире, уровня инфляции.

Налоговая политика представляет собой систему мероприятий по регулированию

экономики с помощью налогов, установлению приемлемого налогового бремени в зависимости от стоящих перед страной в данный период времени макроэкономических задач. Государственная налоговая политика, основываясь на налоговом механизме регулирования экономики, обеспечивает финан-

сово-экономическую безопасность, в том числе налоговую.

Налоговая политика во взаимосвязи со многими элементами (денежно-кредитным механизмом, ценообразованием и т. п.) оказывает воздействие на все стороны жизни страны, ее экономики: «именно налоговая государственная политика в значительной мере обуславливает безопасность, развитие и рост национальной экономики» [1, с. 73].

В основе налоговой политики государства лежит концепция налогообложения, исходными составляющими которой являются государственные приоритеты в налогообложении (фискальные, экономические, социальные интересы). Преобладание фискального аспекта обеспечит бюджет доходами, в то же время увеличивается налоговая нагрузка. «Особую роль в достижении экономической безопасности играет налоговая политика как механизм перераспределения, который должен способствовать устранению значительного разрыва в распределении доходов» [2, с. 100].

Актуальность исследования обусловлена ролью налогов, определением налога как «обязательного платежа, взимаемого с организаций и физических лиц в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований» (п. 1 ст. 8 Налогового кодекса РФ). С учетом того, что налоги как доходы государства связаны с расходами, налоговые отношения должны быть объектом государственного регулирования. Такое регулирование должно осуществляться с помощью налоговой политики, реализуемой на основе налоговой системы.

При проведении налоговой политики государство опирается на действующее налоговое законодательство, использует такие элементы налоговой системы, как льгота, ставка, налоговая база, штрафы и т. д. Налоговая политика в пределах предоставленных компетенций может проводиться на разных уровнях управления: федеральном, региональном, местном. При этом возможность проведения полномасштабной налоговой политики на региональном и местном уровнях резко ограничена, она сводится к тому, что регионам и муниципалитетам предоставлено право устанавливать конкретные ставки по закрепленным за ними налогам в пределах

ставок, предусмотренных Налоговым кодексом Российской Федерации (далее – НК РФ), определять порядок и сроки уплаты налога, а также предусматривать льготы для отдельных категорий налогоплательщиков (с 2021 г. сроки уплаты региональных налогов установлены НК РФ).

На современном этапе развития в налоговой теории и практике в зависимости от типа проводимой налоговой политики устанавливаются:

- максимальный уровень налоговой нагрузки по принципу «авось поступят». Но здесь возможна «налоговая ловушка»;

- умеренные налоговые ставки, но при этом сокращается финансирование социальных программ;

- достаточно высокий уровень налогообложения, при этом обеспечивается определенный уровень социальной защиты населения. В странах со слаборазвитой экономикой данный тип налоговой политики может привести к росту инфляции.

В сложившейся мировой экономической ситуации, характеризующейся игнорированием рыночных механизмов, правил Всемирной торговой организации, преобладанием санкционных мер, а также спадом мирового объема производства в условиях пандемии коронавируса, важное значение приобретает именно обеспечение экономической безопасности государства.

Как отмечают А. И. Пономарев и соавт., «сущность экономической безопасности государства состоит в способности экономики обеспечивать качество жизни населения на уровне стандарта развитых стран мира, социально-экономическую и военно-политическую стабильность общества, в возможности противостоять влиянию внутренних и внешних угроз. ... Важнейшей составляющей экономической безопасности является система налоговой безопасности, определяемая через категорию устойчивого, сбалансированного экономического роста, стабильности или устойчивости системы налогообложения России» [3, с. 230].

Налоговая безопасность рассматривается как ситуация, при которой каждый уровень бюджетной системы страны обеспечен соответствующими налоговыми поступлениями.

ми в достаточном объеме. Так, по мнению В. С. Абдуллаевой и Е. С. Захарченко, «показателями налоговой безопасности представляются, в первую очередь, эффективность налоговой политики, оптимально объединяющая фискальные интересы государства, а также индивидуальные и корпоративные интересы налогоплательщиков» [4, с. 34–35].

В свою очередь, А. Л. Анисимов и С. В. Ширпужев считают, что «налоговая безопасность субъекта РФ в широком смысле слова может быть определена как устойчивость функционирования налоговой системы региона, достаточная обеспеченность расходной части регионального бюджета предусмотренными налоговым законодательством поступлениями от уплаты налогов» [5, с. 27].

В исследовании О. С. Кирилловой отмечается, что при проведении налогового регулирования следует учитывать двойственный характер налоговых платежей, «налоги можно рассматривать как категорию, проявляющуюся в единстве двух противоположностей: как средство обеспечения экономической безопасности и фактор ее угрозы» [6, с. 90].

По мнению А. В. Грядуновой, в обеспечении экономической безопасности значительное место занимает налоговая безопасность, «с этой точки зрения налоговая система рассматривается как элемент государственного управления, гарантирующий защищенность интересов как физических лиц, так и организаций от негативных экономических факторов, кризисных явлений» [7, с. 65].

Таким образом, в проведенных ранее исследованиях по данной теме отмечены следующие проблемы:

- государственная налоговая политика не содержит четко определенной стратегии и тактики, о чем свидетельствуют постоянно вносимые в хаотичном порядке изменения в налоговое законодательство;

- существенно снижена роль регионов и муниципалитетов в проведении налоговой политики;

- в налоговой системе превалирует фискальная функция налогов в ущерб регулирующей и стимулирующей функциям;

- действующая налоговая система не выполняет свою основную функцию: не спо-

собствует успешному развитию экономики, формированию доходов бюджетов в достаточных объемах;

- при существующей системе распределения налогов в самой налоговой системе заложена дефицитность региональных бюджетов, финансовая несостоятельность местных бюджетов, в связи с чем в величине доходов их бюджетов преобладает доля межбюджетных трансфертов;

- «зарплатные» налоги не стимулируют рост денежных доходов населения;

- непостоянство налогового законодательства ухудшает условия ведения предпринимательской деятельности, усложняет налоговое администрирование и др.

Следовательно, можно выделить определенные аспекты, требующие дальнейшего изучения и внесения соответствующих изменений в налогово-бюджетный механизм:

- перезакрепление налогов между бюджетами различных уровней с целью увеличения налоговых доходов в общей величине доходов региональных и местных бюджетов;

- выравнивание уровней социально-экономического развития субъектов РФ;

- совершенствование налогообложения доходов физических лиц для обеспечения социальной справедливости в оплате труда, сокращения разрыва в доходах между высоко- и низкооплачиваемыми сотрудниками путем установления многоступенчатой прогрессивной системы налогообложения по опыту Германии, Франции, США и других стран.

Таким образом, цель исследования – изучение влияния на выбор конкретного типа налоговой политики на конкретном этапе развития экономики внешних и внутренних факторов, современных вызовов и угроз; рассмотрение функционирования действующей налоговой системы в соответствии с основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2020 г. и на плановый период 2021–2022 гг., устанавливающими основные параметры бюджетной системы РФ (в разрезе федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, местных бюджетов), государственных внебюджетных фондов (Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, Федеральный фонд обязательного медицинского стра-

хования), государственного долга РФ, Фонда национального благосостояния, а также фискальной нагрузки на экономику РФ. Также необходимо изучить зарубежный опыт налогово-бюджетного регулирования экономики, возможности его применения в России.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Исследование выполнено на основании статей автора, опубликованных ранее в рамках выполнения Гранта РФФИ № 18-010-00357 на 2018–2020 гг. на тему «Совершенствование налогово-бюджетного механизма и его влияние на экономику региона» с использованием официальных данных Росстата, Минфина, Федерального казначейства, рейтингового агентства РИА Рейтинг, интернет-ресурсов и др., которые в конечном итоге составили текст монографии [8], выпущенной в рамках указанного Гранта по завершении срока его выполнения.

При проведении исследования использованы следующие методы: сравнение, группировка, метод средних и относительных величин, балансовый метод, индексный метод, факторный, корреляционный и регрессивный анализ и др.

В статье государственная налоговая политика рассматривается как часть государственной экономической политики, направленной на обеспечение экономической безопасности страны.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В результате проведенного исследования выявлены тенденции, проявляющиеся в течение длительного периода времени:

- за федеральным бюджетом закреплена основная часть бюджетобразующих налогов: 75,6 % всех налогов за 2003–2018 гг. поступили в федеральный бюджет, 24,4 % – в консолидированный бюджет субъектов РФ [8, с. 64, табл. 25];

- количество налогов, зачисляемых в региональные и местные бюджеты, с введением в действие НК РФ резко сокращено;

- российской налогово-бюджетной системе присуща чрезмерная централизация финансовых ресурсов в федеральном бюджете с последующим перераспределением их значительной части между нижестоящими бюджетами в ви-

де межбюджетных трансфертов; при этом применяются широкие масштабы и множественность форм межбюджетного перераспределения финансовых ресурсов. В конечном итоге это тормозит процессы социально-экономического развития муниципальных образований, а следовательно, и России в целом;

- большинство субъектов РФ дефицитны, между тем наблюдается тенденция к снижению их количества (в 2010 г. – 63 субъекта, 2017 г. – 46 субъектов). За период с 2003 по 2018 г. консолидированные бюджеты субъектов РФ имели дефицит в течение 10 лет [8, с. 78 табл. 35];

- в доходах местных бюджетов, формирующих консолидированные бюджеты субъектов РФ, налоговые доходы не превышают 21,6 %, неналоговые доходы – 7,5 %, преобладают безвозмездные поступления (70,9 %) [8, с. 86, табл. 38];

- с введением в 1992 г. налога на добавленную стоимость (далее – НДС) в российской налоговой системе стала преобладать доля косвенного налогообложения. Так, в сумме налоговых доходов федерального бюджета доля НДС в 2010 г. составляла 56,8 %, в 2018 г. – 42,4 % [8, с. 118, табл. 55].

Необоснованно высокая доля косвенного налогообложения приводит к усилению фискальной функции налогообложения. Соотношение между прямыми и косвенными налогами является одним из показателей качества налоговой системы. Уменьшение доли косвенного налогообложения в ближайшей перспективе не ожидается, наоборот, она увеличивается, что связано, прежде всего, с повышением ставок акцизов и ставки НДС с 18 до 20 % с 2019 г.

Также исследования показали финансовую зависимость регионов, муниципальных образований от федерального центра. Так, доля региональных и местных налогов в доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ составляет лишь 12,7 %, налоговые доходы указанных бюджетов формируются на 2/3 за счет федеральных налогов, в том числе доля налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) занимает 35,9 %, доля налога на прибыль организаций – 31,1 %. В налоговых доходах местных бюджетов доля местных налогов незначительна, велика доля

федеральных налогов (73,0 % в 2018 г., в том числе НДС – 65,6 %) [8, с. 70, 86].

В качестве положительного примера можно привести налоговую систему Германии: основные налоги (подходный налог, НДС, налог на прибыль и др.) поступают во все уровни бюджетов по установленным нормативам, что обеспечивает достаточные финансовые ресурсы для всех уровней бюджетов. Тем самым происходит выравнивание земель по уровню доходов на первоначальном этапе формирования доходов бюджета, что исключает преобладающее в России выравнивание доходов путем предоставления межбюджетных трансфертов.

Отмечается зависимость экономики России, как и других нефтегазодобывающих стран, от уровня развития нефтегазового комплекса. Наблюдается тенденция к снижению доли нефтегазовых доходов (в составе которых в связи со снижением экспорта и, соответственно, вывозных таможенных пошлин преобладает налог на добычу полезных ископаемых), но все же сохраняется значительный их вклад в доходы федерального бюджета.

Нефтегазовые доходы бюджета зависят от цены на нефть и объема добычи нефти. В период с 2006 г. по май 2020 г. нефть марки Urals имела минимальную цену в 2016 г. (41,9 долл./барр.), максимальную – в 2012 г. (110,52 долл./барр.), за 5 месяцев 2020 г. – 39,20 долл./барр. [9].

В соответствии с Основными направлениями бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики при цене нефти марки Urals в размере 40 долл./барр. федеральный бюджет риски в ощутимых размерах испытывать не будет.

В связи с изложенным задача сокращения нефтегазовых доходов («слезания с нефтяной иглы») и, соответственно, увеличения ненефтегазовых доходов для российской экономики по-прежнему остается актуальной.

Также следует отметить, что в регионах, имеющих сырьевой, трудовой, производственный и, соответственно, налоговый потенциал, при его рациональном использовании значительна доля налоговых доходов.

Действующая налоговая политика и существующий налогово-бюджетный механизм не

устраняют, а наоборот, усиливают имеющиеся различия в социально-экономическом положении регионов страны, вызванные неравномерностью развития территорий из-за разной степени обеспечения природными ресурсами, исторически сложившейся инфраструктуры, климатических условий, уровня образования, спроса на товары и услуги, обычаев и традиций проживающего на них коренного населения и т. п. В ближайшей перспективе ставится задача по обеспечению сбалансированности социально-экономического развития территорий и сокращению уровня межрегиональной дифференциации. Показатели социально-экономического развития регионов являются индикатором их экономической безопасности.

Наблюдаются различия по следующим вопросам:

- несправедливое распределение налогов между бюджетами различных уровней привело к тому, что доходы федерального бюджета превышают доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ на 46,3 %, в том числе налоговые доходы – на 21,0 %, неналоговые доходы – в 7,4 раза. Все это является свидетельством явного перекоса в сфере государственных финансов в пользу федерального центра [8, с. 78];

- в федеральном бюджете за 2003–2018 гг. общая сумма доходов – 159 349,8 млрд руб., в том числе налоговые доходы составляют 96 882,8 млрд руб. (60,8 %), неналоговые доходы – 61 306,7 млрд руб. (38,5 %), безвозмездные поступления – 1 160,3 млрд руб. (0,7 %) [8, с. 59, табл. 22];

- в доходах местных бюджетов значительна доля межбюджетных трансфертов. Так, в доходах бюджета Республики Татарстан за 2018 г. доля налоговых доходов составляет 39,2 %, неналоговых доходов – 7,0 %, безвозмездных поступлений – 53,8 % [8, с. 83, табл. 37];

- межбюджетные трансферты к величине налоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ за период с 2003 по 2008 г. составляют 25,7 %, в 2008 г. – 42,7 %. Основной формой межбюджетных трансфертов из федерального бюджета являются дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ (42,4 %) [8, с. 91–92, табл. 41];

- межбюджетные трансферты в расчете на 1 чел. распределяются по федеральным округам крайне неравномерно (по РФ в целом – 12 594 руб., Дальневосточный федеральный округ – 42 035 руб., Уральский федеральный округ – 6 225 руб.). Субъекты РФ группируются по доле межбюджетных трансфертов следующим образом: с долей более 60 %, от 20 до 60 %, от 20 до 5 %, менее 5 % [8, с. 95, табл. 45]. Разрыв между 10 наиболее финансово обеспеченными и 10 наименее обеспеченными субъектами РФ достаточно велик;

- доля малого и среднего бизнеса в валовом внутреннем продукте (далее – ВВП) страны составляет 21,0 %, что значительно ниже, чем в других странах. Значительная часть малого бизнеса (45 %) сосредоточена в 10 субъектах РФ. Более 90 % малого и среднего предпринимательства представлено микробизнесом, практически нет роста малых и средних предприятий, особенно в производственном секторе [8, с. 103–105];

- доля налога на совокупный доход, уплачиваемого малым бизнесом в связи с применением специальных налоговых режимов, в налоговых доходах незначительна: в консолидированном бюджете РФ в 2018 г. – 2,2 %; консолидированном бюджете субъектов РФ – 5,5 %. Различна и налоговая нагрузка по применяемым системам налогообложения: по данным ФНС России, она составляет при общем режиме налогообложения – 22,4 %, при упрощенной системе налогообложения с объектом «доходы» – 4,1 %, едином налоге на вмененный доход – 7,8 %, едином сельскохозяйственном налоге – 5,4 % [8, с. 106–107, 113];

- налоги, регулирующие оплату труда, не стимулируют рост доходов населения. Доля минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ) в вопросах регулирования труда играет незначительную роль. Так, в 2018 г. доля МРОТ в величине средней заработной платы составила лишь 25,7 % [8, с. 151, табл. 66].

По проведенным расчетам «налоговая нагрузка на работника в Германии в 2,8 раза выше, чем на работника в России, при этом заработная плата в Германии выше, чем в России. При курсе 89,27 руб. за евро (на 26.08.2020) начисленная зарплата в Германии в 11,9 раза выше, чем в России (357 080 руб. против 30 000 руб.), а сумма заработной платы, выдаваемой на руки после всех удержаний, выше в 8,6 раза [10, с. 84].

Социальная справедливость обложения доходов физических лиц в Германии достигается делением населения по уровню доходов на 6 налоговых классов и установлением для каждого из них прогрессивных ставок подоходного налога в размере от 0 до 45 %, а также предоставлением права каждому работнику вычитать из своих доходов 1 000 евро в год.

Во Франции облагается не индивидуальный доход работника, а семейный доход. Ставки подоходного налога различаются в зависимости от дохода и специального коэффициента, присваиваемого фискальной единице в зависимости от ее типа (например, для лиц, не имеющих детей и не состоящих в браке, – 1; лиц, состоящих в официальном браке, – 2; супругов с одним ребенком – 2,5; с тремя детьми – 3 и т. д.). Применение семейного коэффициента дает привилегии семьям с детьми, в особенности многодетным, по сравнению с бездетными холостяками.

В России с введением плоской шкалы налогообложения разрыв между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми слоями населения не уменьшается. Наоборот, коэффициент фондов с 13,9 в 2000 г. увеличился до 15,5 в 2018 г., что свидетельствует об опережающем росте численности населения с высокими доходами. В то же время численность населения с доходами ниже прожиточного минимума остается значительной (18,9 млн чел. в 2018 г., или 12,9 % всего населения) [8, с. 150–151].

Рассмотренные системы налогообложения доходов физических лиц в Германии и Франции являются более справедливыми, чем НДФЛ в России, даже с учетом введенной с 2021 г. прогрессии, при которой ставка налога повышается до 15 % при величине зарплаты, превышающей 5 млн руб. в год. Существующая система не обеспечивает социальную справедливость, не сглаживает имеющиеся различия в доходах работников.

Эффективность налоговой политики отражается на качестве действующей налоговой системы. В проведенных многочисленных исследованиях авторами отмечаются следующие недостатки налоговой системы:

- налоговое законодательство очень нестабильно, бесчисленное множество изменений

не улучшает качество налоговой системы, вносимые изменения неэффективны; имеет место неустранимое двойное налогообложение, особенно при исчислении НДС, что искажает величину самой добавленной стоимости (она, как правило, завышена) [8, с. 121];

- пенсионная система не справляется со своей основной задачей. Среднемесячная заработная плата работников увеличилась с 20 952 руб. в 2010 г. до 43 445 руб. в 2018 г., или в 2 раза. «Увеличение размера пенсий в меньшем размере (на 78,2 %) привело к уменьшению коэффициента замещения с 0,36 в 2010 г. до 0,31 в 2018 г., или на 14,1 %» [8, с. 157]. Сложившаяся в пенсионном обеспечении ситуация привела к заморозке накопительной части пенсии начиная с 2014 г. (продлена до 2022 г.). В бюджете ПФР преобладает доля межбюджетных трансфертов из федерального бюджета (в 2021 г. их доля составит 34,8 %, в 2022 г. – 33,1 %) [8, с. 157].

Об эффективности налоговой политики, о качестве налоговой системы страны можно судить по таким показателям, как полная ставка налогообложения, налоговая нагрузка, преобладание косвенного налогообложения, соотношение между налогами от внутренней и внешней торговли. Вследствие санкционного давления в бюджете снижаются доходы от внешнеэкономической деятельности. Налоговая система России развивается в условиях усиливающихся угроз экономической безопасности, к которым можно отнести:

- экономические преступления;
- неблагоприятный инвестиционный климат;
- уклонение от налогообложения в результате умышленного сокрытия доходов;
- сохранение теневой и криминальной экономики;
- неуплату налогов в связи с неустойчивостью финансового состояния налогоплательщиков, вызванной экономическим кризисом;
- сокращение налоговых доходов бюджета, вызванное спадом производства.

В российской практике ведения бизнеса усиление налоговой нагрузки, нестабильность, непостоянство налоговой системы, жесткий уровень администрирования приводят к тому, что бизнес ищет различные приемы и способы ухода от налогов, используя как налоговые льготы и преференции, так и имеющиеся пробелы в налоговом законодательстве.

Падение цен на нефть, вызванное пандемией, явилось шоком для экономики страны. Данная проблема носит глобальный характер, и для ее решения необходимо объединение усилий с зарубежными партнерами, в том числе подписание соглашения с ОПЕК+ о сокращении добычи нефти. Положение усугубляется из-за санкций США и европейских стран, в том числе касающихся строительства газопровода «Северный поток – 2». Все эти факторы продолжают оказывать отрицательное влияние и в дальнейшем. Так, Федеральным законом от 08.12.2020 № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» в бюджете на 2021 г. предусмотрен дефицит бюджета в размере 2,75 трлн руб., что составляет 2,4 % от ВВП или 12,8 % от суммы расходов; дефицит на 2022 г. – в размере 1,0 % от ВВП, на 2023 г. – в размере 1,1 % от ВВП.

Как показывает практика, налоговая политика меняется с учетом ситуации.

Распространение коронавирусной инфекции COVID-19 внесло изменения практически во все сферы жизнедеятельности нашей страны, в том числе в вопросы налогообложения. В этих условиях государство вынуждено было перестроить свою налоговую политику в сторону ее смягчения, направив усилия на поддержку экономики. К мерам поддержки можно отнести:

- продление сроков уплаты налогов, страховых взносов для малого и среднего бизнеса пострадавших отраслей;
- приостановление проверок;
- продление сроков представления налоговых деклараций (расчетов, кроме деклараций по НДС);
- приостановление налоговых санкций за непредоставление сведений в соответствии со ст. 126 НК РФ;
- приостановление взысканий по решениям налоговых органов;
- пониженные ставки страховых взносов для субъектов малого и среднего предпринимательства и др.

Преодолеть последствия пандемии без особых осложнений России удалось благодаря имеющемуся низкому уровню внешнего государственного долга, неиспользованным средствам фонда национального благососто-

яния, устойчивости национальной валюты. Все это позволило государству оказать необходимую поддержку наиболее пострадавшим секторам экономики, малому и среднему бизнесу, а также предоставить финансовую помощь многодетным семьям.

По данным Федерального казначейства [11], пандемия и снижение цен на нефть привели к дефициту бюджетов 58 из 85 российских регионов по итогам 2020 г. Совокупный дефицит бюджетов регионов составил 762,2 млрд руб., или 5 % от совокупного объема бюджетных доходов. Самый большой дефицит допущен в Кемеровской (-21,0 %) и Тюменской (-20,0 %) областях, Удмуртской республике (-16 %), ЯНАО (-14 %), Республике Башкортостан (-14,0 %), Архангельской области (-14,0 %). Дефицит вызван уменьшением налоговых поступлений (налог на прибыль организаций, НДФЛ, налог на имущество).

В 2020 г. к социальным обязательствам регионов и расходам по нацпроектам добавились антикризисные траты на борьбу с COVID-19. Общий объем трансфертов из федерального бюджета в 2020 г. достиг 3,698 трлн руб. Беспрецедентный рост помощи (на 56 % в годовом выражении) был обусловлен не только пандемией, но и необходимостью выполнить нацпроекты. В то же время увеличился госдолг регионов, в том числе г. Санкт-Петербурга – на 54,9 млрд руб., Московской области – на 33,7 млрд руб., Свердловской области – на 20 млрд руб. и т. д. [12].

Негативное влияние пандемии не закончилось в 2020 г. В будущем значительные угрозы экономической безопасности России связаны с расширением санкционного давления на российские компании, а также на их зарубежных партнеров, занятых в нефтегазовой отрасли, в том числе в строительстве газопровода «Северный поток – 2».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Налоговая политика является одним из основных звеньев проводимой государством экономической политики. Именно от эффективности налоговой системы зависит успех всего экономического развития.

Исследование показало неэффективность действующей в стране государственной нало-

говой политики, особенно это проявляется на уровне регионов и муниципалитетов. Муниципалитеты вообще были отстранены от участия в формировании доходов местных бюджетов; в их бюджетах нет налогов, исчисляемых с выручки, что не стимулирует их развитие.

При проведении налоговой политики на том или ином этапе развития необходимо устанавливать оптимальный уровень налогообложения (учитывать кривую Лаффера, согласно которой с увеличением налоговой нагрузки стимулирующая и регулирующая функции налогов резко уменьшаются). В качестве примера можно привести увеличение с 1 января 2019 г. ставки НДС на 2 % (с 18 до 20 %), которое позволило налогам выполнять свою фискальную функцию: дополнительные поступления в бюджет согласно Основным направлениям налоговой политики на 2019–2021 гг. ожидаются в сумме более 600 млрд руб. В то же время данная мера отрицательно отразилась на инфляционных процессах, вызвавших рост цен на товары и услуги, ухудшение социально-экономического положения населения.

Исследование показало, что государственная налоговая политика не может быть застывшей, она постоянно должна меняться в зависимости от множества факторов (как внутренних, так и внешних) и задач, которые ставит государство на определенном этапе развития. Между тем, несмотря на многочисленные изменения, вносимые в налоговое законодательство, налоговая система не становится лучше, она содержит множество неясностей. Изменения носят хаотический, несистемный характер, зачастую они принимаются в целях пополнения бюджета, что усиливает фискальную функцию.

Действующая налоговая система в России не является идеальной, она нуждается в совершенствовании. Существенную внутреннюю угрозу для экономики России представляет несовершенство налоговой системы, выражающееся в том, что она «не учитывает региональные особенности экономического, финансового и налогового потенциалов» [4, с. 231], а также в переложении налогов, существовании двойного налогообложения, налоговом воздухе в ценах, плоской шкале налогообложения.

В связи с этим в качестве приоритетных направлений налоговой политики на среднесрочную перспективу можно признать:

- сокращение уровня межрегиональной дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития;
- пересмотр закрепления налогов между бюджетами в пользу бюджетов регионов и муниципалитетов, что связано с необходимостью уменьшения роли межбюджетных трансфертов;
- совершенствование подоходного налогообложения доходов физических лиц (введе-

ние прогрессивного налогообложения, усиление стимулирующей функции налоговых вычетов по НДФЛ);

- совершенствование специальных налоговых режимов в связи с отменой единого налога на вмененный доход (дифференцирование механизма их действия в части стимулирования производственной направленности малых предприятий);
- обеспечение стабильности и постоянства налогового законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вязкина И. В. Налоговые отношения: безопасность развития бизнеса и защита интересов государства // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11, № 1. С. 72–88.
2. Азогоина Н. Н. Перераспределительный потенциал налоговой системы как фактор обеспечения экономической безопасности // Гос. и муницип. управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 100–104.
3. Пономарев А. И., Пономарев М. А., Топоров И. В. Налоговая безопасность как компонента экономической безопасности // Гос. и муницип. управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 230–234.
4. Абдуллаева В. С., Захарченко Е. С. Противодействие налоговым преступлениям как инструмент обеспечения финансовой безопасности государства // Финанс. исслед. 2018. № 1 (58). С. 31–39.
5. Анисимов А. Л., Ширпужев С. В. Формирование налогового инструментария обеспечения экономической безопасности региона // Управление. 2017. № 3 (67). С. 25–30.
6. Кириллова О. С. Налоговое регулирование финансово-экономической безопасности территорий // Информ. безопасность регионов. 2015. № 1 (18). С. 89–93.
7. Грядунова А. В., Кожанчиков О. И., Тишаев В. В., Шалаев И. А. Направления совершенствования налоговой политики в РФ как способ обеспечения экономической безопасности // RJOAS. 2017. № 6 (66). С. 64–70.
8. Зотиков Н. З., Арланова О. И., Львова М. В. Налогово-бюджетный механизм и его влияние на экономику : моногр. Чебоксары, 2020. 184 с.
9. Зотиков Н. З. Нефтегазовые и ненефтегазовые доходы, их роль в формировании доходов бюджетов // Вестник Евраз. науки. 2020. Т. 12, № 4. С. 39–57.
10. Зотиков Н. З., Арланова О. И., Львова М. В. Особенности налогово-бюджетного регулирования в Германии // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2020. № 10 (444). С. 78–88.
11. Регионы с самым высоким дефицитом бюджета в 2020 году. Инфографика. URL: <https://www.rbc.ru/>

REFERENCES

1. Vyakina I. V. Tax Relations: Security of Business Development and Protection of State Interests // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2020. Vol. 11, No. 1. P. 72–88. (In Russian).
2. Azhogina N. N. Redistributive Potential of the Tax System as a Factor in Ensuring Economic Security // State and Municipal Management. Scholarly Notes. 2019. No. 2. P. 100–104. (In Russian).
3. Ponomarev A. I., Ponomarev M. A., Toporov I. V. Tax Security as a Component of Economic Security // State and Municipal Management. Scientific Notes of SKAGS. 2015. No. 3. P. 230–234. (In Russian).
4. Abdullaeva V. S., Zakharchenko E. S. Counteraction to Tax Crimes as a Tool for Ensuring the Financial Security of the State // Financial Research. 2018. No. 1 (58). P. 31–39. (In Russian).
5. Anisimov A. L., Shirpuzhev S. V. Formation of tax Instruments for Ensuring the Economic Security of the Region // Manager. 2017. No. 3 (67). P. 25–30. (In Russian).
6. Kirillova O. S. Tax Regulation of Financial and Economic Security of Territories // Information Security of Regions. 2015. No. 1 (18). P. 89–93. (In Russian).
7. Gryadunova A. V., Kozhanchikov O. I., Tishaev V. V., Shalaev I. A. Directions of Improving Tax Policy in the Russian Federation as a Way to Ensure Economic Security // RJOAS. 2017. No. 6 (66). P. 64–70. (In Russian).
8. Zotikov N. Z., Arlanova O. I., Lvova M. V. Nalogovo-biudzhetni mekhanizm i ego vliianie na ekonomiku : Monograph. Cheboksary, 2020. 184 p. (In Russian).
9. Zotikov N. Z. Oil and Gas and Non-Oil and Gas Revenues, Their Role in the Formation of Budget Revenues // Bulletin of Eurasian Science. 2020. Vol. 12, No. 4. P. 39–57. (In Russian).
10. Zotikov N. Z., Arlanova O. I., Lvova M. V. Features of Tax and Budgetary Regulation in Germany // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2020. No. 10 (444). P. 78–88. (In Russian).
11. Regiony s samym vysokim defitsitom biudzheta v 2020 godu. Infografika. URL: <https://www.rbc.ru/>

economics/20/01/2021/6007df909a7947758cae40e4
(дата обращения: 09.01.2021).

12. Пандемия привела к дефициту бюджетов почти у 70 % российских регионов. Какие из них испытывают наибольшую нехватку доходов. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/01/2021/6006aeb99a794714a76005c9> (дата обращения: 11.01.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зотиков Николай Зотикович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов, кредита и экономической безопасности, Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, Чебоксары, Россия.

E-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

economics/20/01/2021/6007df909a7947758cae40e4
(accessed: 09.01.2021). (In Russian).

12. Pandemiya privela k defitsitu biudzhetrov pochti u 70 % rossiiskikh regionov. Kakie iz nikh ispytyvaiut naibolshuiu nekhvatku dokhodov. URL: <https://www.rbc.ru/economics/20/01/2021/6006aeb99a794714a76005c9> (accessed: 11.01.2021). (In Russian).

ABOUT THE AUTHOR

Nikolay Z. Zotikov – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Associate Professor, Department of Finance, Credit and Economic Security, I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russia.

E-mail: zotikovcontrol@yandex.ru

УДК 332.142.6
DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-36-49

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

М. И. Имамвердиева ✉, **А. О. Бубнова**
Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
✉ E-mail: lmi130401@gmail.com

Современное состояние и развитие региона неразрывно связаны с формированием экологической системы. Экологическое состояние субъекта напрямую влияет на состояние социально-экономического компонента региона. Процесс взаимодействия этих категорий (экологической и экономической политики, а также социальной ориентированности) образует систему развития региона.

В статье приведен анализ экологической обстановки в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, проанализированы основы нормативно-правового регулирования на государственном и региональном уровнях. Авторами представлены результаты исследования статистических показателей в сфере экологической обстановки и социально-экономического состояния региона. На основании аналитической информации по ключевой отрасли региона (нефте- и газодобыче) сформулированы соответствующие выводы о корреляционной зависимости между экологией и социально-экономическими категориями, а также о важности их взаимодействия.

Ключевые слова: экология, социально-экономические показатели, экологическая экономика, регион, нефтегазовая отрасль.

Для цитирования: Имамвердиева М. И., Бубнова А. О. Экологический аспект социально-экономического развития региона // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 36–49. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-36-49.

ECOLOGICAL ASPECT OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGION

M. I. Imamverdieva ✉, **A. O. Bubnova**
Surgut State University, Surgut, Russia
✉ E-mail: lmi130401@gmail.com

The current state and development of the region are inextricably linked with the formation of the ecological system. The ecological state of the subject directly affects the state of the social and economic component of the region. The process of interaction of categories such as environmental and economic policy and social orientation forms a system for the development of the region.

The article presents an analysis of the ecological situation in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, and studies the foundations of legal regulation at the state and regional levels. The authors present the results of a study of statistical indicators in the field of the environmental situation and the social and economic state of the region. Based on the analytical information of the key industry of the region that is oil and gas production, the corresponding conclusions about the correlation features and the significance of the interaction of ecology and social and economic categories were formulated.

Keywords: ecology, social and economic indicators, ecological economics, region, oil and gas industry.

For citation: Imamverdieva M. I., Bubnova A. O. Ecological Aspect of Social and Economic Development of the Region // Surgut State University Journal. 2021. No. 1. P. 36–49. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-36-49.

ВВЕДЕНИЕ

Концепция перехода России к устойчивому развитию [1], устанавливающая вектор движения страны в социально-экономико-

экологической области, является системой взаимосвязанных элементов и требований, обязательных к исполнению органами вла-

сти, отдельными гражданами, организациями и объединениями.

Изучению взаимосвязи между экологической безопасностью, различными видами экономической деятельности и сферами общественной жизни посвящена публикация Е. Н. Зименковой [2], представившей сравнительный анализ роста величины затрат на охрану окружающей среды и роста валового внутреннего продукта. Также вопросу достижения устойчивого экономического развития региона как социально-экономико-экологической системы посвящено исследование С. В. Дохолян и соавт. [3]. Учеными приведены обоснования положения о том, что для достижения устойчивости развития регион должен основываться на принципах и императивах социально-экологического характера. Вместе с тем в исследовании Т. М. Данько и соавт. [4] оцениваются экологическая безопасность и устойчивое развитие региональных социально-экономических систем. Авторы подтвердили гипотезу о существовании прямой зависимости между экологией и инновационностью (на примере Тамбовской обл. и г. Москвы).

Развитию «зеленой» экономики в рамках реализации национального проекта «Экология» также посвящена научная статья С. Г. Тяглова и соавт. [5]. В публикации делается вывод о том, что реализация принципов «зеленой» экономики невозможна без подробного изучения зависимости экономических процессов от экологии региона. Также И. В. Вязиной [6] были исследованы социально-экологические аспекты экономической безопасности в рамках устойчивого развития территорий, сделаны выводы о необходимости обеспечения обществом дальнейшего социально-экономического развития при параллельном сдерживании экологической деградации.

В свою очередь, М. С. Оборон, Н. В. Фролова и Е. М. Макарова пришли к выводу, что «большее влияние на инвестиции в охрану окружающей среды оказывает экологический сбор по сравнению с финансовыми поступлениями от штрафов за нарушение в экологии, поэтому с точки зрения управления инвестициями эффективнее стимулировать физических и юридических лиц вкладывать финансы в развитие охраны окружающей среды» [7,

с. 76]. Авторы эмпирически доказывают, что «экологические проблемы заслуживают пристального внимания со стороны государства, в связи с чем закономерно возникает необходимость в инструментах оценки и прогнозирования факторов, влияющих на устойчивость инвестиционного процесса и объемы вложений» [7, с. 64]. Но в то же время они констатируют тот факт, что «статистики, связанной с экологическими проблемами, в открытом доступе недостаточно» [7, с. 76].

В настоящем исследовании авторами поставлена цель проанализировать взаимосвязь между социально-экономическим развитием региона и экологической безопасностью.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1. Определить показатели, отражающие взаимосвязь между экологической безопасностью и социально-экономическим развитием региона.

2. Проанализировать основные показатели экологической безопасности и социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (далее – ХМАО-Югры) в динамике, сделать соответствующие выводы.

3. Проанализировать нормативно-правовую базу формирования и реализации экологической безопасности, а также контроля за ней.

4. Отразить основные проблемы и пробелы в регулировании экологической безопасности как фактора социально-экономического развития региона.

Авторами определен ряд показателей, которые отражают экологическую ситуацию в регионе, но при этом имеют непосредственное влияние на социально-экономическое развитие субъекта: количество нефтяных разливов и аварий на трубопроводах; индекс промышленного производства, добычи нефти с газовым конденсатом, открытия новых месторождений, аварийности и рекультивации нефтезагрязненных земель; затраты на охрану окружающей среды и экологическую безопасность.

Применение таких методов исследования, как контент-анализ, метод сравнения показателей, а также ретроспективный анализ подходов к формированию и внедрению понятия «экологическая безопасность», позволяет

авторам не только проанализировать экологический аспект с точки зрения данных статистики, но и определить зависимость между показателями экологической безопасности и социально-экономического развития.

Ограничения исследования связаны, прежде всего, с недостаточным количеством информации. Например, доступны данные о динамике добычи нефти с газовым конденсатом и затратах на охрану окружающей среды и экологическую безопасность в ХМАО-Югре только за 2009, 2013 и 2017 гг.

Также ограничения основаны на мнении экспертов, упомянутых в данной статье. Экспертами проанализированы социально-экологические аспекты экономической безопасности в рамках устойчивого развития территорий, но в качестве эмпирической базы авторы настоящего исследования обозначили данные по ХМАО-Югре, а экспертные мнения основываются на данных других регионов.

Гипотеза исследования: уровень благосостояния (жизни) населения и экологическая нагрузка на экономику – взаимозависимые категории.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Исследование экологического аспекта социально-экономического развития региона проводилось в период с 2009 по 2019 г. и базировалось на совокупности теорий различных авторов. Так, рассматривался доклад Донеллы и Денниса Медоуз Римскому клубу от 1972 г. «Пределы роста», раскрывавший несколько моделей мира с соответствующими условиями и вытекающими последствиями для человечества. Его суть заключалась в предположительно скором ограничении необходимых для человека ресурсов и возможности избегания негативных последствий в случае акцентирования внимания на вопросах экологии. Изучалась также Декларация по окружающей среде и развитию (принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.), выдвигающая подкрепленную показателями развития стран теорию о необходимости устойчивого развития государств с соблюдением баланса между социально-экономическими показателями и влиянием человеческой деятельности на экологию в ходе их достижения.

В процессе исследования авторы столкнулись со следующими методологическими ограничениями: отсутствие достаточных аналитических данных за исследуемый период (данные публиковались через неравные промежутки времени или не публиковались вообще) по затратам на охрану окружающей среды и экологическую безопасность в ХМАО-Югре; сложность выстраивания процесса взаимодействия между элементами социально-экономического (средний уровень благосостояния населения по целевому показателю доходов на душу населения и инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование ресурсов) и экологического характера (степень загрязнения окружающей среды по показателю площади нефтезагрязненных земель) ввиду долгосрочного характера и неравномерности инвестирования в основной капитал в сфере экологии.

Вместе с тем авторы в исследовании прибегли к следующим методологическим допущениям: определение среднего уровня благосостояния населения не по комплексу показателей, а по целевому показателю доходов на душу населения; определение вклада субъекта РФ в поддержание окружающей среды по ключевому показателю инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное природопользование; определение в качестве ключевого показателя, характеризующего загрязнение окружающей среды в регионе, площади нефтезагрязненных земель.

Соответствующие методологические ограничения и допущения затруднили расчетно-аналитический аспект исследования и привели к снижению точности полученных авторами результатов в итоговой гистограмме, иллюстрирующей зависимость описанных выше показателей, однако не отразились на выводах исследования, подтверждающих выдвинутую гипотезу.

Была исследована информация, отражающая динамику добычи нефти с газовым конденсатом по России [8–9], динамику открытия новых месторождений на территории ХМАО-Югры [10–14], динамику аварийности и рекультивации нефтезагрязненных земель [15], а также затраты на охрану окру-

жающей среды и экологическую безопасность по России [9, 16]. Также проанализированы данные о взаимосвязи категорий добычи сырья, аварийности и затрат на охрану окружающей среды, сделаны выводы о динамике показателей.

На основании системного анализа возможно рассмотреть социально-экономическое развитие региона как систему показателей и категорий.

Контент-анализ при изучении нормативно-правовых актов (Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»; Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»; Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления») позволяет выявить проблемы и пробелы в законодательстве в области изучаемой темы, а также определить степень регулирования вопросов экологической безопасности на федеральном и местных уровнях.

По мнению авторов, вышеперечисленные методы позволяют наиболее точно подойти к формированию выводов исследования, а также являются основой для стабилизации полученных данных и их структурирования в полноценные исследования с обоснованными заключениями.

Новизна подходов к рассмотрению экологического аспекта социально-экономического развития региона состоит в том, что авторами проанализирована зависимость между показателями экологической безопасности и социально-экономического развития.

В совокупности социально-экономического развития и экологической безопасности государством определяются направления политики по сферам, которые в последующем транслируются на субъекты. В рамках политики в области экологического развития выделяются сразу несколько основных элементов, среди которых непосредственно экология природной среды, а также экономика и управление.

И если первый элемент обращает внимание на показатели влияния человека на природу, уровень экологической культуры населения, то второй ставит задачи по формированию эффективной системы управления в области экологической безопасности, внедрению экологически эффективных технологий за счет средств экономики государства, субъектов и т. д.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Опираясь на ключевые направления развития, можно составить схему устойчивого развития для регионов (рис. 1).

Рис. 1. Концепция устойчивого развития в рамках региона

Примечание: составлено авторами на основании данных [1].

Следуя концепции устойчивого развития, можем выделить основные показатели экономической политики региона:

1. Эффективность экономической политики – соотношение результатов проводимой политики и затрат на ее проведение.
2. Рост валового регионального продукта (далее – ВРП) за счет развития производства – увеличение стоимости произведенных, добытых конечных продуктов в регионе за год.
3. Стабильность экономики – развитие без резких подъемов и спадов, угрожающих другим сферам общественной жизни.

В экономическом плане развитие рентабельного, эффективного производства не представляется возможным без мероприятий по оценке экологической обстановки, влияния на нее антропогенных факторов, а также способности объектов природной среды к самовосстановлению. Важно также осознавать, что за наносимый ущерб ответственность несет не конкретный человек или организация в отрыве от системы, а совокупность всех структур как государственного, так и частного сектора.

Устойчивое развитие государства, его структур, субъектов является результатом общей ответственности, в том числе ответственности граждан. Таким образом, снизить антропогенное воздействие возможно и в рамках одной общественной единицы за счет пересмотра качества обыденных действий (например, избавление от отходов домохозяйств с применением сортировки отходов; повышение популярности общественного транспорта).

Необходимость включения субъекта РФ в вопросы общественной жизни влияет также и на определение и реализацию его экономической политики.

Важно учитывать и тот факт, что местность, в которой расположен соответствующий субъект, обладает своими характерными чертами, преимуществами и недостатками, на основании которых корректируются отдельные показатели системы «социальная ориентированность – экологическая безопасность – экономическая политика».

На это также необходимо обратить внимание, рассматривая синергетический подход триады элементов «социальная ориентированность – экологическая безопасность – экономическая политика» на примере

ХМАО-Югры, где сочетаются особенности природного характера и высокая степень антропогенного влияния.

ХМАО-Югра является одним из крупнейших нефтедобывающих регионов в России. Согласно отчету губернатора ХМАО-Югры о результатах деятельности Правительства Югры за 2019 г. [10] роль автономного округа в экономике России (2018) достаточно велика: субъект занимает 1-ое место по производству электроэнергии (7,9 % от общероссийской выработки) и добыче нефти (42,5 % от общероссийской добычи).

Также Югре принадлежит второе место по объему промышленного производства, добыче газа (4,9 % от общероссийской добычи).

Как отмечалось ранее, на экологическую ситуацию в регионе значительное влияние оказывают не только добыча углеводородов (нефть с газовым конденсатом), но и климатические условия, обуславливающие более скудное природное разнообразие и более высокую выживаемость имеющихся видов.

По сообщению РБК, за период 2017–2018 гг. в ХМАО-Югре произошло не менее 3,5 тыс. нефтяных разливов и аварий на трубопроводах нефтяных компаний [17].

По данным Greenpeace, подобные инциденты в период до 2022–2024 гг. обойдутся региону и добывающим организациям в 1,3 трлн руб., которые потребуются, чтобы осуществить рекультивацию земель, ремонт и усовершенствование парка промысловых нефтепроводов [17].

Основополагающим показателем экологической безопасности является урегулирование процессов, способных повлечь экологически опасные ситуации. Данное положение напрямую связано с ключевой деятельностью региона – нефтедобычей, а также с организациями ее осуществляющими.

Наиболее полное отражение на уровне региона данный вопрос нашел в Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 г. и на период до 2030 г.

Согласно данному документу перед регионом стоит задача не только увеличения и развития высокотехнологичных мощностей в сфере нефтедобычи, но и «рационального и безопасного использования имеющегося при-

родно-ресурсного потенциала, предотвращения вреда природной среде и жизненно важным интересам населения на основе применения инновационных средств «зеленой» экономики» [18].

Среди основных показателей развития экономики, в частности объема добычи нефти и индекса промышленного производства, правительством округа выделяются следующие показатели по ХМАО-Югре на 2019 г. (в сравнении с соответствующим периодом предыдущего года): 236,0 % (по оценке Департамента недропользования и природных ресурсов) и 100,0 % соответственно в сравнении с 236,5 % и 100,0 % за 2018 г. И по России: 561,0 % и 102,3 % – в 2019 г., 555,7 % и 102,9 % – в 2018 г. соответственно [19].

Исходя из процентных данных, можно сделать вывод о том, что рост показателей нефтедобычи по ХМАО-Югре в 2019 г. незначительно ниже, чем за соответствующий период предыдущего года. Однако по России наблюдается положительная динамика нефтедобычи, что позволяет сделать предположение о сни-

жении доли округа в общероссийской добыче нефти.

Рост индекса промышленного производства в Югре остался неизменным. В России же данный показатель незначительно снизился в 2019 г. в сравнении с предыдущим годом.

Стоит отметить, что в 2019 г. в ВРП именно добыча полезных ископаемых является лидирующим показателем и составляет 67,2 %, что больше любого другого показателя, входящего в ВРП ХМАО-Югры [10].

В структуре промышленного производства, согласно расчетам Департамента экономического развития, наибольшие доли принадлежат обрабатывающим производствам (14,7 % от всей структуры) и добыче полезных ископаемых (80,2 % от всей структуры). При этом необходимо отметить, что за 2019 г. в эксплуатацию введено 7 новых нефтяных месторождений [9–10].

Для того чтобы наглядно проследить динамику изменений преобладающей отрасли ХМАО-Югры, обратимся к сравнительной таблице динамики нефтедобычи Югры и Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика добычи нефти с газовым конденсатом по России
(включая динамику добычи нефти с газовым конденсатом по ХМАО-Югре)
за период с 2009 по 2018 г.**

Млн тонн	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Россия	494,2	505,1	511,4	518,0	523,2	526,7	533,5	547,5	546,7	555,8
	2009				2013				2017	
ХМАО-Югра	270,5				255,1				235,3	

Примечание: составлено авторами на основании данных [8–9].

Из данных табл. 1 видно, что добыча нефти с газовым конденсатом в Российской Федерации ежегодно увеличивается. Исключением является 2017 г., добыча в котором составила на 0,8 млн т нефти меньше, чем в 2016 г., что было вызвано участием страны в соглашении стран ОПЕК о снижении объема добычи углеводородов.

Однако в ХМАО-Югре наблюдается противоположная ситуация. Стоит отметить, что подобный объем добычи достигается не только за счет увеличения добываемого сырья на уже известных месторождениях и скважинах, но и за счет разведывания новых – это можно наглядно проследить по динамике открытия

новых месторождений на территории ХМАО-Югры (табл. 2).

Согласно изданию ТАСС и данным сайта Правительства Югры, ВРП ХМАО-Югры в 2019 г. увеличился более, чем на 1,6 % и составил более 4 трлн и 32 млрд руб. [20].

«Основной объем ВРП пришелся на долю добывающей промышленности и обрабатывающих производств – более 2,7 трлн рублей» [20]. При этом Департамент экономического развития Югры отметил, что имеющаяся структура валового регионального продукта показывает высокую степень влияния сектора добычи углеводородов на экономику ХМАО-Югры [21].

Таблица 2

**Динамика открытия новых месторождений
на территории ХМАО-Югры**

Год	Количество открытых месторождений углеводородов (Югра)	Общее число месторождений углеводородов (Югра)
2015	4	473
2016	5	478
2017	9	487
2018	3	490
2019	7	497

Примечание: составлено авторами на основании данных [2, 11].

Нефтедобывающая промышленность сопряжена с рисками для экологической обстановки субъекта, в частности с разливами нефти ввиду износа используемого оборудования либо при нарушении требований техники безопасности и т. п. Фактором риска для окружающей среды также является и неэкологичный способ бурения и нефтедобычи, когда по окончании добычи приходится осуществлять рекультивацию земель.

Более того, уже сейчас активно используется экологичное бурение, которое не наносит серьезного ущерба и не требует последующего восстановления земель. Также более редким вариантом является безотходное бурение.

Тем не менее, согласно отчету губернатора ХМАО-Югры о результатах деятельности

Правительства Югры за 2019 г. [10], доля нерекультивированных загрязненных вследствие нефтедобычи земель в общем объеме загрязненных земель все еще значительно выше, чем рекультивированных земель: на 2 920 га нерекультивированных земель приходится, соответственно, 650 га рекультивированных. Таким образом, еще около 78 % земель нуждаются в восстановлении и рекультивации.

Рекультивация земель региона идет довольно медленными темпами, это можно отследить по динамике аварийности и рекультивации нефтезагрязненных земель согласно отчетам Природнадзора ХМАО-Югры (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика аварийности и рекультивации нефтезагрязненных земель
согласно отчетам Природнадзора ХМАО-Югры**

Год Признак	Нефтезагрязненных земель, га	Рекультивировано, га	Общее кол-во аварий с экологическими последствиями
2009	6330	440	4797
2010	5467	457	4371
2011	5109	462	3505
2012	5138	409	3209
2013	4508	369	2831
2014	4668	447	2538
2015	4404	568	2923
2016	3982	901	3735
2017	3569	863	3538
2018	2600	1100	-

Примечание: составлено авторами на основании данных [15].

По данным таблицы можно сделать вывод о том, что регион постепенно наращивает темпы рекультивации земель. В целом, несмотря на некоторые колебания показателей, можно также сделать вывод о снижении аварийности нефтедобычи на территории Югры.

Однако сокращение доли негативного влияния в сфере экологии еще не свидетельствует о полном прекращении реализации проектов, приносящих ущерб территории округа. Поэтому одной из главных задач

экологической политики региона должен стать независимый общественный контроль.

Несмотря на все факторы, негативно влияющие на экологию Югры, округ обладает внушительным природно-ресурсным потенциалом. Вместе с тем ресурсно-климатическая специфика данной территории и траектория развития промышленности и добычи определяют ключевые экологические проблемы Югры, которые оказывают негативное влияние на окружающую среду, являются угрозой

для экологии и интересов населения, а значит, способствуют нарушению экологической безопасности региона.

В целях защиты интересов граждан и обеспечения их права на благоприятную окружающую среду, гармоничное развитие человека и природы, защиту национальной безопасности субъектом выделяются средства на охранные мероприятия в сфере экологии (табл. 4).

Таблица 4

Затраты на охрану окружающей среды и экологическую безопасность по России (включая затраты на охрану окружающей среды и экологическую безопасность по ХМАО-Югре) за период с 2009 по 2018 г.

Млн руб., в фактически действовавших ценах	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Россия	323 368	372 382	412 014	445 817	479 384	559 703	582 128	590 865	652 729	714 848
	2009 г.				2013 г.				2017 г.	
ХМАО-Югра	223 112				~4233				~3582	

Примечание: составлено авторами на основании данных [9, 16].

Как видно из табл. 4, в Российской Федерации наблюдается тенденция к возрастанию затрат на охрану окружающей среды и экологической безопасности.

В ХМАО-Югре, наоборот, отмечается снижение затрат в данной области, причем самый большой разрыв фиксируется между 2009 и 2013 гг., так как в этот период наблюдалось уменьшение доли округа в финансировании данной области и увеличение доли добывающих организаций, на которые приходится основной процент негативного влияния на экологическую безопасность.

Также стоит отметить, что в рамках национального проекта «Экология» [22] Югра реализует такие региональные проекты, как «Чистая страна», «Комплексная система об-

ращения с ТКО», «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма», «Сохранение лесов», «Сохранение уникальных водных объектов», «Чистая вода».

В выявлении зависимости социально-экономических показателей региона от уровня экологической безопасности большую роль играет анализ динамики добычи нефти с газовым конденсатом по России и ХМАО-Югре за период с 2009 по 2018 г. Анализ затрат на охрану окружающей среды и экологическую безопасность по России и ХМАО-Югре за период с 2009 по 2018 г. позволил выявить тенденции финансирования развития экологической безопасности в стране и регионе (табл. 5–6).

Таблица 5

Динамика добычи нефти с газовым конденсатом и затрат на охрану окружающей среды по России

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Нефть с газовым конденсатом, млн т	505,1	511,4	518,0	523,2	526,7	533,5	547,5	546,7	555,8
Затраты на экологическую безопасность, млн руб.	372 382	412 014	445 817	479 384	559 703	582 128	590 865	652 729	714 848

Примечание: составлено авторами на основании данных [8, 16].

Таблица 6

**Динамика добычи нефти с газовым конденсатом
и затрат на охрану окружающей среды по ХМАО-Югре**

Показатели	2009 г.	2013 г.	Темп роста 2013 г. к 2009 г., %	2017 г.	Темп роста 2017 г. к 2013 г., %
Нефть с газовым конденсатом, млн т	270,5	255,1	94,3	235,3	92,2
Затраты на экологическую безопасность, млн руб.	223 112	~4 233	1,9	~3 582	84

Примечание: составлено авторами на основании данных [9].

По результатам проведенного анализа выявлена зависимость между показателями добычи нефти с газовым конденсатом по России (включая динамику добычи нефти с газовым конденсатом по ХМАО-Югре) и затратами на охрану окружающей среды и экологическую безопасность по России (включая затраты на охрану окружающей среды и экологическую безопасность по ХМАО-Югре) в период с 2009 по 2018 г. С ежегодным увеличением тонн добычи нефти с газовым конденсатом в РФ увеличивается сумма затрат на сохранение окружающей среды и экологическую безопасность.

В ХМАО-Югре также прослеживается зависимость между динамикой добычи и динамикой снижения затрат округа на охрану окружающей среды и экологическую безопасность: наблюдается снижение объемов добычи нефти и, соответственно, снижение уровня затрат на экологическую безопасность.

Согласно данным, представленным ранее, можно сделать вывод о том, что при уменьшении количества проблем в сфере экологии, требующих затрат на их решение, сни-

жается и уровень экологической нагрузки на экономику региона. А это, в свою очередь, снижает расходы региона, что может оказывать благоприятное воздействие на повышение эффективности экономики.

Вместе с тем при росте эффективности экономических показателей закономерным будет повышение уровня и качества жизни населения, зависящих в том числе от уровня экологической обстановки на территории проживания граждан.

Сегодня учеными в качестве одной из основных движущих сил экономики выделяется динамичность развития сфер общественной жизни, в том числе экологической сферы [2, с. 54].

По данным Управления федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу (Тюменьстат) [23], в Югре в период с 2014 по 2018 г. располагаемые ресурсы в среднем на одного члена домашнего хозяйства в месяц (доходные поступления) составили (табл. 7):

Таблица 7

**Располагаемые ресурсы в среднем
на одного члена домашнего хозяйства в месяц (с 2014 по 2018 г.)**

Располагаемые поступления	2014	2015	2016	2017	2018
Располагаемые ресурсы в среднем на одного члена домашнего хозяйства в месяц, руб.	~33 462	42 830	~38 075	41 618	~48 570

Примечание: составлено авторами на основании данных [22].

Из таблицы видно, что доходы населения ХМАО-Югры после резкого падения в 2016 г. на 4 755 руб. непрерывно растут и в 2018 г. составляют около 50 000 руб.

Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и ра-

циональное использование природных ресурсов в Югре в период 2014–2018 гг., согласно также данным «Тюменьстата» [23] составили (табл. 8):

Таблица 8

**Инвестиции в основной капитал, направленные
на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов
по ХМАО-Югре в среднем за год (2014–2018 гг.)**

Инвестиции	2014	2015	2016	2017	2018
Инвестиции организаций в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов (без субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами), руб.	5 114,8	6 652,8	3 512,4	3 581,2	2 533,4

Примечание: составлено авторами на основании данных [22].

По данным таблицы 8 можно проследить динамику инвестирования средств на экологические мероприятия в основной капитал.

Для того чтобы проследить зависимость между экономическими показателями, соци-

альным развитием, а также уровнем экологической безопасности, составим гистограмму динамики зависимости уровня благосостояния (жизни) населения от экологической нагрузки на экономику (рис. 2).

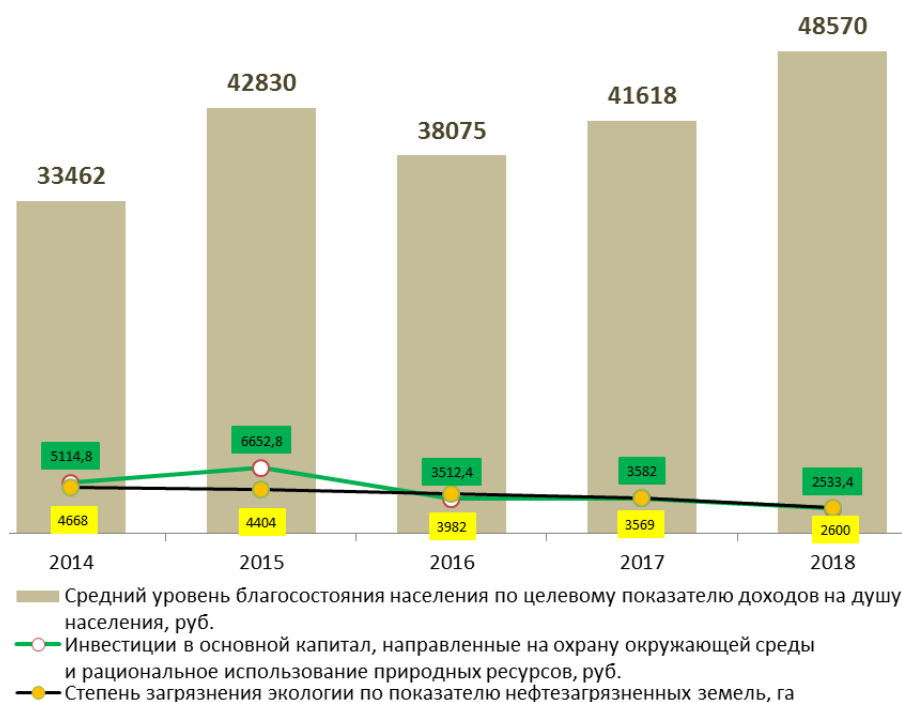

Рис. 2. Динамика зависимости уровня благосостояния (жизни) населения от экологической нагрузки на экономику

Примечание: составлено авторами по [9, 15, 22].

Диаграмма показывает динамику трех показателей: среднего уровня благосостояния населения по целевому показателю доходов на душу населения (руб.) — отражает социальные элементы (по одному из ключевых показателей); инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов (руб.), — отражает взаимосвязь элементов экономического и экологиче-

ского развития через экологическую нагрузку на экономику региона; степени загрязнения экологии по показателю площади нефтезагрязненных земель (га) — отражает экологический элемент по основному для Югры фактору загрязнения.

По данным диаграммы видно, что показатели благосостояния населения и инвестиций в экологию имеют прямую зависимость: рост в 2015 г., последующее резкое падение в 2016 г.

и далее – постепенный подъем до 2018 г. Однако в 2018 г. в показателях наблюдалось расхождение ввиду влияния различных факторов, таких как, например, экологические сборы [7, с. 9]. Следует отметить, что далее ситуация вновь нормализовалась и 2018 г. можно считать, скорее, исключением.

При этом степень загрязнения земель нефтепродуктами, которую мы взяли в качестве показателя негативного влияния на экологию региона, неизменно снижается каждый год. Это объясняется тем, что инвестиции в окружающую среду имеют долгосрочный характер, а из-за неравномерности инвестирования высокие и низкие показатели компенсируют друг друга, обеспечивая постепенное, примерно равное снижение уровня загрязнения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гипотеза исследования в ходе изучения, анализа и структурирования информации находит подтверждение и получает обоснование. Авторами сделан вывод о том, что экологическую безопасность субъектам следует рассматривать наравне с показателями ВРП. Необходимо стремиться к достижению максимально возможного значения для обоих показателей. Снижение экологической нагрузки на экономику повысит эффективность последней в других сферах, что, в свою очередь, положительно скажется на социальных показателях субъекта. Вместе с тем показатели окружающей среды напрямую воздействуют, как минимум, на удовлетворенность населения ее условиями. При этом необходимо учитывать, что экологическая безопасность является частью национальной безопасности, которая в Российской Федерации охраняется Федеральным законом «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (последняя редакция) [24].

В ходе исследования авторы пришли к выводу, что показатели социально-экономического развития региона (средний уровень благосостояния населения по целевому показателю доходов на душу населения, руб.) и показатели экологической безопасности субъекта (инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, руб.) являются взаимозависимыми категори-

ями (отмечается положительная динамика: показатели за периоды 2015, 2016 и 2017 гг. возрастают). При этом степень загрязнения окружающей среды по показателю площади нефтезагрязненных земель (га) на протяжении всего изучаемого периода сокращается. Данный факт обеспечивается увеличением сумм инвестирования на охрану окружающей среды и тем, что соответствующий показатель отражает только загрязнение земель нефтью, исключая другие возможные отрицательные воздействия на окружающую среду.

Тем не менее экологическая политика государства и его субъектов, в частности ХМАО-Югры, а также проводимые мероприятия на всех уровнях управления зависят от уровня законодательного регулирования – полноты законодательной базы, что отмечалось также в исследовании Д. Н. Мухлынина [25, с. 99].

На наш взгляд, количество нормативных актов в сфере регулирования экологии велико: помимо порядка пяти федеральных законов, а также различных кодексов, регулирующих определенный элемент природной среды, существуют законы, стратегии и планы действий субъектов в данной сфере.

Кроме упомянутых ранее нормативно-правовых актов, в федеральной законодательной базе выделяются:

1. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (последняя редакция).
2. Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» (последняя редакция).
3. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (последняя редакция).

4. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 27.12.2018) и т. д.

В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре также можно отметить наличие Закона ХМАО (ред. от 27.09.2015) от 22.06.200 № 56-оз «Об экологическом образовании населения Ханты-Мансийского автономного округа» (принят Думой Ханты-Мансийского автономного округа 14.06.2000).

Такое количество нормативных актов напоминает ситуацию с нормативно-правовой базой, регламентирующей государствен-

ный контроль и содержащей в себе совокупность отдельно опубликованных актов, вместо которых был разработан проект Федерального закона № 850621-7 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Создание похожего закона в сфере экологии на федеральном уровне определит значимость сохранения природной среды не только как составляющей для благополучного существования человека и реализации его прав и свобод, но и как отдельного субъекта. Как отмечала Е. А. Сухова, в правовой базе необходимо ясное определение состояния безопасности [26], что также повлияет на развитие области экологической безопасности. Вместе с тем наличие структурированной единой законодательной базы повысит эффективность в данной сфере за счет создания необходимой площадки для дальнейшего государственного контроля.

Формирование единого закона значительно упростит исследовательскую деятельность в сфере экологии, что повлияет на будущее эффективное развитие политики государства и субъектов в данном направлении.

Авторами определены дальнейшие направления изучения данной темы:

1. Актуализация статистических данных в целях проведения анализа не только за несколько лет, но и за двадцатилетний период, что позволит аргументировать сформированные выводы на основании более длительного ретроспективного анализа.

2. Постоянный мониторинг программ, касающихся сферы экологической безопасности, а также изменений, вносимых в нормативно-правовые акты.

3. Изучение стратегий социально-экономического развития других субъектов с точки зрения формирования экологической безопасности и ее значимости для развития региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию : указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Зименкова Е. Н. Влияние экологических изменений на формирование экономической безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 7. С. 53–63.
3. Дохолян С. В., Садыкова А. М., Дохолян А. С. Концептуальные подходы к достижению устойчивого экономического развития региона как социо-экономико-экологической системы // Апробация. 2015. № 5 (32). С. 60–66.
4. Данько Т. М., Поджарый А. К., Никоновой С. А. Оценка экономической безопасности и устойчивого развития региональных социально-экономических систем. Что первично? Инновационность или экология // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. № 2 (23). С. 138–141.
5. Тяглов С. Г., Богданова Р. М., Парада Е. В. Развитие зеленой экономики в рамках реализации национального проекта «Экология» // Финансовые исследования. 2019. № 2 (63). С. 13–22.
6. Вякина И. В. Социально-экологические аспекты экономической безопасности в рамках концепции устойчивого развития // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. № 12. С. 2259–2276.
7. Оборин М. С., Фролова Н. В., Макарова Е. М. Моделирование инвестиций на охрану окружающей среды // Сервис plus. 2018. № 3 (12). С. 64–78.
8. Добыча нефти в России: 1991–2020. URL: <http://global-finances.ru/dobyicha-nefti-v-rossii-pogodam/> (дата обращения: 09.02.2021).

REFERENCES

1. O Kontseptsii perekhoda Rossiiskoi Federatsii k ustoichivomu razvitiu : ukaz Prezidenta RF ot 01.04.1996 No. 440. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
2. Zimenkova E. N. Vliianie ekologicheskikh izmenenii na formirovanie ekonomicheskoi bezopasnosti // Regionalnye problemy preobrazovaniia ekonomiki. 2017. No. 7. P. 53–63. (In Russian).
3. Dokholyan S. V., Sadykova A. M., Dokholian A. S. Kontseptualnye podkhody k dostizheniiu ustoichivogo ekonomicheskogo razvitiia regiona kak sotsio-ekonomiko-ekologicheskoi sistemy // Aprobatsiya. 2015. No. 5 (32). P. 60–66. (In Russian).
4. Danko T. M., Podzharyi A. K., Nikonovoi S. A. Otsenka ekonomicheskoi bezopasnosti i ustoichivogo razvitiia regionalnykh sotsialno-ekonomicheskikh sistem. Chto pervichno? Innovatsionnost ili ekologiya // Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie. 2018. No. 2 (23). P. 138–141. (In Russian).
5. Tiaglov S. G., Bogdanova R. M., Parada E. V. Razvitiie zelenoi ekonomiki v ramkakh realizatsii natsionalnogo proekta “Ekologiya” // Finansovye issledovaniya. 2019. No. 2 (63). P. 13–22. (In Russian).
6. Viakina I. V. Sotsialno-ekologicheskie aspekty ekonomicheskoi bezopasnosti v ramkakh kontseptsii ustoichivogo razvitiia // Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost. 2018. No. 12. P. 2259–2276. (In Russian).
7. Oborin M. S., Frolova N. V., Makarova E. M. Modelirovanie investitsii na okhranu okruzhaiushchei sredy // Servis plus. 2018. No. 3 (12). P. 64–78. (In Russian).
8. Dobyicha nefi v Rossii: 1991–2020. URL: <http://global-finances.ru/dobyicha-nefti-v-rossii-pogodam/> (accessed: 09.02.2021). (In Russian).

9. Информация о добыче нефти и разработке месторождений нефти и газа в ХМАО-Югре. URL: <http://www.crru.ru/dobicha.html> (дата обращения: 09.03.2020).
10. Отчет Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры о результатах деятельности Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2019 год // Единый офиц. сайт гос. органов ХМАО-Югры. URL: <https://depeconom.admhmao.ru/upload/medialibrary/906/Otchyet-Gubernatora-2019.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).
11. Отчет губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры о результатах деятельности Правительства за 2015 год // Единый офиц. сайт гос. органов ХМАО-Югры. URL: <https://admhmao.ru/press-center/vse-novosti/otchet-gubernatora-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-o-rezultatakh-deyatelnosti-pravitelstva-za-god/> (дата обращения: 10.02.2021).
12. Отчет Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры о результатах деятельности Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2016 год // Единый офиц. сайт гос. органов ХМАО-Югры. URL: <https://gov.admhmao.ru/otchyety/ezhegodnye-otchety-o-rezultatakh-deyatelnosti-pravitelstva/884453/2016-god> (дата обращения: 10.02.2021).
13. Отчёт Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры о результатах деятельности Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2017 год // Единый офиц. сайт гос. органов ХМАО-Югры. URL: <https://depeconom.admhmao.ru/upload/medialibrary/39b/otchyet-gubernatora-2017.pdf> (дата обращения: 10.02.2021).
14. Отчёт Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры о результатах деятельности Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2018 год // Единый офиц. сайт гос. органов ХМАО-Югры. URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/medialibrary/dfe/Prezentatsiya-otchyeta-Gubernatora-18_11_2018-ispravl-12.pdf (дата обращения: 10.02.2021).
15. Информация о нефтезагрязненных землях // Служба по контролю и надзору в сфере окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/doklady-i-otchyety/regionalnye-otchety/informatsiya-o-neftezagryaznennykh-zemlyakh/> (дата обращения: 09.02.2021).
16. Окружающая среда // Федер. служба гос. статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (дата обращения: 09.02.2021).
17. Власти Югры зафиксировали 3,5 тыс. аварий на объектах «Роснефти» // Интернет-портал РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/06/07/2018/5b3cf0389a7947b32dd52a5c> (дата обращения: 08.02.2021).
18. Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
9. Informatsiya o dobyche nefiti i razrabotke mestorozhdenii nefiti i gaza v KhMAO-Yugre. URL: <http://www.crru.ru/dobicha.html> (accessed: 09.03.2020). (In Russian).
10. Otchet Gubernatora Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry o rezultatakh deiatelnosti Pravitelstva Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry za 2019 god // Edinyi ofits. sait gos. organov KhMAO-Iugry. URL: <https://depeconom.admhmao.ru/upload/medialibrary/906/Otchyet-Gubernatora-2019.pdf> (accessed: 10.02.2021). (In Russian).
11. Otchet gubernatora Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry o rezultatakh deiatelnosti Pravitelstva za 2015 god // Edinyi ofits. sait gos. organov KhMAO-Yugry. URL: <https://admhmao.ru/press-center/vse-novosti/otchet-gubernatora-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-o-rezultatakh-deyatelnosti-pravitelstva-za-god/> (accessed: 10.02.2021). (In Russian).
12. Otchet Gubernatora Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry o rezultatakh deiatelnosti Pravitelstva Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry za 2016 god // Edinyi ofits. sait gos. organov KhMAO-Yugry. URL: <https://gov.admhmao.ru/otchyety/ezhegodnye-otchety-o-rezultatakh-deyatelnosti-pravitelstva/884453/2016-god> (accessed: 10.02.2021). (In Russian).
13. Otchet Gubernatora Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry o rezultatakh deiatelnosti Pravitelstva Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry za 2017 god // Edinyi ofits. sait gos. organov KhMAO-Iugry. URL: <https://depeconom.admhmao.ru/upload/medialibrary/39b/otchyet-gubernatora-2017.pdf> (accessed: 10.02.2021). (In Russian).
14. Otchet Gubernatora Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry o rezultatakh deiatelnosti Pravitelstva Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry za 2018 god // Edinyi ofits. sait gos. organov KhMAO-Yugry. URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/medialibrary/dfe/Prezentatsiya-otchyeta-Gubernatora-18_11_2018-ispravl-12.pdf (accessed: 10.02.2021). (In Russian).
15. Informatsiya o neftezagryaznennykh zemliakh // Sluzhba po kontroliu i nadzoru v sfere okruzhaiushchei sredy, obiektov zhivotnogo mira i lesnykh otnoshenii Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry. URL: <https://prirodnadzor.admhmao.ru/doklady-i-otchyety/regionalnye-otchety/informatsiya-o-neftezagryaznennykh-zemlyakh/> (accessed: 09.02.2021). (In Russian).
16. Okruzhaiushchaia sreda // Feder. sluzhba gos. statistiki. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11194> (accessed: 09.02.2021). (In Russian).
17. Vlasti Yugry zafiksirovali 3,5 tys. avarii na obiektakh “Rosnefti” // Internet-portal RBK. URL: <https://www.rbc.ru/business/06/07/2018/5b3cf0389a7947b32dd52a5c> (accessed: 08.02.2021). (In Russian).
18. Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry do 2020 goda i na period 2030 goda // Departament ekonomicheskogo razvitiia Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo

- до 2020 года и на период 2030 года // Департамент экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: <https://depeconom.admhmao.ru/deyatelnost/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiye/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-okruga/strategiya-2030/297873/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-do-2020-g> (дата обращения: 10.02.2021).
19. Об итогах социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2019 // Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/b7e/378_rp.pdf (дата обращения: 02.02.2021).
 20. ВРП Югры в 2019 году впервые превысил 4 трлн рублей. URL: <https://tass.ru/ural-news/7570089> (дата обращения: 10.02.2021).
 21. О ходе реализации Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года по итогам 2018 года // Единый офиц. сайт гос. органов ХМАО-Югры. URL: https://admhmao.ru/gubernator/komissii-i-sovety-vozglavlyaemye-gubernatorom/detail.php?ID=2706752&sphrase_id=3397852 (дата обращения: 10.02.2021).
 22. Паспорт национального проекта «Экология». URL: <http://government.ru/info/35569/> (дата обращения: 21.02.2021).
 23. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра в цифрах: крат. стат. сб. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. М., 2019. 202 с.
 24. О безопасности : федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (последняя редакция). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 25. Мухлынин Д. Н. К вопросу о тенденциях развития и правовом регулировании в российской федерации «зеленой экономики» // Закон и право. 2018. № 6. С. 97–99.
 26. Сухова Е. А. Содержание и структура понятия обеспечения экологической безопасности // Сибир. юрид. обозрение. 2019. № 2. С. 175–181.
 - okruga – Yugry. URL: <https://depeconom.admhmao.ru/deyatelnost/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitiye/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-okruga/strategiya-2030/297873/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-khanty-mansiyskogo-avtonomnogo-okruga-yugry-do-2020-g> (accessed: 10.02.2021). (In Russian).
 19. Ob itogakh sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry za 2019 // Pravitelstvo Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry. URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/b7e/378_rp.pdf (accessed: 02.02.2021). (In Russian).
 20. VRP Yugry v 2019 godu vpervye prevysil 4 trln rublei. URL: <https://tass.ru/ural-news/7570089> (accessed: 10.02.2021). (In Russian).
 21. O khode realizatsii Strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry do 2030 goda po itogam 2018 goda // Edinyi ofits. sait gos. organov KhMAO-Iugry. URL: https://admhmao.ru/gubernator/komissii-i-sovety-vozglavlyaemye-gubernatorom/detail.php?ID=2706752&sphrase_id=3397852 (accessed: 10.02.2021). (In Russian).
 22. Pasport natsionalnogo proekta “Ekologiya”. URL: <http://government.ru/info/35569/> (accessed: 21.02.2021). (In Russian).
 23. Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug – Yugra v tsifrakh: krat. stat. sb. // Upravlenie Federalnoi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Tiimenskoi oblasti, Khanty-Mansiiskomu avtonomnomu okrug – Yugre i Iamalo-Nenetskomu avtonomnomu okrug. Moscow, 2019. 202 p. (In Russian).
 24. O bezopasnosti : feder. zakon ot 28.12.2010 No. 390-FZ (posledniaya redaktsiya). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
 25. Mukhlynin D. N. K voprosu o tendentsiiakh razvitiia i pravovom regulirovanii v rossiiskoi federatsii “zelenoi ekonomiki” // Zakon i pravo. 2018. No. 6. P. 97–99. (In Russian).
 26. Sukhova E. A. Soderzhanie i struktura poniatia obespecheniia ekologicheskoi bezopasnosti // Sibir. iurid. obozrenie. 2019. No. 2. P. 175–181. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Имамвердиева Марина Ивановна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.
E-mail: lmi130401@gmail.com

Бубнова Алена Олеговна – студент, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.
E-mail: bubnovaalyona@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Marina I. Imamverdieva – Lecturer, Department of Public, Municipal and Personnel Management, Surgut State University, Surgut, Russia.
E-mail: lmi130401@gmail.com

Alena O. Bubnova – Student, Surgut State University, Surgut, Russia.
E-mail: bubnovaalyona@yandex.ru

УДК 338.45:622
DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-50-56

РОЛЬ ГОРНОРУДНОЙ ОТРАСЛИ В РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРАНЫ

А. А. Назарматов

*Горно-металлургический институт Таджикистана, Бустон,
Республика Таджикистан
E-mail: nazarmatov2014@mail.ru*

Статья посвящена роли и значению горнодобывающей отрасли в развитии промышленности и экономики страны в целом. Республика Таджикистан обладает благоприятными условиями для подъема добывающей отрасли промышленности до мирового уровня. Это объясняется тем, что значительная часть площади страны является горной местностью с разнообразными минеральными ресурсами. При этом в настоящее время выявлено более 600 месторождений полезных ископаемых. Одной из самых эффективных отраслей является горнорудная промышленность, а на отдаленных участках высокогорья данная отрасль – единственный источник обеспечения высокого уровня социально-экономического благосостояния общества. Проведенный анализ показывает, что темп роста объема горнорудной промышленности составляет до 183 %, что выше темпа роста объема промышленности в целом. Доля добывающей отрасли в общем объеме промышленной продукции за анализируемый период повышалась с 13,4 до 19,6 %.

Также в статье рассматривается привлечение и использование трудовых ресурсов; проводится анализ производительности труда и трудоемкости в горнодобывающей промышленности; рекомендуются некоторые мероприятия, способствующие дальнейшему развитию горнодобывающей промышленности.

Ключевые слова: промышленность, горнодобывающая отрасль, объем производства, эффективность, темп роста, численность работников, развитие.

Для цитирования: Назарматов А. А. Роль горнорудной отрасли в развитии промышленности страны // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 50–56. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-50-56.

THE ROLE OF THE MINING INDUSTRY IN THE COUNTRY'S INDUSTRIAL DEVELOPMENT

A. A. Nazarmatov

*Mining-metallurgical Institute of Tajikistan, Buston, Republic of Tajikistan
E-mail: nazarmatov2014@mail.ru*

The article is devoted to questions concerning the role and significance of mining in the development of industry and the economy of the country as a whole. The Republic of Tajikistan has favorable conditions for raising the extractive industry to the world level. This is since a significant part of the country's area is covered with mountains, where there are varieties of mineral resources. At the same time, more than 600 mineral deposits have been identified. One of the most effective industries is the metal mining industry. Moreover, in remote conditions of the highlands, this industry is the only way of ensuring a high level of the social and economic well-being of society. The analysis shows that the growth rate of the metal mining industry is up to 183%, which is higher than the growth rate of the industry as a whole. The share of the extractive industry in total industrial output increased from 13.4 to 19.6% during the analyzed period.

This article also discusses the attraction and use of labor resources. The analysis of labor productivity and labor intensity in the mining industry is carried out. We recommend some measures that contribute to the further development of the mining industry.

Keywords: industry, mining industry, production volume, efficiency, growth rate, number of employees, development.

For citation: Nazarmatov A. A. The Role of the Mining Industry in the Country's Industrial Development // Surgut State University Journal. 2021. No. 1. P. 50–56. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-50-56.

ВВЕДЕНИЕ

Одна из важнейших задач любой страны в современных условиях – обеспечение ускоренного развития экономики, которое невозможно представить без технологического переоснащения и модернизации отрасли, способствующих созданию высокой добавленной стоимости. Как отмечает А. Е. Попов, сегодня предприятия минерально-сырьевого комплекса ориентированы на поиск и использование новых технологий, что является важнейшим условием не только для их собственного развития, но и для развития страны в целом [1]. При этом следует особо отметить роль горно-рудной промышленности. Именно данная промышленность останется главным рычагом в развитии всех других отраслей экономики. Кроме того, горнодобывающая промышленность считается основным видом экономической деятельности, с помощью которого создаются минерально-сырьевая, а также топливно-энергетическая базы для функционирования обрабатывающей промышленности. Как отмечает Н. Д. Коротеев, «при этом обязательным условием устойчивости минерально-сырьевой базы является количественное опережение прироста запасов, полученных в результате проведения геолого-разведанных работ, над их погашением» [2, с. 700].

В горной местности одной из самых эффективных отраслей является горнорудная промышленность, а на отдаленных участках высокогорья данная отрасль выступает единственным способом обеспечения высокого уровня социально-экономического благосостояния общества. В Республике Таджикистан (далее – РТ), где основную часть территории составляет горная местность, горнорудная промышленность становится одной из отраслей, непосредственно влияющих на повышение уровня валового внутреннего продукта (далее – ВВП), что говорит об актуальности исследования данной отрасли.

Следовательно, поставлена цель – определить влияние горной отрасли на основные макроэкономические показатели республики.

Для достижения этой цели выявляются основные факторы, которые указывают на то, что развитие горной промышленности

должно выходить на первый план. Путем выявления темпа роста, а также динамики удельного веса продукции данной отрасли в общем объеме промышленного производства рассматривается их соотношение и изменение последнего.

При проведении анализа рассмотрены такие показатели, как общий объем промышленной продукции, объем выпуска горной промышленности и ее подотраслей, численность людей, занятых в этих отраслях и пр., так как именно с их помощью мы можем определить уровень развития промышленности, влияние на него отдельных отраслей, а также отследить структурные сдвиги.

Следует отметить некоторые недостатки оценки непосредственного влияния горнорудной отрасли на развитие промышленности, так как на развитие, кроме горнорудной отрасли, оказывает непосредственное влияние и ряд других факторов: политическая и экономическая ситуация, инвестиционный климат, географические и демографические факторы и др. Кроме того, необходимо учитывать, что каждое горное предприятие имеет свои особенности: условия добычи, содержание полезного компонента, удаленность месторождения, технология переработки и т. д. Исходя из этого, проводится анализ на основе общепринятых показателей, т. е. решено ограничиться исследованием структурных сдвигов, темпов роста, показателей эффективности использования трудовых ресурсов и т. д.

Даже в тяжелых экономических условиях (после распада СССР) горнорудная промышленность каждый раз доказывала свою устойчивость.

По мнению А. С. Курбонова, для республики, 93 % территории которой занимают высочайшие горные вершины Тянь-Шаня и Памира, проблема дальнейшего развития геологоразведочных работ и использования минерально-сырьевых ресурсов остается одной из важнейших [3]. При этом в настоящее время выявлено более 600 месторождений полезных ископаемых.

Исследованием влияния добывающей отрасли на развитие промышленности, уровень ВВП и экономику РТ в целом занимались мно-

гие ученые. Их можно условно разделить на две группы: 1) ученые, исследовавшие подотрасль добычи энергетических материалов (Н. К. Каюмов, А. Д. Ахророва, Р. М. Аминджанов, Б. А. Абдурахимов и др.); 2) ученые, исследовавшие подотрасль добычи неэнергетических материалов (Н. Х. Хоналиев, Б. С. Маджидов, Х. М. Мухабатов и др.).

В исследованиях академика Н. К. Каюмова отражены вопросы обеспечения энергетической безопасности страны [4]; А. Д. Ахророва и Р. М. Аминджанов провели исследования в области энергетических ресурсов РТ [5]; Б. А. Абдурахимов уделял особое внимание угольной промышленности, анализировал ее состояние и развитие [6].

Вторая группа ученых провела исследования в области минерально-сырьевых баз РТ, природно-ресурсного потенциала ее горных регионов; в их публикациях описаны история становления, современное состояние и перспективы развития промышленности страны [7–9].

Рациональное и эффективное использование минерально-сырьевых ресурсов и вовлечение в оборот новых месторождений становятся факторами роста экономики.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В исследовании применялись методы описательного, сравнительного анализа, аб-

солютных, средних и относительных величин, а также цепные индексы и динамические ряды. При этом для оценки влияния добывающей отрасли на развитие промышленности проводился анализ изменения объема промышленной продукции, в том числе добывающей отрасли (в процентах); анализ изменения структуры промышленной продукции и темпов роста доли добывающей отрасли в общем объеме промышленной продукции; рассматривалось соотношение использования трудовых ресурсов в этих отраслях. При проведении аналитических работ принимались в расчет в основном данные, полученные из отчетов о реализации инициативы прозрачности в добывающих отраслях РТ, материалы из сборников Агентства по статистике при Президенте РТ и другие источники, посвященные вопросам становления и развития горнорудной отрасли.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Становление и развитие горнорудной промышленности в условиях ограниченности ресурсов являются движущей силой всех отраслей экономики. Особенно значение данной отрасли велико в РТ, что обусловлено существующими факторами, которые показаны на рис. 1.

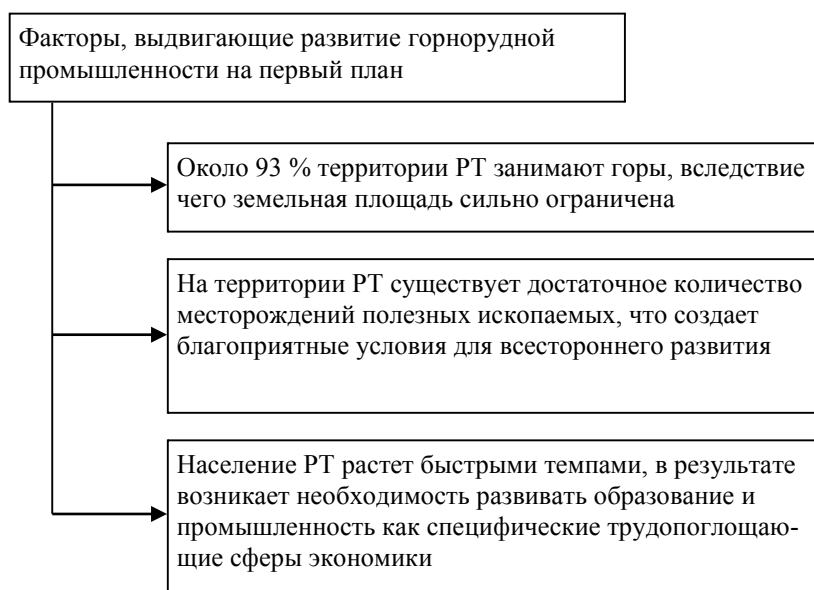

Рис. 1. Основные факторы, которые выдвигают развитие горнорудной промышленности на первый план

Примечание: составлено автором.

Как показано на рис. 1, в РТ доля горной местности в общей площади очень высока. На сегодняшний день в РТ производится добыча и переработка полезных ископаемых разного рода. В табл. 1 проводится анализ темпов роста объема промышленной продукции и продукции горнодобывающей от-

расли РТ. В данной таблице горнодобывающая промышленность разбивается на отрасли добычи энергетических материалов и добычи неэнергетических материалов, которые, в свою очередь, имеют подотрасли [10].

Таблица 1

**Темп роста объема выпуска продукции добывающей отрасли
Республики Таджикистан**

Показатели	2015	2016	2017	2018
Объем промышленной продукции	115,8	123,7	138,6	114,1
Добывающая отрасль:	116,9	183,2	150,6	103,6
Добыча энергетических материалов	89,5	109,4	134	111,2
- добыча угля	114,1	115,5	143,3	112
- добыча нефти и природного газа	52,8	89,6	95,3	106,1
Добыча неэнергетических материалов	122,3	193,6	151,9	103,1
- добыча металлических руд	117,5	199,1	155,3	102,4
- прочие отрасли горнодобывающей промышленности	257,6	121,6	78,4	129,9

Примечание: составлено по [11–13].

Проводя анализ темпов роста объема выпуска промышленной продукции в целом и объема выпуска продукции в горной отрасли, можно наблюдать опережение темпа роста объема производства в горнодобывающей отрасли. Это доказывает повышение доли горнодобывающей отрасли в общем объеме промышленной продукции. Средний темп роста объема промышленной продукции за анализируемый период составляет 123 пункта, а средний темп роста объема выпуска продукции в горнодобывающей отрасли составляет 138,6 пункта, что на 112,7 % больше. Самый высокий темп роста объема выпуска промышленной продукции наблюдается в 2017 г. (138,6 пункта), а самый низкий – в 2018 г. (114,1 пункта). Рост объема выпуска продукции в горнодобывающей отрасли

в 2016 г. по сравнению с 2015 г. составляет 183,2 %, что является самой высокой точкой за анализируемый период. Из подотраслей горнодобывающей промышленности добыча металлургических руд занимает особую позицию. Темп ее роста достигает 199,1 пункта в 2016 г., что является самой высокой точкой в анализируемой таблице. Самый низкий темп наблюдается в отрасли добычи нефти и природного газа в 2015 г. – 52,8 пункта.

Проводя анализ удельного веса объема выпуска добывающей отрасли в общем объеме промышленной продукции, определяем ее влияние на промышленность. В табл. 2 анализируется удельный вес добывающей отрасли в общем объеме промышленной продукции за анализируемый период.

Таблица 2

Доля добывающей отрасли в общем объеме промышленной продукции, %

Показатели	2015	2016	2017	2018
Объем промышленной продукции	100	100	100	100
Добывающая отрасль	13,4	19,9	21,6	19,6
Добыча энергетических материалов	1,7	1,5	1,4	1,4
Добыча неэнергетических материалов	11,7	18,4	20,2	18,2

Примечание: составлено по [11–13].

Данные таблицы показывают, что доля добывающей отрасли за анализируемый период

выросла с 13,3 до 19,6 %, т. е. на 6,3 процентного пункта. Самый высокий удельный вес

составлял 21,6 % в 2017 г., а в 2018 г. наблюдается спад доли добывающей отрасли на 1 %. Данный показатель на 0,3 % ниже по сравнению с показателем 2016 г. Как отмечено выше, самый высокий темп роста приходится на 2016 г. Следует отметить, что доля добычи энергетических материалов в данном периоде снизилась на 0,8 процентного пункта и в 2018 г. составила 1,4 %. Добыча неэнергетических материалов с 11,7 % в 2015 г. выросла до 18,2 %

в 2018 г. Прирост на данный период составляет 6,5 %.

Одним из необходимых условий осуществления производственного процесса выступает рабочая сила. При эффективном использовании персонала повышается и эффективность деятельности предприятия. В табл. 3 приводится анализ трудовых ресурсов горнодобывающей отрасли.

Таблица 3

Анализ трудовых ресурсов горнорудной промышленности

Показатели	2015	2016	2017	2018
Численность занятых на всех промышленных отраслях, тыс. чел.	83,5	102,6	86,8	85,6
Численность занятых в горнодобывающей промышленности, тыс. чел.	8,7	9,7	9,6	10,2
В том числе				
Добыча энергетических материалов, тыс. чел.	1,5	1,4	1,6	1,6
Добыча неэнергетических материалов, тыс. чел.	7,2	8,2	7,9	7,6
Доля занятых в горнодобывающей отрасли от общей численности промышленного сектора, %	10,42	9,45	11,06	11,91
Темп роста производительности труда в горнодобывающей отрасли, %	162,8	164,3	152,1	97,5
Темп изменения трудоемкости в горнодобывающей промышленности, %	61,4	61	65,6	102,3

Примечание: составлено по [11–13].

Согласно данным табл. 3 общая численность трудовых ресурсов горнорудной промышленности с 2015 по 2018 г. выросла на 102,5 %, или на 2,1 тыс. чел. В данный период численность трудовых ресурсов, занятых в горнодобывающей промышленности, возросла на 117,2 %, или на 1,5 тыс. чел., что по темпу роста опережает рост общей численности трудовых ресурсов. Анализ показывает, что численность трудовых ресурсов, занятых в добыче неэнергетических материалов, составляет более 80 % от общей численности трудовых ресурсов, которые заняты в добывающем секторе промышленности. А доля численности трудовых ресурсов, занятых в добыче энергетических материалов, составляет менее 20 % от общей численности занятых в горнодобывающей отрасли. Доля занятых в горнодобывающей отрасли от общей численности промышленного сектора тоже имеет тенденцию роста. В 2015 г. данный показатель составлял 10,42 %, а в 2018 г. вырос до 11,91 %, что по сравнению с показателем 2015 г. больше на 14,3 %, или на 1,49 пункта. Самая низкая точка в этом периоде относится к 2016 г., когда рассматриваемый показатель составлял 9,45 %.

Главными показателями анализа трудовых ресурсов являются производительность труда и трудоемкость. Чем выше первый и чем ниже второй показатель, тем выше эффективность использования персонала. Темп роста показателя производительности труда за анализируемый период стабильно растет и составляет в среднем около 160 % в год. Только в 2018 г. наблюдается его снижение до 97,5 %. А темп изменения трудоемкости выпуска продукции показывает обратное. До 2017 г. уровень трудоемкости каждый год снижается в среднем до 62 % и в 2018 г. возрастает до 102,3 %.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на некоторые изменения отрицательного характера, в целом наблюдается положительная тенденция в использовании трудовых ресурсов. Это показывает, что в горнодобывающий сектор экономики привлекается больше рабочих, повышается объем добычи и, соответственно, повышается его доля в общем объеме промышленной продукции.

Таким образом, можно отметить, что роль данной отрасли в развитии промышленности очень высока, ее удельный вес имеет тенден-

цию к росту. Рост удельного веса составляет 6,3 процентного пункта: с 13,3 % в 2015 г. до 19,6 % в 2018 г. Общая численность трудовых ресурсов, занятых в горнодобывающей промышленности, в данном периоде увеличилась на 117,2 %, или на 1,5 тыс. чел.

В целом в данной статье систематизированы основные факторы, которые выдвигают развитие горнорудной промышленности на первый план; проанализированы темпы роста объема выпуска продукции в добывающей отрасли РТ; рассмотрено изменение доли добывающей отрасли в общем объеме промышленной продукции; изучены показатели эффективности использования трудовых ресурсов горнорудной промышленности. Исходя из результатов проведенного исследования, определено влияние горной отрасли на развитие промышленности РТ.

Для более объективной оценки влияния горнорудной отрасли на развитие промышленности, на наш взгляд, необходимо проводить комплексный анализ структуры промышленности, т. е. наряду с горнорудной отраслью необходимо исследовать и другие отрасли промышленности (например, металлургическую промышленность, машиностроение, легкую промышленность и др.), проанализировать их влияние на развитие промышленности и экономики страны в целом.

Таким образом, можно заключить, что в добывающей отрасли Республики Таджикистан год за годом происходят улучшения. Проводится политика, ориентированная на развитие данной отрасли и совершенствование управления. Основное внимание должно быть уделено поиску новых стратегий, позволяющих перейти на более высокий уровень производительности и снизить затраты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов А. Е. Формы и способы организации и стимулирования инновационной деятельности на предприятиях минерально-сырьевого комплекса // Стратегия развития геологического исследования недр: настоящее и будущее (к 100-летию МГРИ-РГГРУ) : материалы Междунар. науч.-практич. конф. М. : МГРИ-РГГРУ. 2018. С. 367–368.
2. Коротеев Н. Д. Формирование устойчивой минерально-сырьевой базы территории // Уральская горная школа – регионам : материалы Междунар. науч.-практич. конф. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2017. С. 700–701.
3. Курбанов А. С. Развитие минерально-сырьевой базы Таджикистана // Стратегия развития геологического исследования недр: настоящее и будущее (к 100-летию МГРИ-РГГРУ) : материалы Междунар. науч.-практич. конференции. М., МГРИ-РГГРУ. 2018. С. 343–344.
4. Каюмов Н. К. Энергетическая безопасность Таджикистана в условиях новых вызовов и угроз // Энергетическое право. 2009. № 2. С. 9–12.
5. Ахророва А. Д. Энергетика Таджикистана: современные тенденции и перспективы устойчивого развития. Душанбе : Изд-во ООО РИА «Статус», 2005. 238 с.
6. Абдурахимов Б. А. Угольная промышленность Таджикистана: сырьевая база, состояние и перспективы развития. Душанбе : Недра, 2011. 247 с.
7. Хоналиев Н. Х. Промышленность Таджикистана: современное состояние и перспективы развития. Душанбе : Ирфон, 2007. 292 с.
8. Мухаббатова Х. М. Природно-ресурсный потенциал горных регионов Таджикистана. М. : Гранита, 1999. 335 с.

REFERENCES

1. Popov A. E. Formy i sposoby organizatsii i stimulirovaniia innovatsionnoi deiatelnosti na predpriiatiakh mineralno-syrevogo kompleksa // Strategiiia razvitiia geologicheskogo issledovaniia nedr: nastoiashchee i budushchee (k 100-letiiu MGRI-RGGRU) : materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow : MGRI-RGGRU. 2018. P. 367–368. (In Russian).
2. Koroteev N. D. Formirovanie ustoichivoi mineralno-syrevoi bazy territorii // Uralskaia gornaia shkola – regionam : materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ekaterinburg : Izd-vo UGGU, 2017. P. 700–701. (In Russian).
3. Kurbonov A. S. Razvitie mineralno-syrevoi bazy Tadjikistana // Strategiiia razvitiia geologicheskogo issledovaniia nedr: nastoiashchee i budushchee (k 100-letiiu MGRI-RGGRU) : materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, MGRI-RGGRU. 2018. P. 343–344. (In Russian).
4. Kaiumov N. K. Energeticheskaia bezopasnost Tadjikistana v usloviiakh novykh vyzovov i ugroz // Energeticheskoe pravo. 2009. No. 2. P. 9–12. (In Russian).
5. Akhrorova A. D. Energetika Tadjikistana: sovremennye tendentsii i perspektivy ustoichivogo razvitiia. Dushanbe : Izdatelstvo OOO RIA "Status", 2005. 238 p. (In Russian).
6. Abdurakhimov B. A. Ugolnaia promyshlennost Tadjikistana: Syrevaia baza, sostoianie i razvitiia perspektivy. Dushanbe : Nedra, 2011. 247 p. (In Russian).
7. Khonaliev N. Kh. Promyshlennost Tadjikistana: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia. Dushanbe: Irfon, 2007. 292 p. (In Russian).

9. Маджидов Б. С. Минерально-сырьевая база драгоценных металлов Республики Таджикистан // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2017. № 5. С. 404–412.
10. Назарматов А. А., Собирова Ш. Р. Экономическая оценка современного состояния горнорудной промышленности республики Таджикистан // Экологическая и техносферная безопасность горнопромышленных регионов : материалы VI Междунар. науч.-практич. конф. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2018. С. 204–209.
11. 2-й Национальный отчет о реализации инициативы прозрачности деятельности добывающих отраслей в Республике Таджикистан за 2015–2016 гг. Душанбе, 2017. 196 с.
12. 3-й национальный отчет о реализации инициативы прозрачности в добывающих отраслях в Республике Таджикистан за 2017–2018 гг. Душанбе, 2019. 103 с.
13. Социально-экономическое положение Республики Таджикистан // Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2020. 281 с.
8. Mukhabbatov Kh. M. Prirodno-resursnyi potentsial gornykh regionov Tadjhikistana. Moscow : Granitsa, 1999. 335 p. (In Russian).
9. Madzhidov B. S. Mineralno-syrevaia baza dragotsennykh metallov Respubliki Tadzhi-kistan // Gornyi informatsionno-analiticheskii biulleten. 2017. No. 5. P. 404–412. (In Russian).
10. Nazarmatov A. A., Sobirova Sh. R. Ekonomicheskaya otsenka sovremennogo sostoianiia gornorudnoi promyshlennosti respublik Tadjhikistan // Ekologicheskaiia i tekhnosfernaia bezopasnost gornopromyshlennykh regionov : materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Ekaterinburg : Izd-vo UGGU, 2018. P. 204–209. (In Russian).
11. 2-i Natsionalnyi otchet o realizatsii initsiativy prozrachnosti deiatelnosti dobyvaiushchikh otraslei v Respublike Tadjhikistan za 2015–2016 gg. Dushanbe, 2017. 196 p. (In Russian).
12. 3-i natsionalnyi otchet o realizatsii initsiativy prozrachnosti v dobyvaiushchikh otrasliakh v Respublike Tadjhikistan za 2017–2018 gg. Dushanbe, 2019. 103 p. (In Russian).
13. 13.Sotsialno-ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Tadjhikistan / Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadjhikistan. Dushanbe, 2020. 281 p. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Назарматов Авазбек Ахмадович – преподаватель, Горно-металлургический институт Таджикистана, Бустон, Республика Таджикистан.
E-mail: nazarmatov2014@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Avazbek A. Nazarmatov – Lecturer, Mining-metallurgical Institute of Tajikistan, Buston, Republic of Tajikistan.
E-mail: nazarmatov2014@mail.ru

УДК 334.012.32+316.34

DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-57-64

ОЦЕНКА ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ, ХАРАКТЕРНЫХ ДЛЯ ЗАВЕРШИВШИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Ю. С. Пиньковецкая

Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия

E-mail: judy54@yandex.ru

Целью исследования является оценка сложившихся уровней завершения женщинами и мужчинами деятельности в качестве предпринимателей в современных национальных экономиках. Были решены задачи определения значений показателей, характеризующих завершение предпринимателями деятельности, а также рассмотрено влияние на этот процесс таких причин, как убыточность производства и отсутствие финансов. В качестве исходной информации использовались результаты опросов, проведенных в 59 странах в процессе реализации проекта Глобального мониторинга предпринимательства. Полученные результаты показали, что в большинстве стран имеет место гендерный разрыв между удельными весами женщин-предпринимателей, завершивших деятельность, в численности взрослых женщин и соответствующими показателями по мужчинам-предпринимателям. Доказано, что почти половина мужчин и женщин в рассматриваемых странах завершили свой бизнес в связи с отсутствием прибыли или финансовыми проблемами.

Ключевые слова: завершение предпринимательской деятельности, женщины, мужчины, гендерные различия, убыточность бизнеса, финансовые проблемы.

Для цитирования: Пиньковецкая Ю. С. Оценка гендерных различий, характерных для завершивших деятельность предпринимателей // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 57–64. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-57-64.

EVALUATION OF GENDER DIFFERENCES TYPICAL FOR ENTREPRENEURS WHO TERMINATED ACTIVITIES

Yu. S. Pinkovetskaya

Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia

E-mail: judy54@yandex.ru

The aim of the study is to assess the current levels of termination of entrepreneurial activity by women and men in modern national economies. The study solved the problem of determining the values of indicators that characterize the termination of an entrepreneur's activity, as well as the impact on this process of such factors as unprofitability of production and lack of finance. The study used the results of surveys conducted in 59 countries during the implementation of the Global Entrepreneurship Monitor project as initial information. The results showed that in most countries there is a gender gap between the proportion of adult female entrepreneurs who have terminated their activities and the corresponding indicators for male entrepreneurs. It is proven that almost half of men and women in the countries under review have closed their business due to lack of profit or financial problems.

Keywords: termination of entrepreneurial activity, women, men, gender differences, unprofitability of business, financial problems.

For citation: Pinkovetskaya Yu. S. Evaluation of Gender Differences Typical for Entrepreneurs Who Terminated Activities // Surgut State University Journal. 2021. No. 1. P. 57–64. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-57-64.

ВВЕДЕНИЕ

Предпринимательство в настоящее время является одним из важнейших секторов эко-

номики большинства стран. Именно предприниматели являются владельцами около 93 % нефинансовых компаний в Европей-

ском Союзе и других экономически развитых странах. В них занято около половины экономически активного населения [1].

В связи с этим для большинства развитых и развивающихся экономик актуальной проблемой является оценка показателей, характеризующих выход предпринимателей из своих бизнесов. Также большое значение имеет определение факторов, обуславливающих эти процессы. Данное исследование посвящено именно этой проблеме. Изучение сложившегося уровня завершения предпринимателями своей деятельности в этом качестве важно как для государственных органов, осуществляющих регулирование деятельности малого и среднего бизнеса, так и непосредственно для предпринимателей. Оно дает насущную информацию о демографических процессах в предпринимательском секторе и факторах, влияющих на закрытие фирм на национальном и региональном уровнях.

Проведенный анализ показал, что завершению предпринимательской деятельности посвящено значительное количество научных публикаций. Теоретические и практические аспекты процессов завершения предпринимателями своей деятельности приведены в работах [2–5]. В качестве основных факторов, определяющих эти процессы, указываются убыточная деятельность фирм, а также отсутствие необходимых финансов [6–8].

Учитывая возрастание роли гендерных исследований в предпринимательстве [9–11], основное внимание в настоящей статье уделяется анализу сложившихся различий в предпринимательской деятельности женщин и мужчин. Необходимо отметить, что в выполненных ранее научных исследованиях проблеме гендерных различий, сложившихся на стадии выхода предпринимателей из своих бизнесов, уделялось недостаточно внимания.

Целью исследования является оценка сложившихся уровней завершения женщинами и мужчинами деятельности в качестве предпринимателей в современных национальных экономиках.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Процесс исследования включал четыре этапа. На первом этапе формировались исходные данные, описывающие доли женщин

и мужчин, завершивших деятельность в качестве предпринимателей, в общей численности соответствующих страт взрослого населения в различных странах, а также выявлялись основные факторы, определяющие эти процессы. На втором этапе оценивались значения показателей, характеризующих сложившиеся в национальных экономиках уровни завершения женщинами-предпринимателями и мужчинами-предпринимателями своей деятельности. На третьем этапе определялись средние значения показателей по рассматриваемым странам и диапазоны, в которых находятся значения этих показателей для большинства из них. На четвертом этапе проводился компаративный анализ, в процессе которого устанавливались страны с высокими и низкими значениями показателей, характеризующих предпринимателей, завершивших деятельность.

В качестве исходной информации в исследовании использовались результаты опросов, проведенных в 59 странах в процессе реализации проекта Глобального мониторинга предпринимательства [12]. Опросы взрослого населения (18–64 лет) в этих странах позволили получить информацию о людях, завершивших в текущем году предпринимательскую деятельность.

В нашем исследовании проводилась оценка следующих девяти показателей, характеризующих завершение деятельности предпринимателями-женщинами и предпринимателями-мужчинами по 59 странам в 2018 г.:

- удельного веса женщин-предпринимателей, завершивших деятельность, в численности взрослых женщин (показатель 1);
- удельного веса мужчин-предпринимателей, завершивших деятельность, в общей численности взрослых мужчин (показатель 2);
- отношения значений показателей, описывающих завершение деятельности женщинами-предпринимателями и мужчинами-предпринимателями (показатель 3);
- удельного веса женщин, завершивших деятельность в связи с убыточностью производства, в общей численности женщин-предпринимателей (показатель 4);
- удельного веса мужчин, завершивших деятельность в связи с убыточностью произ-

водства, в общей численности мужчин-предпринимателей (показатель 5);

- отношения значений показателей женщин и мужчин, завершивших деятельность в связи с убыточностью производства (показатель 6);

- удельного веса женщин, завершивших деятельность в связи с отсутствием финансов, в общей численности женщин-предпринимателей (показатель 7);

- удельного веса мужчин, завершивших деятельность в связи с отсутствием финансов, в общей численности мужчин-предпринимателей (показатель 8);

- отношения значений показателей, описывающих завершение деятельности в связи с отсутствием финансов (показатель 9).

Проведенное исследование включало проверку трех следующих гипотез:

- гипотеза 1: значения рассматриваемых девяти показателей имеют существенную дифференциацию по разным странам;

- гипотеза 2: территориальное расположение стран не оказывает существенного влияния на значение каждого из девяти показателей;

- гипотеза 3: уровень доходов населения в рассматриваемых странах не оказывает существенного влияния на значение каждого из девяти показателей.

Оценка значений девяти рассматриваемых показателей основывалась на экономико-математическом моделировании исходных эмпирических данных, приведенных в таблице А3 проекта Глобального мониторинга предпринимательства [12]. В качестве моделей использовались функции плотности нормального распределения, методика разработки которых для оценки значений показателей приведена в статье автора [13]. В процессе разработки функций исходные эмпирические данные объединялись в группы по диапазонам изменения значений показателей. Эти группы данных геометрически отображаются в виде соответствующих гистограмм. Аппроксимация данных с использованием функций нормального распределения осуществляется по общепринятым статистическим методам. Важно отметить, что среднее значение рассматриваемых показателей, а также их стандартные отклонения для функций плотности нормального распределения отображаются в самих формулах

разработанных функций. Следовательно, построив конкретную функцию, мы без дополнительных расчетов получаем указанные параметры рассматриваемых показателей.

Полученные функции позволяют установить средние по рассматриваемым странам значения каждого из девяти показателей, диапазоны их вариации, характерные для большинства стран. Кроме того, в процессе исследования определялись страны, в которых рассматриваемые показатели имеют значения, большие, чем верхняя, и меньшие, чем нижняя границы диапазонов. Границы диапазонов значений показателей по 68 % стран определялись исходя из средних значений показателей и соответствующих стандартных отклонений. Нижняя граница интервала равна разности между средним значением и стандартным отклонением, а верхняя граница – их сумме.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В процессе вычислительного эксперимента проводилось экономико-математическое моделирование на основе эмпирических данных. Модели, которые описывают распределение (у) девяти показателей (х) по всем 59 странам, продемонстрированы далее:

- удельный вес женщин-предпринимателей, завершивших деятельность, в численности взрослых женщин (%):

$$y_1(x_1) = \frac{51,63}{1,57 \times \sqrt{2\pi}} \times e^{-\frac{(x_1 - 2,68)^2}{2 \times 1,57 \times 1,57}}; \quad (1)$$

- удельный вес мужчин-предпринимателей, завершивших деятельность, в общей численности взрослых мужчин (%):

$$y_2(x_2) = \frac{55,72}{1,64 \times \sqrt{2\pi}} \times e^{-\frac{(x_2 - 3,35)^2}{2 \times 1,64 \times 1,64}}; \quad (2)$$

- отношение значений показателей, описывающих завершение деятельности женщинами-предпринимателями и мужчинами-предпринимателями:

$$y_3(x_3) = \frac{12,98}{0,36 \times \sqrt{2\pi}} \times e^{-\frac{(x_3 - 0,85)^2}{2 \times 0,36 \times 0,36}}; \quad (3)$$

- удельный вес женщин, завершивших деятельность в связи с убыточностью, в общей численности женщин-предпринимателей (%):

$$y_4(x_4) = \frac{557,22}{14,31 \times \sqrt{2\pi}} \times e^{-\frac{(x_4-28,89)^2}{2 \times 14,31 \times 14,31}}, \quad (4)$$

- удельный вес мужчин, завершивших деятельность в связи с убыточностью, в общей численности мужчин-предпринимателей (%):

$$y_5(x_5) = \frac{716,43}{13,54 \times \sqrt{2\pi}} \times e^{-\frac{(x_5-30,98)^2}{2 \times 13,54 \times 13,54}}, \quad (5)$$

- отношение значений показателей, женщин и мужчин, завершивших деятельность в связи с убыточностью:

$$y_6(x_6) = \frac{18,85}{0,28 \times \sqrt{2\pi}} \times e^{-\frac{(x_6-0,98)^2}{2 \times 0,98 \times 0,38}}, \quad (6)$$

- удельный вес женщин, завершивших деятельность в связи с отсутствием финансов, в общей численности женщин-предпринимателей (%):

$$y_7(x_7) = \frac{580,05}{11,03 \times \sqrt{2\pi}} \times e^{-\frac{(x_7-15,72)^2}{2 \times 11,03 \times 11,03}}, \quad (7)$$

- удельный вес мужчин, завершивших деятельность в связи с отсутствием финансов, в общей численности мужчин-предпринимателей (%):

$$y_8(x_8) = \frac{331,43}{8,07 \times \sqrt{2\pi}} \times e^{-\frac{(x_8-13,92)^2}{2 \times 8,07 \times 8,07}}, \quad (8)$$

- отношение значений показателей, описывающих завершение деятельности в связи с отсутствием финансов:

$$y_9(x_9) = \frac{37,33}{0,67 \times \sqrt{2\pi}} \times e^{-\frac{(x_9-1,15)^2}{2 \times 0,67 \times 0,67}}. \quad (9)$$

На следующем этапе исследования были выявлены значения показателей, характеризующих женщин и мужчин, закончивших в 2018 г. свою деятельность в качестве предпринимателей. Средние значения показателей по странам указаны в столбце 2 табл. 1. Величины показателей, характеризующие верхние и нижние границы интервалов, соответствующие большинству стран, продемонстрированы в столбце 3.

Таблица 1

Значения показателей, описывающих завершивших деятельность предпринимателей

Номера показателей	Средние величины	Значения по большинству стран
1	2	3
Показатель 1, %	2,68	1,11-4,25
Показатель 2, %	3,35	1,71-4,99
Показатель 3	0,85	0,49-1,21
Показатель 4, %	28,89	14,58-43,20
Показатель 5, %	30,98	17,44-44,52
Показатель 6	0,98	0,60-1,36
Показатель 7, %	15,72	4,69-26,75
Показатель 8, %	13,92	5,85-21,99
Показатель 9	1,15	0,48-1,82

Примечание: расчеты проведены автором на основе функций (1)–(9).

Среднее значение удельного веса женщин-предпринимателей, завершивших деятельность, составило в 2018 г. почти 2,7 %. Значение аналогичного показателя по мужчинам было в 1,25 раза больше и составляло более 3,3 %. Тенденция превышения значений показателей по мужчинам наблюдалась

в 39 странах (т. е. в большинстве). Для 20 стран эта тенденция не наблюдалась. В Словацкой Республике и Судане значения показателей по женщинам и мужчинам были равны. В Бразилии, Канаде, Чили, Таиланде, Болгарии, Гватемале, Малайзии, Катаре, Саудовской Аравии, ЮАР, США, Эквадоре,

Израиле, Ливане, Вьетнаме, Перу, ОАЭ, Анголе и Мадагаскаре значения показателей по женщинам были выше, чем по мужчинам. Соответственно, среднее значение отношения значений показателей, описывающих женщин и мужчин, завершивших предпринимательскую деятельность, составляло 0,85.

Среднее значение удельного веса женщин, завершивших деятельность в связи с убыточностью, в общей численности женщин-предпринимателей составило в 2018 г. 28,9 %. Значение аналогичного показателя по мужчинам составляло почти 31 %. Превышение значений показателей по мужчинам наблюдалось в 31 стране. В 11 странах (Чили, Хорватия, Эстония, Гватемала, Казахстан, Ливан, Марокко, Пуэрто-Рико, Саудовская Аравия, Словения, ОАЭ) значения показателей по женщинам и мужчинам были равны. В 17 странах (Австралия, Бразилия, Кипр, Великобритания, Латвия, Перу, Испания, Панама, Босния и Герцеговина, Израиль, Китай, Греция, Республика Корея, Ангола, Люксембург, США и Италия) значения показателей по женщинам были выше, чем по мужчинам. Соответственно, среднее значение отношения значений показателей, описывающих женщин и мужчин, вышедших из бизнеса, составляло 0,98.

Среднее значение удельного веса женщин, завершивших деятельность в связи с отсутствием финансов, в общей численности женщин-предпринимателей в 2018 г. составило 15,7 %. Значение аналогичного показателя по мужчинам было немного ниже – 13,9 %. Превышение значений показателей по женщинам имело место в 28 странах. В двух странах значения показателей по женщинам и мужчинам были равны. В 29 странах значения показателей по мужчинам были больше, чем по женщинам. Среднее значение отно-

шения значений показателей, описывающих женщин и мужчин, завершивших деятельность в связи с отсутствием финансов, достигало 1,15.

Необходимо отметить, что в среднем по рассматриваемым странам общий удельный вес людей, завершивших деятельность в связи с убыточностью либо отсутствием финансов, составлял более 44,6 % по женщинам и 44,9 % по мужчинам, т. е. почти половина женщин и мужчин завершили деятельность в качестве предпринимателей по указанным причинам в рассмотренных 59 странах.

В целом приведенный выше анализ позволил сделать вывод о наличии в большинстве стран гендерных различий по удельным весам женщин и мужчин, завершивших свою деятельность, в общей численности соответствующих страт взрослых людей. По показателям, характеризующим завершение деятельности в связи с убыточностью либо отсутствием финансов, существенных гендерных различий в средних значениях по 59 странам не наблюдалось. Для проверки гипотезы 1 проводился анализ данных, представленных в столбце 3 табл. 1. Анализ показал существенную дифференциацию значений каждого из девяти показателей по рассматриваемым странам. Следовательно, гипотеза 1 подтвердилась.

На следующем этапе выявлялись страны, в которых отмечались максимальные и минимальные значения каждого из показателей. При этом к максимальным относятся значения, превышающие верхние границы диапазонов, указанных в столбце 3 табл. 1, а к минимальным – меньшие, чем нижние границы указанных диапазонов. Итоги этого анализа приведены в табл. 2. Наряду с перечнями стран в этой таблице представлено также подразделение выявленных стран по их географическому положению и уровню доходов населения.

Таблица 2

Характеристика стран, в которых отмечались максимальные и минимальные показатели

Номер показателя	Страны с максимальными значениями показателей	Страны с минимальными значениями показателей
1	2	3
1	Египет, Чили, Гватемала, ЮАР, Малайзия, Таиланд, Судан, Саудовская Аравия, Эквадор, Перу, Ангола. Расположены в Азии (3 страны), Африке (4 страны), Латинской Америке (4 страны). Доходы населения: высокие (2 страны), средние (6 стран), низкие (3 страны)	Швейцария, Босния и Герцеговина, Индонезия, Япония, Кипр, Франция, Италия, Российская Федерация, Германия, Польша. Расположены в Европе (6 стран), Азии (2 страны). Доходы населения: высокие (5 стран), средние (3 страны)

Окончание табл. 2

Номер показателя	Страны с максимальными значениями показателей	Страны с минимальными значениями показателей
2	Чили, Таиланд, Казахстан, Перу, Иран, Уругвай, Эквадор, Египет, Марокко, Судан. Расположены в Азии (5 стран), Африке (2 страны), Латинской Америке (3 страны). Доходы населения: высокие (1 страна), средние (5 стран), низкие (4 страны)	Италия, Босния и Герцеговина, Индонезия, Испания, Германия, Япония, Болгария, Республика Корея, Польша, Швейцария. Расположены в Европе (7 стран), Азии (3 страны). Доходы населения: высокие (7 стран), средние (3 страны)
3	Эквадор, Израиль, Ливан, Вьетнам, Перу, ОАЭ, Ангола, Мадагаскар. Расположены в Азии (4 страны), в Африке и Латинской Америке (по 2 страны). Доходы населения: высокие (2 страны), средние (3 страны), низкие (3 страны)	Швейцария, Кипр, Франция, Иран, Люксембург, Российская Федерация, Великобритания. Расположены в Европе (6 стран), Азии (1 страна). Доходы населения: высокие (5 стран), средние (1 страна), низкие (1 страна)
4	Ливан, Республика Корея, Греция, Болгария, Испания, Панама, Российская Федерация. Расположены в Азии (2 страны), Европе (4 страны), Латинской Америке (1 страна). Доходы населения: высокие (4 страны), средние (2 страны), низкие (1 страна)	Япония, Вьетнам, Нидерланды, Швейцария, Индонезия, Германия, Саудовская Аравия. Расположены в Европе (3 страны), Азии (4 страны). Доходы населения: высокие (5 стран), средние (1 страна), низкие (1 страна)
5	Аргентина, Испания, Индия, Панама, Египет, Ливан, Уругвай, Болгария, Российская Федерация. Расположены в Европе (3 страны), Азии (2 страны), Африке (1 страна), Латинской Америке (3 страны). Доходы населения: высокие (2 страны), средние (4 страны), низкие (3 страны)	Вьетнам, Италия, Люксембург, Индонезия, Саудовская Аравия, Нидерланды, Пуэрто-Рико. Расположены в Европе (3 страны), Латинской Америке (1 страна), Азии (3 страны). Доходы населения: высокие (5 стран), средние (1 страна), низкие (1 страна)
6	Босния и Герцеговина, Израиль, Китай, Греция, Республика Корея, Ангола, Люксембург, США, Италия. Расположены в Европе (4 страны), Азии (3 страны), Африке и Северной Америке (по 1 стране). Доходы населения: высокие (5 стран), средние (2 страны), низкие (1 страна)	Швейцария, Катар, Нидерланды, Швеция, Канада, Египет, Тайвань. Расположены в Европе (3 страны), Азии (2 страны), Северной Америке и Африке (по 1 стране). Доходы населения: высокие (6 стран), низкие (1 страна)
7	Судан, Египет, Индия, Индонезия, Ангола, Вьетнам, ЮАР, Кипр, Турция, Франция. Расположены в Европе (2 страны), Азии (4 страны), Африке (4 страны). Доходы населения: высокие (2 страны), средние (2 страны), низкие (4 страны)	США, Тайвань, Китай, Швеция, Словацкая Республика, Мадагаскар, Австралия, Эстония, Пуэрто-Рико, Латвия. Расположены в Европе (4 страны), Азии (2 страны), Австралии, Африке, Латинской и Северной Америке (по 1 стране). Доходы населения: высокие (7 стран), средние (2 страны), низкие (1 страна)
8	Болгария, Индия, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Китай, Босния и Герцеговина, Иран, Ангола, Франция. Расположены в Европе (3 страны), Азии (6 стран), Африке (1 страна). Доходы населения: высокие (1 страна), средние (5 стран), низкие (4 страны)	Великобритания, Польша, Словения, Швейцария, Аргентина, Греция, Испания, Тайвань. Расположены в Европе (6 стран), Азии (1 страна), Латинской Америке (1 страна). Доходы населения: высокие (7 стран), средние (1 страна)
9	Франция, Греция, Российская Федерация, Вьетнам, Ирландия, ЮАР, Мексика, Польша, Великобритания, Швейцария. Расположены в Европе (7 стран), Азии (1 страна), Африке (1 страна), Латинской Америке (1 страна). Доходы населения: высокие (6 стран), средние (3 страны), низкие (1 страна)	Словацкая Республика, США, Эстония, Швеция, Латвия, Катар, Тайвань. Расположены в Европе (4 страны), Азии (2 страны), Северной Америке (1 страна). Доходы населения: высокие (6 стран), средние (1 страна)

Примечание: составлено автором на основе данных табл. 1 и проекта Глобального мониторинга предпринимательства.

В табл. 2 приведена информация по территориальному расположению стран с высокими (столбец 2) и низкими (столбец 3) значениями каждого из девяти оцениваемых в нашем ис-

следовании показателей. Анализ информации по странам с максимальными и минимальными значениями показателей свидетельствует об отсутствии связи между значениями пока-

зателей в них и территориальным расположением стран, а также уровнем доходов населения в этих странах. Страны как с максимальными, так и с минимальными значениями показателей расположены в различных частях света и характеризуются разным уровнем доходов населения. Таким образом, можно констатировать подтверждение гипотез 2 и 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель исследования, заключающаяся в оценке показателей, описывающих мужчин и женщин, завершивших в 2018 г. деятельность в качестве предпринимателей, была достигнута. Проведена оценка показателей завершения деятельности женщинами-предпринимателями и мужчинами-предпринимателями по 59 странам.

Выводы, обладающие научной новизной и оригинальностью:

1. Доказано, что доли женщин, завершивших деятельность в качестве предпринимателей, в большинстве стран ниже по сравнению с аналогичными показателями по мужчинам.

2. Показано, что почти половина мужчин и женщин завершили свой бизнес в связи с отсутствием прибыли или финансовыми проблемами.

3. Доказано, что в 2018 г. имели место значительные различия в значениях каждого из девяти рассматриваемых показателей по странам.

4. Выявлены страны, для которых были характерны максимальные и минимальные значения каждого из девяти показателей.

В исследовании присутствовали ограничения для эмпирических данных, обусловленные тем, что рассматривалась информация только по 59 странам.

Итоги проведенной работы обладают определенным теоретическим и практическим значением для правительств и предпринимателей. Представленный в статье методический подход к оценке гендерных различий в завершении предпринимателями своей деятельности может применяться в дальнейших исследованиях. Полученные новые знания представляют интерес и могут использоваться в образовательном процессе в университетах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kraemer-Eis H., Lang F., Torfs W., Gvetadze S. European Small Business Finance Outlook. EIF Working Paper 2017/43. June. 2017. URL: https://www.eif.org/news_centre/publications/eif_wp_43.pdf (дата обращения: 20.12.2020).
2. Cardon M. S., Stevens C. E., Potter D. R. Misfortunes or Mistakes? Cultural Sensemaking of Entrepreneurial Failure // Journal of Business Venturing. 2011. Vol. 26 (1). P. 79–92.
3. Cefis E., Marsili O. Born to Flip. Exit Decisions of Entrepreneurial Firms in High-Tech and Low-Tech Industries // Journal of Evolutionary Economics. 2011. Vol. 21(3). P. 473–498.
4. De Tienne D., McKelvie A., Chandler G. Making Sense of Entrepreneurial Exit Strategies: A Typology and Test // Journal of Business Venturing. 2015. Vol. 30 (2). P. 255–272.
5. Box M. The Death of Firms: Exploring the Effects of Environment and Birth Cohort on Firm Survival in Sweden // Small Business Economics. 2008. No. 31. P. 379–393.
6. Coad A. Death is Not a Success: Reflections on Business Exit // International Small Business Journal. 2014. Vol. 32 (7). P. 721–732.
7. Ucbasaran D., Shepherd D. A., Lockett A., Lyon S. J. Life after Business Failure: The Process and Consequences of Business Failure for Entrepreneurs // Journal of Management. 2012. Vol. 39 (1). P. 163–202.

REFERENCES

1. Kraemer-Eis H., Lang F., Torfs W., Gvetadze S. European Small Business Finance Outlook. EIF Working Paper 2017/43. June. 2017. URL: https://www.eif.org/news_centre/publications/eif_wp_43.pdf (accessed: 20.12.2020).
2. Cardon M. S., Stevens C. E., Potter D. R. Misfortunes or Mistakes? Cultural Sensemaking of Entrepreneurial Failure // Journal of Business Venturing. 2011. Vol. 26 (1). P. 79–92.
3. Cefis E., Marsili O. Born to flip. Exit Decisions of Entrepreneurial Firms in High-Tech and Low-Tech Industries // Journal of Evolutionary Economics. 2011. Vol. 21(3). P. 473–498.
4. De Tienne D., McKelvie A., Chandler G. Making Sense of Entrepreneurial Exit Strategies: A Typology and Test // Journal of Business Venturing. 2015. Vol. 30 (2). P. 255–272.
5. Box M. The Death of Firms: Exploring the Effects of Environment and Birth Cohort on Firm Survival in Sweden // Small Business Economics. 2008. No. 31. P. 379–393.
6. Coad A. Death is Not a Success: Reflections on Business Exit // International Small Business Journal. 2014. Vol. 32 (7). P. 721–732.
7. Ucbasaran D., Shepherd D. A., Lockett A., Lyon S. J. Life after Business Failure: The Process and Consequences of Business Failure for Entrepreneurs // Journal of Management. 2012. Vol. 39 (1). P. 163–202.

8. Wennberg K., De Tienne D. What Do We Really Mean When We Talk About 'Exit'? A Critical Review of Research on Entrepreneurial Exit // International Small Business Journal. 2014. Vol. 32 (1). P. 4–16.
9. Carlianne P., Stephens H., Weinstein A. Where are All the Self-Employed Women? Push and Pull Factors Influencing Female Labor Market Decisions // Small Business Economics. 2016. Vol. 46 (3). P. 365–390.
10. Chhabra M., Karmarkar Y. Gender Gap in Entrepreneurship – a Study of Small and Micro Enterprises // ZENITH International Journal of Multidisciplinary Research. 2016. Vol. 6 (8). P. 82–99.
11. Fairlie R. W., Robb A. M. Gender Differences in Business Performance: Evidence from the Characteristics of Business Owners Survey // Small Business Economics. 2009. Vol. 33. P. 375–395.
12. Global Entrepreneurship Monitor 2018/2019 Women's Entrepreneurship Report. Global Entrepreneurship Research Association (GERA). London Business School, London, United Kingdom. 2019. 108 p.
13. Pinkovetskaia I., Slepova V. Estimation of Fixed Capital Investment in SMEs: the Existing Differentiation in the Russian Federation // Business Systems Research. 2018. Vol. 9 (1). P. 65–78.
8. Wennberg K., De Tienne D. What Do We Really Mean When We Talk About 'Exit'? A Critical Review of Research on Entrepreneurial Exit // International Small Business Journal. 2014. Vol. 32 (1). P. 4–16.
9. Carlianne P., Stephens H., Weinstein A. Where are All the Self-Employed Women? Push and Pull Factors Influencing Female Labor Market Decisions // Small Business Economics. 2016. Vol. 46 (3). P. 365–390.
10. Chhabra M., Karmarkar Y. Gender Gap in Entrepreneurship – a Study of Small and Micro Enterprises // ZENITH International Journal of Multidisciplinary Research. 2016. Vol. 6 (8). P. 82–99.
11. Fairlie R. W., Robb A. M. Gender Differences in Business Performance: Evidence from the Characteristics of Business Owners Survey // Small Business Economics. 2009. Vol. 33. P. 375–395.
12. Global Entrepreneurship Monitor 2018/2019 Women's Entrepreneurship Report. Global Entrepreneurship Research Association (GERA). London Business School, London, United Kingdom. 2019. 108 p.
13. Pinkovetskaia I., Slepova V. Estimation of Fixed Capital Investment in SMEs: the Existing Differentiation in the Russian Federation // Business Systems Research. 2018. Vol. 9 (1). P. 65–78.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пиньковецкая Юлия Семеновна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия.

E-mail: judy54@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yuliya S. Pinkovetskaya – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Associate Professor, Department of Economic Analysis and State Management, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia.

E-mail: judy54@yandex.ru

УДК 339.9:622.3

DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-65-75

СТРАТЕГИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОРПОРАЦИЙ

Е. А. Степанов^{1✉}, Д. А. Плетнёв², В. Д. Фам³

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

³ Graduate Academy of Social Sciences, Ханой, Вьетнам

✉ E-mail: stepanovea@susu.ru

В современной экономической литературе на теоретическом уровне рассматривается целый ряд стратегий развития предприятий. Однако стратегия внешнеэкономической деятельности как самостоятельная форма стратегий не рассматривается вообще либо ей не уделяется достаточного внимания. Цель исследования – идентификация стратегий внешнеэкономической деятельности российских предприятий нефтегазовой отрасли, таких как «Газпром», «Лукойл», «Роснефть» и «Сургутнефтегаз», на основании их ежегодных отчетов и рейтингов российских аналитических агентств. Задачи исследования: разработка методики анализа результатов реализации стратегий внешнеэкономической деятельности, а также анализ результатов реализации стратегий внешнеэкономической деятельности указанных нефтегазовых корпораций. В итоге выявлены особенности стратегий внешнеэкономической деятельности предприятий нефтегазового сектора, показаны их траектории в системе координат «товарная позиция – страна».

Ключевые слова: стратегия предприятия, внешнеэкономическая деятельность, внешняя торговля, корпорация.

Для цитирования: Степанов Е. А., Плетнёв Д. А., Фам В. Д. Стратегии внешнеэкономической деятельности российских нефтегазовых корпораций // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 65–75. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-65-75.

STRATEGIES OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITIES IN RUSSIAN OIL AND GAS CORPORATIONS

E. A. Stepanov^{1✉}, D. A. Pletnev², V. D. Pham³

¹ South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

³ Graduate Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam

✉ E-mail: stepanovea@susu.ru

In modern economic literature, several strategies for the development of enterprises are examined at the theoretical level. However, the strategy of foreign economic activity, as an independent form of strategy, is not acknowledged at all, or not enough attention is paid to it. The purpose of the article is to identify strategies for the foreign economic activity of Russian oil and gas companies, such as Gazprom, Lukoil, Rosneft, and Surgutneftegaz, based on their annual reports and ratings of Russian analytical agencies. The objectives of the study are, firstly, the development of a methodology for analyzing the results of strategies for foreign economic activity, and secondly, the analysis of the implementation results of strategies for foreign economic activity of the mentioned oil and gas companies. As a result of the study, the features of the strategies of foreign economic activity of enterprises in the oil and gas sector were revealed. Their trajectories are shown in the “commodity item – country” coordinate system.

Keywords: enterprise strategy, foreign economic activity, international trade, corporation.

For citation: Stepanov E. A., Pletnev D. A., Pham V. D. Strategies Of Foreign Economic Activities In Russian Oil And Gas Corporations // Surgut State University Journal. 2021. No. 1. P. 65–75. DOI 10.34822/2312-3419-2021-65-75.

ВВЕДЕНИЕ

С макроэкономической точки зрения экспорт является стратегически важным фактором экономического роста любой страны, вовлеченной во внешнеэкономические отношения. Поэтому вопросы, связанные со стратегией развития экспорта, являются актуальными для любого государства [1]. Экспорт представляет собой стоимостное выражение всех продаж за границу экспортоориентированных предприятий национальной экономики. С точки зрения микроэкономики фирма, которая работает только на национальном рынке, рискует потерять его из-за более сильных национальных и иностранных конкурентов. Поэтому перед такой компанией стоит задача выхода на глобальные рынки в том случае, если она никогда не была вовлечена в международную торговлю. Если же экспорт ранее осуществлялся, возникает необходимость сохранения позиций в мировой экономике. Таким образом, исследование различных стратегий и выбор лучших сценариев являются значимыми для любой фирмы, которая собирается выйти на мировой рынок или которая уже представлена на нем.

Целью исследования является выявление особенностей внешнеэкономических стратегий предприятий нефтегазового сектора российской экономики.

Задачами исследования являются:

- обзор социально-экономической литературы о стратегиях развития предприятий;
- уточнение понятия «внешнеэкономическая стратегия предприятия» на основании базовых теоретических знаний о стратегиях предприятия;
- разработка гипотез исследования о стратегии внешнеэкономической деятельности;
- разработка методики оценки результатов реализации внешнеэкономической стратегии предприятий на основании ежегодных отчетов и рейтингов аналитических агентств;
- выявление и оценка результатов реализации стратегий внешнеэкономической деятельности предприятий нефтегазового сектора.

В исследовании проверяются две гипотезы.

Гипотеза 1. В долгосрочном периоде целью географического компонента внешнеэкономической стратегии российских корпораций является увеличение либо сохранение количества стран-партнеров.

Гипотеза 2. В долгосрочном периоде цель товарного компонента внешнеэкономической стратегии российских корпораций – увеличение номенклатуры выпускаемой продукции.

Теоретические подходы к стратегии развития предприятия можно разделить на теории стратегий развития предприятия и теории стратегий выхода предприятия на мировой рынок с целью получения прибыли от экспорта продукции.

Классики современного менеджмента Г. Минцберг, Дж. Лампель, Б. Ахлstrand [2] в своей теории выделяют «5П»¹: план, прием (уловка), принцип поведения, позиция и перспектива. Первая «П» – стратегия как план. Сущность этого подхода сводится к составлению четкого алгоритма последовательности действий для достижения определенной цели предприятия. Недостатком плана является то, что он разрабатывается заблаговременно, а внешняя и внутренняя среда могут изменяться в ходе его реализации. Вторая «П» означает прием (уловку), т. е. такой шаг предприятия, которого не ожидают его конкуренты (заявка на патенты, снижение цены, расширение ассортимента, угроза судебного иска и т. д.). Третья «П» означает разработку стратегии предприятия с точки зрения уже существующих и сложившихся моделей. Четвертая «П» подразумевает позиционирование предприятия в отрасли относительно конкурентов. Примеры такого позиционирования: «самый надежный», «самый дешевый», «многофункциональный», «обслуживание конкретной потребительской ниши», «широкая сеть обслуживания» и т. д. Пятая «П» – это стратегия как перспектива. Для того чтобы перспектива была эффективной, с ней должны быть согласны все члены предприятия. Она также должна поддерживаться действиями, которые на предприятии совершаются ежедневно. Таким образом, большая часть работы руководства высшего звена предприятия будет заключаться в убеждении сотрудников двигаться к одной и той же цели (перспективе).

Ранее в [3] Д. Плетнев, Е. Николаева и Е. Козлова указали на актуальность альтернативного подхода Г. Минцберга к анализу

¹ «П» – Альтернативный подход к разработке стратегии.

особенностей стратегий современных корпораций в условиях технологических трансформаций. Этот подход основан на выделении 11 типов стратегий, различных по степени свободы и по ориентации на те или иные аспекты деятельности предприятия.

В свою очередь, И. Гурков [4–5] под стратегией понимает систему действий и решений, которые направлены на достижение долгосрочных целей индивида или фирмы. Для исследования стратегического поведения организации он применяет рациональный и интуитивный подходы. Рациональный подход [6] базируется на логике и подробном экономическом анализе ситуации на рынке при максимальном учете различных вариантов развития событий, уровня экономических рисков и экономической отдачи, внешних эффектов. В этом случае стратегия считается успешной, если организация владеет большим объемом информации, чем конкуренты, и, следовательно, эффективнее трансформирует эту информацию. Поэтому внешняя среда такой организации считается частично познаваемой. В то же время сторонники рационального подхода [7] полагают, что эта точка зрения является ограниченной, так как невозможно построить точный прогноз для всех вариантов развития событий в будущем.

Интуитивный подход основывается на интуиции человека. При разработке стратегии предприятия особую ценность представляют воображение и непредсказуемость. Стратегические решения базируются на человеческих суждениях, а не на логике, как это было в рациональном подходе. Внешняя среда предполагается здесь как частично познаваемая и субъективная. По мнению И. Гуркова [4], осуществление стратегии выступает в форме алгоритма, который состоит из пяти этапов. На первом этапе ставятся стратегические задачи, причем как для предприятия в целом, так и для каждого из его отделов. По завершении данного этапа на всех уровнях управления достигается соглашение относительно приоритетов и важности этих задач. На втором этапе создаются стратегические алгоритмы, необходимые для реализации поставленных задач. По его завершении формируется финансовый план на долгосрочную перспективу, который включает в себя прогнозирование

расходов и доходов. На третьем этапе уточняется финансовый бюджет организации. Четвертым этапом выступает мониторинг. Его задачей является ответ на вопрос, соответствуют ли расходы и действия первоначальным задачам. Пятым этапом стратегического планирования выступает подбор и стимулирование кадров.

Оригинальный подход предлагает в своих работах Г. Клейнер [8–9]. Он классифицирует стратегию предприятия на тринадцать форм, соответствующих видам его деятельности. В этой классификации в рамках нашего исследования особую роль играет товарно-рыночная стратегия, которая подразделяется на товарную стратегию (номенклатура, ассортимент и выпуск товара) и рыночную (методы продвижения товаров на рынке и их продажи). В своем исследовании автор предлагает рассматривать не отдельную товарную позицию, а в целом всю номенклатуру предприятия. При анализе товарной стратегии выделяются три номенклатурных типа предприятия: монопродуктовый (МП-тип), доминантно-продуктовый (ДП-тип) и полипродуктовый (ПП-тип). К первому типу относятся предприятия, 90 % и более продаж которых приходится на одно изделие. Если же на одно изделие приходится не менее 70 % и не больше 89 % всех продаж, то такое предприятие относится к ДП-типу. Все остальные предприятия считаются полипродуктовыми. Товарная стратегия предприятия в этой ситуации сводится к воплощению в жизнь одного из следующих вариантов: сохранение номенклатурных линий на прежнем уровне, увеличение перечня номенклатурных линий, снижение перечня номенклатурных линий, исключение (включение) номенклатурной линии в производственную программу. Автор выделяет факторы, которые влияют на выбор товарной стратегии. Среди них спрос на товар и его устойчивость, эластичность спроса по цене, эластичность спроса по предложению, устойчивость поставок и ее эластичность по спросу и предложению, финансовое положение предприятия и т. д. Рыночная стратегия, по мнению Г. Клейнера [8], сводится к стратегии выбора структуры рынка сбыта, стратегии рыночной конкуренции, стратегии ценообразования.

Отдельного внимания заслуживает подход к оценке стратегий компаний, представленный в [10–11]. Авторы предлагают оценивать результаты реализации стратегии по двум показателям: темпу роста выручки и рентабельности продаж предприятия. Однако применительно к внешнеэкономической деятельности этот подход не может применяться прямо, так как в ней особую роль играет не только объем, но и диверсификация деятельности.

В вышеизложенных подходах не рассматривается стратегия развития внешнеэкономической деятельности предприятия, но если допустить, основываясь на теории Г. Клейнера [6], что рыночная стратегия предполагает увеличение количества стран мировой экономики, в которые предприятие поставляет свою продукцию, то данный подход можно применять и в отношении экспорто-ориентированных предприятий.

Исследованиями стратегий развития экспорта предприятия занимался целый ряд других отечественных экономистов [12–14]. Так, Л. Лугачева [12] и Ю. Кондратенко [14] рассматривали стратегии развития экспорта машиностроительных предприятий. Они указывают, что в период экономических преобразований подавляющая часть машиностроительных предприятий получила шанс на экспорт своих товаров, но воспользоваться им удалось не каждому.

В свою очередь, М. Холодова, М. Кабаненко, Л. Орехова, Л. Дуброва и З. Колычева [15] разработали теоретические и эмпирические подходы к анализу и оценке тенденций развития российского сельскохозяйственного производства в контексте реализации экспортно-ориентированной стратегии агропромышленных фирм. Они представили прогнозные параметры экспортного потенциала сельскохозяйственной продукции России. Разработаны и обоснованы три сценария прогнозирования производства основных продуктов питания на душу населения в Российской Федерации на период до 2025 г. (базовый, лучший и худший сценарии).

В то же время П. Карапидис, П. Чрисошоу и И. Карипидоу [16] на основании исследования 83 греческих фирм-экспортеров сельскохозяйственной продукции оценили влияние параметров производственно-сбытовой

цепи изготовления продукции на экспорт. Наиболее важными параметрами считаются качество сырья, расходы на закупки и цены производителей.

Несмотря на большое количество работ, посвященных как видам стратегий российских предприятий, так и стратегиям их внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), в них не выделено понятие стратегии ВЭД. В научных публикациях не были решены вопросы стратегирования ВЭД российских корпораций и выявления ее особенностей, не взирая на очевидную актуальность темы.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В ходе исследования используются математические, статистические методы, а также методы исследования стратегий предприятий, предложенные отечественными и зарубежными учеными. Основным методом является анализ фактических данных о количестве экспортируемых корпорацией товарных позиций и количестве стран, которые покупают продукцию у корпораций (эмпирическое исследование).

Статистической базой исследования являются данные по ведущим российским предприятиям-экспортерам аналитического центра «Эксперт» [17–19] за 2013–2018 гг.: количество стран-импортеров продукции предприятия и количество торгуемых товарных позиций на уровне первых четырех знаков товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза. Нами использованы годовые отчеты, размещенные на официальных сайтах четырех российских предприятий нефтегазовой отрасли («Газпром» [20], «Роснефть» [21], «Лукойл» [22] и «Сургутнефтегаз» [23]).

Методологической основой статьи являются работы Г. Клейнера [8] и И. Гуркова [4], адаптированные к анализу стратегий внешнеэкономической деятельности. Методологическим ограничением в работе являются предположения о том, что именно такие показатели, как «количество торгуемых товарных позиций» и «количество стран-партнеров», характеризуют стратегию внешнеэкономической деятельности. Несмотря на то, что анализ можно проводить и по большему количеству показателей (объем экспорта, доля инно-

вационных товаров, структура товарных позиций и т. д.), мы остановились только на двух, потому что они, по нашему мнению, наилучшим образом обобщают и характеризуют внешнеэкономическую стратегию предприятий нефтегазового сектора.

В рамках исследования выявляются траектории результатов реализации стратегий внешнеэкономической деятельности предприятий в системе координат «товарная позиция – страна». Ось X будет означать количество товарных экспортных позиций (G) предприятия, а ось Y – количество стран, в которые экспортируется продукция предприятия (C). Точка A (G, C) в данной системе

координат будет означать результат реализации стратегии внешнеэкономической деятельности предприятия за год. Изменение положения точки в системе мы будем считать изменением результата реализации внешнеэкономической стратегии предприятия.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Рассмотрим результаты реализации стратегий внешнеэкономической деятельности ведущих нефтегазовых предприятий, входящих в ТОП-200 ведущих экспортеров России по версии журнала «Эксперт», за период 2013–2018 гг. Их динамика представлена на рисунке.

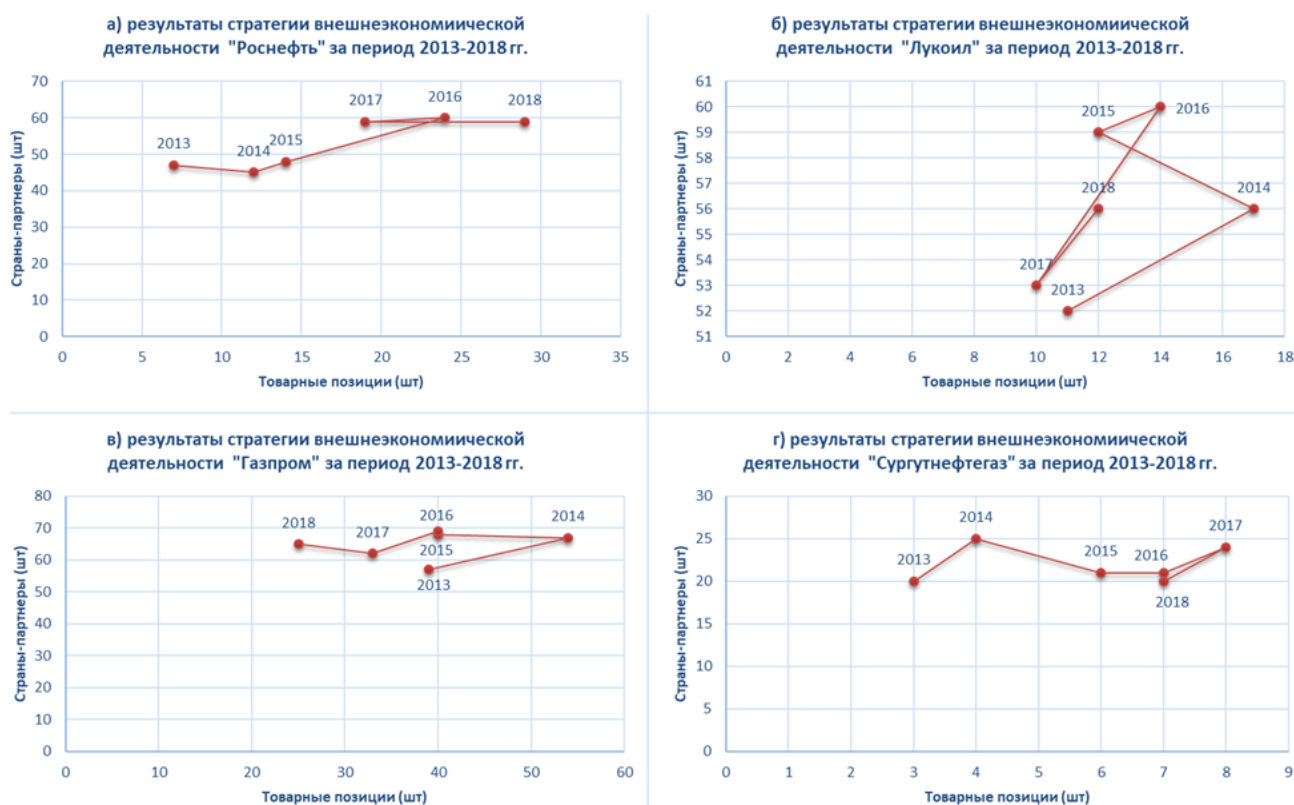

Рис. Результаты реализации стратегий внешнеэкономической деятельности предприятий нефтегазовой отрасли за период 2013–2018 гг.

Примечание: рассчитано на основании данных аналитического центра «Эксперт» [17–19].

Видно, что общей тенденцией для предприятий нефтегазового сектора является рост количества стран-партнеров, покупающих российскую нефть. Практически все предприятия (кроме «Газпрома») показали рост номенклатуры экспортируемой продукции за исследуемый период.

Очевидно, что стратегия внешнеэкономической деятельности каждого предприятия

определяется его товарно-рыночной, ресурсно-рыночной, технологической, интеграционной и финансово-инвестиционной стратегиями. Поэтому рассмотрим каждую из этих стратегий применительно к анализируемым предприятиям и далее представим их в таблице.

Товарно-рыночная стратегия предприятия «Газпром» заключается в увеличении новых рынков сбыта продукции газового и нефтяно-

го бизнеса, а также электроэнергии. Товарная часть стратегии заключается в увеличении ассортимента продукции нефте- и газопереработки. С точки зрения ресурсно-рыночной стратегии целью является компенсирование добычи нефти и газа запасами промышленных категорий, а также освоение сырьевой базы на перспективных территориях. Действительно, с 2005 г. объем запасов природного газа опережает объем его добычи. «Газпром» имеет самые большие запасы природного газа в мировой экономике. В настоящее время предприятие владеет 11 крупнейшими месторождениями по запасам природного газа и 11 крупнейшими месторождениями по запасам нефти. Рыночная компонента ресурсной стратегии заключается в открытии новых нефтегазовых месторождений не только в России, но и в странах СНГ, Европы, Юго-Восточной Азии, Африки, Ближнего Востока и Южной Америки. Технологическая стратегия предприятия заключается в постоянном поиске, разработке и внедрении новых технологий по разведке, добыче, переработке нефти и газа. К направлениям технологического развития относятся: внедрение лучевого моделирования; использование природосберегающих технологий; внедрение геохимии для оценки запасов углеводородов; увеличение количества высокотехнологичных скважин; повышение нефтеотдачи и притока нефти; внедрение технологии разработки нетрадиционных запасов нефти (Баженовская свита); цифровая трансформация, заключающаяся в развитии цифровых проектов в сфере нефтегазовой разведки и добычи. Интеграционная стратегия предприятия заключается в интеграции «вперед», т. е. ускоренном освоении обрабатывающего сектора и доставке продукции конечным потребителям. «Газпром» добился наилучших результатов с точки зрения интеграционной стратегии. Во-первых, ему удалось сформировать прибыльный газовый сектор за счет операций на внутреннем рынке. Во-вторых, предприятие интенсивно «прямо» интегрируется посредством приобретения нефтеперерабатывающих и электроэнергетических активов. В-третьих, оно интенсивно развивает сеть автозаправочных станций по продаже авиационного и автомобильного топлива. Финансово-

инвестиционная стратегия предприятия заключается в формировании консервативного бюджета, способного справиться с рисками на финансовых рынках. Также в этом бюджете учитываются риски несанкционированного отбора газа и неполучения оплаты за осуществленные поставки.

Товарно-рыночная стратегия предприятия «Лукойл» изначально была основана на глобальной идее становления ведущей транснациональной корпорации мировой экономики. Целью стратегии является увеличение новых рынков сбыта своей продукции в странах мира, а также производство не только нефти и газа, но и продуктов нефтепереработки. Ресурсно-рыночная стратегия заключалась в разработке новых месторождений не только в России (в Ямало-Ненецком автономном округе), но и в Узбекистане, Азербайджане и Ираке. Технологическая стратегия нацелена на разработку технологий, позволяющих увеличить коэффициент извлечения нефти, оставшийся низким с советского периода и составляющий 28 %. В настоящее время предприятие развивает современные технологии по разработке недр с густой нефтью и низкопропускными коллекторами. На нефтеперерабатывающих предприятиях основной акцент делается на углублении переработки с повышением добычи светлых нефтепродуктов и обновлением мощностей. «Лукойл» регулярно проводит испытания и применяет современные технологии для исполнения стратегической задачи по воспроизводству нефтяных запасов. Для роста эффективности производства за счет снижения затрат и повышения производительности труда на предприятии разработана программа опытных и промышленных работ. Интеграционная стратегия предприятия заключается также в интеграции «вперед», т. е. ускоренном освоении не только добывающего, но и перерабатывающего сектора посредством строительства новых нефтеперерабатывающих заводов как в России, так и за рубежом. Финансово-инвестиционная стратегия предприятия нацелена на увеличение финансовых показателей, рост доходности, обеспечение устойчивого роста свободного денежного потока даже в условиях отсутствия роста цен на нефть и возможного увеличения налоговой нагрузки на бизнес.

Товарно-рыночная стратегия предприятия «Роснефть» основана на географической диверсификации сбытовых каналов (авиатопливо, судовое топливо, смазочные материалы), а также на изменении продуктовой корзины в соответствии с рыночными трендами (изготовление новых марок продукции: битума, смазочных материалов и т. д.). Ресурсно-рыночная стратегия заключается в геологоразведке и добыче углеводородов как на территории РФ (на шельфе и суше Дальнего Востока, в Западной и Восточной Сибири, Тимано-Печере, Центральной России), так и за границей (в Бразилии, Норвегии, Венесуэле, Ираке, Мьянме и Канаде). Технологическая стратегия заключается в создании высокотехнологического бизнеса нового формата по сервису нефтепродуктов, который позволит обеспечить стратегические задачи предприятия и лучшую в нефтяном секторе экономическую эффективность на основе собственной буровой «РН-Бурение» с возможным привлечением партнеров, а также аккумулярованием инновационных решений по всему спектру основных направлений будущего роста. Акцент делается на совершенствовании технологического потенциала нефтяного сектора на базе сильной российской нефтегазовой школы в сотрудничестве с лидирующими нефтяными компаниями в мировой экономике. Интеграционная стратегия предприятия нацелена «вверх» посредством создания собственных автозаправочных станций (далее – АЗС), заводов нефтепереработки как в России, так и Германии, Белоруссии и Украине. 48 сбытовых каналов находятся на территории РФ, Белоруссии, Монголии, Киргизии, Армении, Грузии и Абхазии. Финансово-инвестиционная стратегия направлена на выполнение следующих приоритетных задач предприятия: поддержание добычи на зрелых месторождениях, рост добычи нефти и газа на новых месторождениях, геологоразведка на суше и континентальном шельфе, развитие внутреннего сервиса, разработка залежей газа с глубиной залегания 3600–3900 м, нефтепереработка и нефтехимия, приобретение и реализация ак-

тивов других предприятий. Предприятие ставит своей целью устойчивую аккумуляцию положительного денежного потока, логичное снижение финансовых обязательств и выплату дивидендов в соответствии с лучшими практиками в нефтяном секторе.

Товарно-рыночная стратегия предприятия «Сургутнефтегаз» заключается в увеличении видов продуктов нефтепереработки с высокими экологическими и эксплуатационными свойствами, диверсификации поставок продукции на новые рынки, увеличении продаж высокомаржинальных продуктов, привлечении и удержании потребителей за счет предоставления качественной продукции. Ресурсно-рыночная стратегия предприятия выражается в усилении и развитии минерально-сырьевой базы за счет проведения геологоразведочных работ, а также покупки новых территорий, добыче попутного газа. Технологическая стратегия заключается в расширении области внедрения современной техники и современных технологий, повышающих эффективность геологоразведочных работ и разработки нефтегазовых месторождений; внедрении энергосберегающих и энергоэффективных решений. Интеграционная стратегия предприятия выражена в движении «вверх» посредством создания собственных АЗС и расширения сопутствующего сервиса, создания собственных тепловых и электрических станций. Финансово-инвестиционная стратегия предприятия «Сургутнефтегаз» заключается в сохранении и поддержании на необходимом уровне всех видов финансовых ресурсов за счет программы снижения затрат, развития собственного рынка ценных бумаг, увеличения рентабельности продукции. Система финансового планирования заключается в детальном графике будущих платежей и денежных потоков, позволяющих своевременно рассчитываться по своим обязательствам. Инвестиционная деятельность предприятия заключается во вложении собственных средств в разведку и разработку новых нефтегазовых месторождений в Западной и Восточной Сибири, Тимано-Печоре.

Таблица

Сравнительный анализ стратегий предприятий нефтегазовой отрасли

№	Название предприятия	Виды стратегий и их цели				
		Товарно-рыночная	Ресурсно-рыночная	Технологическая	Интеграционная	Финансово-инвестиционная
1	«Роснефть»	Географическая диверсификация сбытовых каналов и изменение продуктовой корзины в соответствии с рыночными трендами	Рост разведки и добычи углеводородов как на Российской территории, так и в Бразилии, Норвегии, Венесуэле, Ираке, Мьянме и Канаде	Повышение эффективности управления на основе базы данных и цифровых двойников имущества предприятия, разработка технологий в сфере искусственного интеллекта, робототехники, промышленного интернета, беспилотных аппаратов	Интеграция «вперед»: создание собственных АЗС, заводов нефтепереработки как в России, так и в Германии, Белоруссии и Украине; создание собственных тепловых и электрических станций	Устойчивая аккумуляция положительного денежного потока, логичное снижение финансовых обязательств и выплата дивидендов в соответствии с лучшими практиками в нефтяном секторе
2	«Газпром»	Увеличение новых рынков сбыта своей продукции и диверсификация видов деятельности	Открытие новых нефтегазовых месторождений в России и за рубежом	Развитие природосберегающих технологий, цифровых проектов нефтегазовой разведки и добычи	Интеграция «вперед»: развитие сбытового бизнеса и производства продуктов нефтепереработки; создание собственных тепловых и электрических станций	Рост свободного денежного потока, рост рыночной стоимости предприятия
3	«Лукойл»	Увеличение новых рынков сбыта и диверсификация продуктов нефтепереработки	Разработка новых месторождений в России, Азербайджане, Ираке и Узбекистане	Повышение коэффициента извлечения нефти, развитие цифровых технологий по следующим направлениям: «Цифровой двойник», «Цифровой персонал», «Роботизация рутинных процессов» и «Цифровая экосистема»	Интеграция «вперед»: развитие сбытового бизнеса и строительство новых нефтеперерабатывающих заводов, создание собственных тепловых и электрических станций	Рост свободного денежного потока, рост доходности акций
4	«Сургутнефтегаз»	Увеличение видов продуктов нефтепереработки с высокими экологическими и эксплуатационными свойствами, диверсификация поставок продукции на новые рынки	Разработка новых месторождений только в России	Повышение эффективности геолого-разведочных работ и разработка нефтегазовых месторождений, цифровизация месторождений и скважин и других производственных процессов	Интеграция «вперед»: создание собственных АЗС, расширение сопутствующего сервиса, создание собственных тепловых и электрических станций	Рост свободного денежного потока, рост доходности акций

Примечание: составлено на основании данных, размещенных на официальных сайтах нефтегазовых предприятий [19–23].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенного материала можно сделать следующие выводы.

Стратегия внешнеэкономической деятельности корпорации – это план развития ее внешнеэкономической деятельности, состоя-

щий из товарно-рыночной, ресурсно-рыночной, технологической, интеграционной и финансово-инвестиционной стратегий, направленный на рост экспорта, а также импорта необходимой для ее функционирования продукции.

Стратегии внешнеэкономической деятельности российских предприятий нефтегазовой отрасли в долгосрочном аспекте имеют плановый характер. В краткосрочных аспектах стратегии могут быть интуитивными.

Внешнеэкономический аспект товарно-рыночной стратегии у предприятий нефтегазового сектора заключается в увеличении новых рынков сбыта (страны мировой экономики) и изменении продуктовой корзины в соответствии с рыночными трендами, т. е. с потребностями иностранных покупателей. К продуктовой корзине относятся сырая нефть, природный газ, сжиженный природный газ, а также продукты нефте- и газопереработки. Внешнеэкономическая составляющая ресурсно-рыночной и финансово-инвестиционной стратегий выражается во вложении инвестиций в геологоразведку и разработку новых нефтегазовых месторождений в странах СНГ, Европы, Юго-Восточной Азии, Африки, Ближнего Востока и Южной Америки. Внешнеэкономическая составляющая интеграционной и финансово-инвестиционной стратегий нефтегазовых предприятий заключается в интеграции «вперед», выражающейся в создании собственных АЗС, строительстве и покупке заводов нефте- и газопереработки, тепловых и электрических станций в странах мировой экономики. С точки зрения технологической стратегии целью внешнеэкономической деятельности является импорт современных цифровых технологий, робототехники, беспилотных летательных аппаратов для повышения эффективности целого ряда бизнес-процессов в нефтегазовой сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Е. А., Тран Т. Ф., Нгуен Ч. Т., Килина И. П., Николаева Е. В., Несытых К. Ю. Структурные особенности внешней торговли России и Вьетнама // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Экономические науки. 2020. № 11 (445). Вып. 71. С. 68–78.
2. Mintzberg G., Lampel J., Ahlstrand B. Strategy Safari: A Guided Tour Through The Wilds of Strategic Management. Free Press. A Division of Simon & Schuler, NY, 1998. 208 p.
3. Плетьов Д. А., Николаева Е. В., Козлова Е. В. Типология официальных стратегий крупных российских корпораций // Устойчивое развитие цифровой экономики и кластерных структур: теория и практика : моногр. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2020. С. 300–321. DOI 10.18720/IEP/2020.8/12.

Рост числа стран-партнеров корпораций «Роснефть», «Лукойл» и «Газпром», а также сохранение на прежнем уровне количества стран-партнеров корпорации «Лукойл» с 2013 по 2018 г. подтверждает первую гипотезу о стратегии внешнеэкономической деятельности.

Рост количества номенклатурных групп (товарных позиций) с 2013 по 2018 г. произошёл у корпораций «Роснефть» и «Сургутнефтегаз», в то время как у корпораций «Газпром» и «Лукойл» наблюдалось снижение количества экспортируемых товарных позиций, что говорит о том, что вторая гипотеза срабатывает не для всех корпораций.

Это порождает необходимость более детального исследования экспорта нефтегазовых корпораций не только на уровне товарных позиций (номенклатуры), но и субпозиций (ассортимента). Несмотря на снижение номенклатуры экспорта, возможен рост его ассортимента в рамках сохранившихся товарных групп.

Рекомендацией может послужить выделение стратегии внешнеэкономической деятельности в качестве особой формы стратегии как в научных изданиях, так и в стратегиях развития российских корпораций, опубликованных на их официальных сайтах и в годовых отчетах.

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 20-510-92006.

REFERENCES

1. Stepanov E. A., Tran T. F., Nguen Ch. T., Kilina I. P., Nikolaeva E. V., Nesytykh K. Yu. Strukturnye osobennosti vneshnei trgovli Rossii i Vetnama // Vestn. Cheliab. gos. un-ta. Ekonomicheskie nauki. 2020. No. 11 (445). Iss. 71. P. 68–78. (In Russian).
2. Mintzberg G., Lampel J., Ahlstrand B. Strategy Safari: A Guided Tour Through The Wilds of Strategic Management. Free Press. A Division of Simon & Schuler, NY, 1998. 208 p.
3. Pletnev D. A., Nikolaeva E. V., Kozlova E. V. Tipologiya ofitsialnykh strategii krupnykh rossiiskikh korporatsii // Ustoichivoe razvitie tsifrovoy ekonomiki i klasternykh struktur: teoriia i praktika : Monograph. Saint Petersburg : POLITEKh-PRESS, 2020. P. 300–321. DOI 10.18720/IEP/2020.8/12. (In Russian).

4. Гурков И. Б. Интегрированная метрика стратегического процесса – попытка теоретического синтеза и эмпирической апробации // Рос. журнал менеджмента. 2007. № 5 (2). С. 3–28.
5. Гурков И. Б. Стратегический процесс российских компаний // Экон. наука совр. России, 2009. № 2 (45). С. 76–91.
6. Andrews K. The Concept of Corporate Strategy. Irwin: Homewood, 1997. P. 30–42.
7. Simon H. A. Models of the Man. NewYork: JohnWiley, 1957. P. 18–41.
8. Клейнер Г. Б. Стратегия предприятия. М. : Дело, 2008. 567 с.
9. Клейнер Г. Б. Сущность и структура стратегии предприятия // Совр. конкуренция. 2008. № 6 (12). С. 114–130.
10. Плетнёв Д. А., Фам В. Д., Наумова К. А. Траектории успеха российских быстрорастущих компаний в транспортной отрасли // Стратегическое планирование и развитие предприятий : сб. докл. участников секционных заседаний XXI Всерос. симпозиума. М. : ЦЭМИ РАН, 2020. С.132–134. DOI 10.34706/978-5-8211-0783-1-s1-37.
11. Наумова К. А. Быстрорастущие компании в промышленности как драйвер экономического роста России // Науч. тр. Вольного экон. общества России. 2020. Т. 224, № 4. С. 464–480.
12. Лугачева Л. И. Внешнеэкономические стратегии машиностроительных предприятий Новосибирской области // Вестн. НГУ. Сер. Социально-экономические науки. 2008. Т. 8, Вып. 1. С. 88–102.
13. Анисимов П. Международная стратегия развития внешнеэкономической деятельности российских предприятий // Риск: ресурсы, информация, снабжения, конкуренция. 2014. № 3. С. 42–46.
14. Кондратенко Ю. Н. Пути развития внешнеэкономической деятельности машиностроительных предприятий // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Экономика. 2009. № 19. Вып. 21. С. 117–120.
15. Kholodova M., Kabanenko M., Orekhova L., Kolycheva Z. Prospects for Development of Russian Agricultural Industry in the Context of Export-Oriented Strategy Implementation in the Agro-Industrial Complex // XIII International Scientific and Practical Conference “State and Prospects for the Development of Agribusiness – INTERAGROMASH 2020”. 2020. 11 p.
16. Karipidis P., Chrysochou P., Karypidou I. The Importance of Relationship Characteristics in the Export Performance of Food Firms // British Food Journal. Vol. 122, No. 4. P. 1305–1320.
17. 200 крупнейших российских компаний-экспортеров по итогам 2018 года. 2018. URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/200-krupneyshih-rossiyskih-kompaniy-eksporterov-po.html> (дата обращения: 10.01.2021).
18. Российский экспорт 200. Итоги 2016 года. 2016. URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/reiting-exporterov-rossii-2016.html> (дата обращения: 11.01.2021).
4. Gurkov I. B. Integrirrovannai metrika strategicheskogo protsessa – popytka teoreticheskogo sinteza i empiricheskoi aprobatcii // Ros. zhurnal menedzhmenta. 2007. No. 5 (2). P. 3–28. (In Russian).
5. Gurkov I. B. Strategicheskii protsess rossiiskikh kompanii // Ekon. nauka sovr. Rossii, 2009. No. 2 (45). P. 76–91. (In Russian).
6. Andrews K. The Concept of Corporate Strategy. Irwin: Homewood, 1997. P. 30–42.
7. Simon H. A. Models of the Man. NewYork: JohnWiley, 1957. P. 18–41.
8. Kleiner G. B. Strategiiia predpriatiya. Moscow : Delo, 2008. 567 p. (In Russian).
9. Kleiner G. B. Sushchnost i struktura strategii predpriatiia // Sovr. konkurentsia. 2008. No. 6 (12). P. 114–130. (In Russian).
10. Pletnev D. A., Pham V. D., Naumova K. A. Traektorii uspekha rossiiskikh bystrorastushchikh kompanii v transportnoi otrasli // Strategicheskoe planirovanie i razvitie predpriatii : sb. dokl. uchastnikov sektsionnykh zasedanii XXI Vseros. simpoziuma. Moscow : TsEMI RAN, 2020. P.132–134. DOI 10.34706/978-5-8211-0783-1-s1-37. (In Russian).
11. Naumova K. A. Bystorastushchie kompanii v promyshlennosti kak draiver ekonomicheskogo rosta Rossii // Nauch. tr. Volnogo ekon. obshchestva Rossii. 2020. Vol. 224, No. 4. P. 464–480. (In Russian).
12. Lugacheva L. I. Vneshneekonomicheskie strategii mashinostroitelnykh predpriatii Novosibirskoi oblasti // Vestn. NGU. Ser. Sotsialno-ekonomicheskie nauki. 2008. Vol. 8, Iss. 1. P. 88–102. (In Russian).
13. Anisimov P. Mezhdunarodnaia strategiiia razvitiia vneshneekonomicheskoi deiatelnosti rossiiskikh predpriatii // Risk: resursy, informatsiia, snabzheniia, konkurentsia. 2014. No. 3. P. 42–46. (In Russian).
14. Kondratenko Yu. N. Puti razvitiia vneshneekonomicheskoi deiatelnosti mashinostroitelnykh predpriatii // Vestn. Cheliab. gos. un-ta. Ekonomika. 2009. No. 19. Iss. 21. P. 117–120. (In Russian).
15. Kholodova M., Kabanenko M., Orekhova L., Kolycheva Z. Prospects for Development of Russian Agricultural Industry in the Context of Export-Oriented Strategy Implementation in the Agro-Industrial Complex // XIII International Scientific and Practical Conference “State and Prospects for the Development of Agribusiness – INTERAGROMASH 2020”. 2020. 11 p.
16. Karipidis P., Chrysochou P., Karypidou I. The Importance of Relationship Characteristics in the Export Performance of Food Firms // British Food Journal. Vol. 122, No. 4. P. 1305–1320.
17. 200 krupneishikh rossiiskikh kompanii-eksporterov po itogam 2018 goda. 2018. URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/200-krupneyshih-rossiyskih-kompaniy-eksporterov-po.html> (accessed: 10.01.2021). (In Russian).
18. Rossiiskii eksport 200. Itogi 2016 goda. 2016. URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/reiting-exporterov-rossii-2016.html> (accessed: 11.01.2021). (In Russian).

19. 200 крупнейших экспортеров России по итогам 2014 года. URL: <https://expert.ru/ratings/eksporteryi/> (дата обращения: 12.01.2021).
20. Стратегия ПАО «Газпром». URL: <https://www.gazprom.ru/about/strategy/> (дата обращения: 13.01.2021).
21. Новая стратегия «Роснефть-2022». URL: <https://www.rosneft.ru/docs/report/2017/ru/strategy.html/> (дата обращения: 14.01.2021).
22. О Компании «Лукойл». URL: <https://lukoil.ru/Company/BusinessOperation> (дата обращения: 15.01.2021).
23. Деятельность ПАО «Сургутнефтегаз». URL: <https://www.surgutneftegas.ru/activities/> (дата обращения: 16.01.2021).
19. 200 krupneishikh eksporterov Rossii po itogam 2014 goda. URL: <https://expert.ru/ratings/eksporteryi/> (accessed: 12.01.2021). (In Russian).
20. Strategiya PAO "Gazprom". URL: <https://www.gazprom.ru/about/strategy/> (accessed: 13.01.2021). (In Russian).
21. Novaya strategiia "Rosneft-2022". URL: <https://www.rosneft.ru/docs/report/2017/ru/strategy.html/> (accessed: 14.01.2021). (In Russian).
22. O Kompanii "Lukoil". URL: <https://lukoil.ru/Company/BusinessOperation> (accessed: 15.01.2021). (In Russian).
23. Deiatelnost PAO "Surgutneftegaz". URL: <https://www.surgutneftegas.ru/activities/> (accessed: 16.01.2021). (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Степанов Евгений Александрович – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела, Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия.
E-mail: stepanovea@susu.ru

Плетнёв Дмитрий Александрович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
E-mail: pletnev@csu.ru

Фам Ван Дук – доктор наук, профессор, вице-президент Вьетнамской академии социальных наук (VASS), директор Высшей академии социальных наук (GASS), Ханой, Вьетнам.
E-mail: ducphilosophy@yahoo.com

ABOUT THE AUTHORS

Evgeniy A. Stepanov – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Head, Department of Customs Affairs, South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia.
E-mail: stepanovea@susu.ru

Dmitri A. Pletnev – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Associate Professor, Economics of Industry and Markets Department, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: pletnev@csu.ru

Pham Van Duc – PhD, Professor, Vice-President, Vietnam Academy of Social Sciences (VASS), President, Graduate Academy of Social Sciences (GASS), Hanoi, Vietnam.
E-mail: ducphilosophy@yahoo.com

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 342.727+347.157.1
DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-76-83

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ОБЛАСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Л. А. Букалерева¹, В. Ф. Лапшин^{2✉}, А. В. Остроушко³

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

² Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия

³ Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

✉ E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Непрерывное изменение общественных отношений, обусловленное цифровой трансформацией общества, помимо прогресса, несет потенциальную опасность гармоничному развитию несовершеннолетних. Цифровизация современного общества, переход несовершеннолетних на общение и обучение с использованием возможностей информационно-телекоммуникационных сетей требуют эффективного контроля для минимизации рисков наступления негативных последствий.

В этой связи представлен криминологический анализ нормативно-правового регулирования компонентов современной цифровой среды: социальных сетей, мессенджеров и иных средств мгновенной электронной коммуникации. Целью работы является уяснение степени полноты и качества нормативной базы, обеспечивающей регулирование использования цифровых ресурсов и охрану несовершеннолетних от их негативного воздействия. Для достижения этой цели предложен авторский риск-ориентированный подход, применяемый для выявления и профилактики потенциальных угроз, возникающих в связи с неконтролируемым созданием и распространением информации с помощью средств современной цифровой среды.

В результате применения диалектического, формально-логического, сравнительно-правового и иных методов исследования, используемых в криминологии, выявлены пробелы в нормативно-правовом регулировании распространения через цифровые средства коммуникации информации, которая может создать угрозу для нормального развития несовершеннолетних. Обоснована необходимость разработки изменений и дополнений в действующее российское законодательство на основе предложенного авторами риск-ориентированного подхода с целью обеспечения безопасности современной цифровой среды для несовершеннолетних пользователей.

Ключевые слова: информационная война, информационная безопасность несовершеннолетних, цифровая среда, криминологический анализ, социальные сети, мессенджеры, риск-ориентированный подход, национальная безопасность.

Для цитирования: Букалерева Л. А., Лапшин В. Ф., Остроушко А. В. Риск-ориентированный подход в области правового регулирования обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 76–83. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-76-83.

RISK-BASED APPROACH IN LEGAL REGULATION OF INFORMATION SECURITY SUPPORT FOR MINORS

L. A. Bukalereva¹, V. F. Lapshin^{2✉}, A. V. Ostroushko³

¹ Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

² Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia

³ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

✉ E-mail: kapitan-44@yandex.ru

The continuous change in social relations due to the digital transformation of society, in addition to progress, carries a potential danger to the harmonious development of minors. The digitalization of modern

society, the transition of minors to communication and learning using the capabilities of information and telecommunication networks requires effective control to minimize the risks of negative consequences.

In this regard, a criminological analysis of the legal regulation of the components of the modern digital environment is presented: social networks, instant messengers, and other means of instant electronic communication. The work aims to explain the degree of completeness and quality of the regulatory framework that ensures the regulation of relations with the use of digital resources and the protection of minors from their negative impact. To achieve this goal, the author's risk-based approach is proposed, which is used in the field of identifying and preventing potential threats from uncontrolled creation and dissemination of information using the means of the modern digital environment.

As a result of the use of dialectical, formal-logical, comparative-legal, and other research methods used in criminology, gaps in the legal regulation of the dissemination of information through digital means of communication have been identified, which can pose a threat to the normal development of minors. The need to develop amendments and additions to the current Russian legislation is substantiated based on the risk-based approach proposed by the authors to ensure the security of the modern digital environment for minors.

Keywords: information war, information security of minors, digital environment, criminological analysis, social networks, messengers, risk-based approach, national security.

For citation: Bukalerova L. A., Lapshin V. F., Ostroushko A. V. Risk-Based Approach in Legal Regulation of Information Security Support for Minors // Surgut State University Journal. 2021. No. 1. P. 76–83. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-76-83.

ВВЕДЕНИЕ

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации обращается внимание на постоянное наращивание негативного информационного воздействия на население России. Безнаказанное распространение заведомо недостоверной информации, равно как и существенное искажение действительно имевших место событий с целью дискредитации органов государственной власти; навязывание идей обесценивания комплекса общественных отношений, формирующих основы национальной безопасности, крайне негативно отражаются на социально-психологическом климате в обществе. Отдельные исследователи оценивают ситуацию, сложившуюся в медиапространстве современной России, как информационную войну [1, с. 31–33], последствиями которой являются потеря информационного суверенитета личности, деградация общества, умаление или утрата государственного суверенитета.

Основным оружием информационной войны являются средства трансляции информации, разрушительная сила которых прямо пропорциональна скорости передачи сведений и численности целевой аудитории. В отличие от «классической» агрессивной войны, которая предполагает проведение активных боевых действий, физическое уничтожение представителей вооруженных сил противника, оккупацию территорий и т. п., информационная война может быть незаметна для по-

давляющего числа обывателей. Она всегда продолжительна по времени, поскольку основной ее целью является устойчивое формирование искаженного представления о легитимной государственной власти и действительных общественных ценностях. Поэтому основной «мишенью» в данной войне является сознание детей и молодежи, т. е. людей, которые в обозримом будущем будут составлять наиболее активную часть общества в политическом и экономическом аспектах или уже являются ее представителями. Их социально-политическая дезориентация в конечном счете обеспечит наступление всех перечисленных выше негативных последствий без какого-либо внешнего военно-агрессивного вмешательства. Исходя из этого, любая информационная война способна причинить колоссальный вред интересам общества и государства, а потому небезосновательно рассматривается в качестве угрозы национальной безопасности [2, с. 309; 3, с. 44].

Действующим российским законодательством в достаточной мере регламентированы общественные отношения в сфере деятельности официальных средств массовой информации, а также закреплены различные виды юридической ответственности (вплоть до уголовной) за клевету, оскорбление и иное умышленное распространение заведомо ложных сведений, в т. ч. относительно представителей власти. Однако современная

цифровая среда включает в себя значительное количество средств мгновенной передачи информации (социальные сети, мессенджеры и др.), которые в действительности уже являются полноценными альтернативными средствами массовой информации и коммуникации. Именно они в настоящее время рассматриваются в качестве одного из главных средств ведения информационных войн против государственной власти [4, с. 91]. К сожалению, до настоящего времени сфера цифрового информационного пространства и безопасности не получила необходимого нормативно-правового обеспечения. По этой причине пользователи указанных средств мгновенной передачи информации, в большинстве своем представленные лицами, относящимися к социальным группам несовершеннолетних и молодежи, не обеспечиваются должной защитой от негативного информационного воздействия.

Также следует учитывать, что в настоящее время цифровая среда является основой для социального формирования и развития современного юношества. Именно благодаря интернет-ресурсам дети и подростки получают ответы на многие возникающие у них вопросы и, как следствие, выстраивают модели своего поведения, получив соответствующие установки в материалах информационно-телекоммуникационных сетей. Учитывая данные обстоятельства, проблема криминологической оценки современной цифровой социальной среды и восполнения пробелов в нормативно-правовом регулировании в области информационной безопасности несовершеннолетних обладает высокой актуальностью для российского общества и государства.

Цель исследования – анализ степени полноты и качества нормативной базы, обеспечивающей регулирование отношений в сфере использования цифровых ресурсов, а также охрану несовершеннолетних от их негативного воздействия.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Материалы исследования представлены нормативными актами российской системы права, регулирующими и охраняющими общественные отношения в сфере создания и распространения информации в современной цифровой среде, информационной безопасно-

сти несовершеннолетних [5–6]. Также были использованы современные работы отдельных исследователей в области охраны информационной безопасности личности и общества [1–4; 7–13]. Кроме того, проведено анкетирование по вопросам обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних пользователей в современной цифровой среде.

В процессе работы применялся диалектический метод научного познания, а также формально-логический метод исследования. При изучении нормативных актов использовались сравнительно-правовой метод и метод контент-анализа. При получении и оценке эмпирических данных были применены методы анкетирования, анализа и синтеза.

Использование совокупности всех перечисленных методов, применяемых в гуманитарных исследованиях, позволило получить результаты высокой степени достоверности и сделать выводы, обладающие высокой степенью научной обоснованности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Российские и зарубежные исследователи, рассматривая опыт общения детей и молодежи в сети Интернет, а также вопросы риска и интернет-безопасности, пришли к выводу, что несовершеннолетние сталкиваются с перечисленными выше рисками главным образом в социальных сетях. Как отмечают В. А. Кузнецов и Е. В. Кузнецова [7], современная структура сети Интернет с ее общедоступностью, открытостью, востребованностью, децентрализованностью и анонимностью рождает у пользователей ощущение неуязвимости, что позволяет распространять вредоносную информацию, негативно влияющую на формирование социальных представлений и поведенческих установок, которым, в первую очередь, подвержены представители юношества и молодежи.

Высокий криминогенный потенциал социальных сетей и иных средств передачи информации в сфере современной цифровой среды многократно подтверждался как криминологическими исследованиями [8], так и следственно-судебной практикой [14]. Негативная содержательно искаженная информация (фейк) передается в достаточно простой для понимания форме: различные публикации, видеоролики, интервью с «экспертом»

или «представителем прогрессивной части общества» и др. Длительность подобного информационного воздействия на целевую аудиторию постепенно формирует отрицательные социальные установки, сопровождающиеся выстраиванием модели деструктивного поведения: от пассивного недовольства до открытых агрессивных выступлений против представителей государственной власти. Именно перечисленные контентные информационные угрозы являются наиболее опасными и в то же время наименее уязвимыми в части правового запрета на распространение с целью подрыва информационной безопасности общества. Поэтому для разработки предложений по совершенствованию действующего законодательства о регламентации распространения информации в цифровой социальной среде необходимо выявить имеющиеся место пробелы в части уяснения не только источников, но и сущности потенциальных информационных угроз, которым подвергаются как несовершеннолетние, так и иные пользователи цифровых информационных ресурсов.

В российской юридической науке потенциальные негативные последствия какой-либо деятельности принято обозначать термином «риск». Риски могут проявляться с разной степенью интенсивности и порождать более или менее тяжкие последствия. Использование методик оценки риска для построения эффективных моделей противодействия является одним из новшеств науки российского права. Так, по мнению Ю. А. Тихомирова, сущность риска заключается в отклонении действительных данных от оценки сегодняшнего состояния и прогнозов будущего развития ситуации [9, с. 87]. Юридическое значение риск приобретает в случае, если данное отклонение носит негативный характер и порождает угрозу наступления (или реальное наступление) негативных последствий для личности, общества и (или) государства.

Следует признать, что исключить риск причинения вреда или наступления иных негативных последствий невозможно ни в одном из видов общественных отношений. Поэтому для создания нормативно-правовой базы в области регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу фор-

мирования и распространения информации с использованием средств современной цифровой среды, необходимо разработать риск-ориентированный подход, обеспечивающий выявление источников и видов высокопотенциальных угроз для информационной безопасности несовершеннолетних. Здесь же следует отметить, что риск-ориентированный подход демонстрирует положительные результаты в контрольно-надзорной деятельности, осуществляемой в различных сферах жизни общества, а потому представляет значительный интерес для научного исследования [10–12].

Опыт современного правотворчества по построению нормативного алгоритма риск-ориентированного подхода уже реализован в отдельных актах российской системы права. Так, официальное определение риск-ориентированного подхода закреплено в ч. 2 ст. 8.1 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [5]. Несмотря на узкоспециализированный характер данного определения, все же можно выделить общие официально предусматриваемые признаки риск-ориентированного подхода при оценке опасности того или иного социального явления:

1. Данный подход выступает в качестве метода организации и осуществления государственного контроля (надзора).

2. Метод представляет собой совокупность различных мероприятий, осуществляемых органами государственной власти с целью профилактики нарушений требований действующего законодательства.

3. Объектом применения метода является деятельность физических лиц и (или) организаций, а также используемые ими в процессе этой деятельности материальные и иные средства.

4. Результатом применения метода является выявление видов риска и их классификация на основе степени социальной опасности каждого из них.

Учитывая изложенное, мы предлагаем использование данных юридически значимых признаков при формулировании понятия риск-

ориентированного подхода в сфере современной цифровой среды. Данный метод следует использовать в контрольной и надзорной деятельности компетентных органов государственной власти, направленной на профилактику причинения вреда информационной безопасности общества и нормальному развитию несовершеннолетних. Риск-ориентированный подход как метод государственной контрольной (надзорной) деятельности применим в отношении лиц, использующих современную цифровую среду для создания и распространения информации. Это позволит выявить и дифференцировать риски в области информационной безопасности общества, в т. ч. несовершеннолетних. Риски в отношении несовершеннолетних выражаются в потенциальной угрозе причинения вреда их здоровью и развитию распространяемой в современной цифровой среде информацией: п. 4 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [6] (далее – Закон).

Уровень воздействия принимаемых нормативных актов в области цифровизации на информационную безопасность детей не может быть оценен без проведения качественного социологического исследования. Для решения этой задачи в процессе исследования проведено анкетирование представителей профессорско-преподавательского состава российских юридических вузов и факультетов (50 чел.), сотрудников территориальных органов Следственного комитета РФ и МВД РФ (49 чел.), работников судебных органов (15 чел.) и органов прокуратуры (36 чел.), журналистов и работников центров независимых социологических исследований (8 чел.), представителей администраций и педагогических работников средних школ (27 чел.), родителей учащихся средних общеобразовательных школ, профессиональная деятельность которых не осуществляется в перечисленных областях (42 чел.). Систематизированные результаты анкетирования позволяют оценить адекватность реакции государства на потребности общества в цифровизации применительно к защите детей от сопутствующих информационным угроз.

Результаты анкетирования свидетельствуют:

1) о (об) наличии существенной угрозы для информационной безопасности общества, в т. ч. безопасности несовершеннолетних, исходящей от неконтролируемого распространения информации в современной цифровой среде (89 % респондентов);

2) неудовлетворительном состоянии нормативно-правового регулирования обеспечения информационной безопасности общества и информационной охраны нормального развития несовершеннолетних (73 %);

3) необходимости распространения институтов законодательства о средствах массовой информации на компоненты современной цифровой среды (социальные сети, мессенджеры и др.) для повышения степени информационной безопасности населения (62 %);

4) обязательности осуществления государственного контроля (надзора) за лицами, осуществляющими распространение информации в современной цифровой среде (76 %);

5) существовании потребности в обязательном систематическом проведении с несовершеннолетними просветительских мероприятий для повышения степени их социальной зрелости и защищенности от негативного воздействия неконтролируемой информации, распространяемой в современной цифровой среде (97 %).

Для разработки риск-ориентированного подхода важно, что законодательно выделяются две категории информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей: а) информация, запрещенная для распространения среди детей; б) информация, ограниченная для распространения среди детей, относящихся к определенным возрастным категориям [13]. Существенным недостатком Закона можно признать отсутствие соотношения возрастных категорий детей с определенными видами информации, запрещенной или ограничено распространяемой среди детей, для определения уровня потенциального риска. При этом каждый из видов информации может нести вред. Сформулированное соотношение возрастных категорий подростков с предназначенной для них информационной продукцией не позволяет установить, какой вид информации (запрещенной или ограничено запрещенной) для

отдельных указанных в законе возрастных категорий детей потенциально является наиболее опасным.

Следует отметить, что в Законе не сформулировано понятие источника информации, причиняющей вред здоровью и развитию детей. Информационная продукция – это собирательное понятие, охватывающее средства массовой информации; открытые и закрытые, не поддающиеся процедурам блокировки, ресурсы сети Интернет. Структурирование данного понятия необходимо, чтобы уяснить, откуда исходит вредная информация, причиняющая вред здоровью и развитию детей.

Эффективность применения риск-ориентированного подхода в области правового регулирования информационной безопасности несовершеннолетних и их защиты от негативного информационного воздействия, осуществляемого через компоненты современной цифровой среды, заключается в том, что он позволяет соотнести определенный вид и источник негативного информационного воздействия с потенциальным уровнем опасности и степенью негативных последствий. Градация риска от низкого к чрезвычайно высокому поможет как выработать меры противодействия на уровне государства, так и передать полномочия по противодействию рискам в общественные институты (семья, школа и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценив современное состояние правового регулирования информационной безопасности общества, а также состояние защищенности несовершеннолетних от негативного влияния информации, передаваемой с использованием компонентов современной цифровой среды, приходим к выводу о необходимости распространения основ законодательства о средствах массовой информации на соци-

альные сети, мессенджеры и иные цифровые ресурсы, предназначенные для формирования, хранения и распространения информации. Восполнение обозначенного пробела в отечественном законодательстве следует осуществлять дифференцировано, с использованием такого специального метода как риск-ориентированный подход к оценке полноты правового регулирования и охране общественных отношений в области информационной безопасности. С целью обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в первую очередь необходимо дополнить Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» нормой, определяющей понятие «информационная продукция» (п. 5 ст. 2), которое объединяет в себе не только традиционные средства массовой информации, но и ресурсы сети Интернет, в том числе социальные сети, мессенджеры и иные цифровые ресурсы, предназначенные для распространения информации среди неопределенного круга лиц.

Унификация содержания иных нормативных актов России о средствах массовой информации в соответствии с предложенным определением информационной продукции позволит: 1) запретить распространение информации (контента), способного нарушить или поставить под угрозу информационную безопасность общества; 2) распространить контрольные и надзорные функции органов государственной власти на все существующие виды современной информационной продукции; 3) возложить на владельцев всех цифровых информационных ресурсов обязанность недопущения распространения вредоносной информации, а также применять к ним предусмотренные действующим законодательством меры юридической ответственности за игнорирование указанной обязанности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э. Великая Отечественная война в фокусе информационно-психологической войны против России // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. 2015. № 2. С. 25–35.
2. Ветлина Е. Информационная война как угроза национальной безопасности России // COLLEGIUMLINGUISTICUM. 2020. С. 309–310.

REFERENCES

1. Bagdasarian V. E. Velikaia Otechestvennaia voina v fokuse informatsionno-psikhologicheskoi voiny protiv Rossii // Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta. Ser. Istoriya i politicheskie nauki. 2015. No. 2. P. 25–35. (In Russian).
2. Vetlina E. Informatsionnaia voina kak ugroza natsionalnoi bezopasnosti Rossii // COLLEGIUMLINGUISTICUM. 2020. P. 309–310. (In Russian).

3. Лапшинова К. В., Подольская А. А. Проблемы информационной безопасности России в контексте отношения молодежи к информационной войне // Соц.-гуманит. технологии. 2020. № 2. С. 44–53.
4. Желтухина М. Р., Павлов П. В. Социальная сеть «FACEBOOK» в XXI веке: от инструмента коммуникации к инструменту информационной войны // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7–3. С. 89–93.
5. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : федер. закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ // Рос. газета. 2008. 30 дек.
6. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // Рос. газета. 2010. 31 дек.
7. Кузнецов В. А., Кузнецова Е. В. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети Интернет // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2019. № 1. С. 45–51.
8. Бутова М. В. Предупреждение и пресечение Интернет-угроз в отношении несовершеннолетних: отечественный и зарубежный аспекты // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2020. № 2. С. 25–33.
9. Тихомиров Ю. А. Правовые риски // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 87–95.
10. Абанин С. Г., Кузнецов М. В., Орлов А. М. Проблемы в применении риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорной деятельности и пути их решения // Соврем. проблемы совершенствования работы железнодорожного транспорта. 2018. № 14. С. 249–258.
11. Щепельков В. Ф., Векленко В. В., Пряхина Н. И. Риск-ориентированный подход при установлении причинной связи по делам о халатности // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2018. № 4. С. 348–353.
12. Лозинский О. И. Правовой режим надзорной деятельности в сфере безопасности дорожного движения в условиях риск-ориентированного подхода // Юрид. техника. 2019. № 13. С. 713–716.
13. Заикин С. Мониторинг конституционных новостей. Декабрь 2010 – январь 2011 // Сравнит. конституц. обозрение. 2011. № 1. С. 4–12.
14. СК возбудил дело о вовлечении несовершеннолетних в акции протеста // Известия. 2021. 22 янв. URL: https://iz.ru/1115106/2021-01-22/sk-vozbudil-delo-o-vovlechenii-nesovershennoletnikh-v-aktcii-protesta?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 23.01.2021).
3. Lapshinova K. V., Podolskaia A. A. Problemy informatsionnoi bezopasnosti Rossii v kontekste otnosheniya molodezhi k informatsionnoi voine // Sots.-gumanit. tekhnologii. 2020. No. 2. P. 44–53. (In Russian).
4. Zheltukhina M. R., Pavlov P. V. Sotsialnaya set “FACEBOOK” v XXI veke: ot instrumenta kommunikatsii k instrumentu informatsionnoi voiny // Filol. nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. No. 7–3. P. 89–93. (In Russian).
5. O zashchite prav yuridicheskikh lits i individualnykh predprinimatelei pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipalnogo kontrolya : feder. zakon ot 26.12.2008 No. 294-FZ // Ros. gazeta. 2008. 30 dek. (In Russian).
6. O zashchite detei ot informatsii, prichiniaushchei vred ikh zdoroviu i razvitiyu : federalnyi zakon ot 29.12.2010 No. 436-FZ // Ros. gazeta. 2010. 31 dek. (In Russian).
7. Kuznetsov V. A., Kuznetsova E. V. Preduprezhdenie delinkventnogo povedeniia nesovershennoletnikh, produtsiruемого контентом сети Internet // Vestn. Volgograd. akad. MVD Rossii. 2019. No. 1. P. 45–51. (In Russian).
8. Butova M. V. Preduprezhdenie i presechenie Internet-ugroz v otnoshenii nesovershennoletnikh: otechestvennyi i zarubezhnyi aspekty // Politsiia i obshchestvo: problemy i perspektivy vzaimodeistviya. 2020. No. 2. P. 25–33. (In Russian).
9. Tikhomirov Yu. A. Pravovye riski // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2012. No. 2. P. 87–95. (In Russian).
10. Abanin S. G., Kuznetsov M. V., Orlov A. M. Problemy v primenении risk-orientirovannogo podkhoda v kontrolno-nadzornoй deiatelnosti i puti ikh resheniya // Sovrem. problemy sovershenstvovaniya raboty zheleznodorozhnogo transporta. 2018. No. 14. P. 249–258. (In Russian).
11. Shchepelkov V. F., Veklenko V. V., Priakhina N. I. Risk-orientirovannyi podkhod pri ustanovlenii prichinnoi svyazi po delam o khalatnosti // Iurid. nauka i praktika: Vestn. Nizhegorod. akad. MVD Rossii. 2018. No. 4. P. 348–353. (In Russian).
12. Lozinskii O. I. Pravovoi rezhim nadzornoй deiatelnosti v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniia v usloviakh risk-orientirovannogo podkhoda // Yurid. tekhnika. 2019. No. 13. P. 713–716. (In Russian).
13. Zaikin S. Monitoring konstitutsionnykh novostei. Dekabr 2010 – yanvar 2011 // Sravnit. konstituts. obozrenie. 2011. No. 1. P. 4–12. (In Russian).
14. SK vozbudil delo o vovlechenii nesovershennoletnikh v aktsii protesta // Izvestiia. 2021. 22 ianv. URL: https://iz.ru/1115106/2021-01-22/sk-vozbudil-delo-o-vovlechenii-nesovershennoletnikh-v-aktcii-protesta?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed: 23.01.2021). (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Букалерева Людмила Александровна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права уголовного процесса и криминалистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

E-mail: bukalerova_la@rudn.ru

Лапшин Валерий Федорович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса, Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия.

E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Остроушко Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента публичного и международного права, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

E-mail: avostroushko@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Lyudmila A. Bukalero – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head, Department of Penal Law, Criminal Litigation and Forensic Science, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

E-mail: bukalerova_la@rudn.ru

Valeriy F. Lapshin – Doctor of Sciences (Law), Docent, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, Yuga State University, Khanty-Mansiysk, Russia.

E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Aleksandr V. Ostroushko – Candidate of Sciences (Law), Docent, Associate Professor, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

E-mail: avostroushko@fa.ru

УДК 347.173

DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-84-90

К ВОПРОСУ О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЯХ ПРАВ ЛИЦ, ОТНОсяЩИХСЯ К КОРЕННЫМ МАЛОЧИСЛЕННЫМ НАРОДАМ

Н. Н. Гребнева^{1✉}, С. И. Рябоконеv²

¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

² АНО ДПО «УЦ «Развитие», Сургут, Россия

✉ E-mail: nanaky2009@rambler.ru

Авторы обосновывают позицию введения в уголовно-процессуальное законодательство России некоторых особых правил уголовного судопроизводства в отношении коренных малочисленных народов. Предлагается внести дополнение в ч. 3 ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливающее необходимость получения заключения специалиста по вопросу ведения представителем коренного малочисленного народа традиционного образа жизни. Определяется порядок создания реестра специалистов, уполномоченных давать такие заключения. В процессе исследования использованы эмпирические и теоретические методы: анализ имеющихся в научной литературе точек зрения на некоторые особенности уголовной ответственности представителей коренных малочисленных народов; сопоставление и сравнение норм гражданского и уголовного судопроизводства; наблюдение; анализ статистики и материалов конкретных уголовных дел. Исследование позволило выявить проблему необоснованного уголовного преследования в отношении лиц, относящихся к коренным малочисленным народам, ведущих традиционный образ жизни; всесторонне проанализировать ситуацию; предложить решение выявленной проблемы.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, традиционный образ жизни, обычаи, традиции, заключение специалиста, уголовное преследование.

Для цитирования: Гребнева Н. Н., Рябоконеv С. И. К вопросу о дополнительных уголовно-процессуальных гарантиях прав лиц, относящихся к коренным малочисленным народам // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 84–90. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-84-90.

ON ADDITIONAL CRIMINAL LAW GUARANTEES FOR PERSONS BELONGING TO INDIGENOUS SMALL-NUMBERED PEOPLES

N. N. Grebneva^{1✉}, S. I. Ryabokonev²

¹ Surgut State University, Surgut, Russia

² Study Centre "Razvitie" INPO CPE, Surgut, Russia

✉ E-mail: nanaky2009@rambler.ru

The authors substantiate the position of introducing into the criminal procedure legislation of Russia some special rules of criminal proceedings concerning indigenous small-numbered peoples. It is proposed to make an addition to part 3 of Article 80 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which establishes the need to obtain an expert opinion on a traditional way of life by a representative of indigenous small-numbered peoples. The procedure for creating a register of specialists authorized to give such opinions is determined. The study used empirical and theoretical methods such as analysis of the points of view available in the scientific literature on some features of the criminal liability of representatives of indigenous peoples; comparison of the norms of civil and criminal proceedings; observation; analysis of statistics and materials of specific criminal cases. The study made it possible to identify the problem of unjustified criminal prosecution against persons belonging to indigenous minorities, leading a traditional way of life, as well as to comprehensively analyze the situation and offer a solution to the identified problem.

Keywords: indigenous small-numbered peoples, traditional way of life, customs, traditions, expert opinion, criminal prosecution.

For citation: Grebneva N. N., Ryabokonev S. I. On Additional Criminal Law Guarantees for Persons Belonging to Indigenous Small-Numbered Peoples // Surgut State University Journal. 2021. No. 1. P. 84–90. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-84-90.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время, несмотря на принятые на федеральном и региональных уровнях механизмы защиты коренных малочисленных народов России (далее – КМН), статистические данные и анализ материалов уголовных дел указывают на систематическое незаконное возбуждение уголовных дел в отношении данной категории граждан РФ. Нарушения в работе правоохранительных органов (без дальнейшего их устранения) могут привести к утрате этнокультуры КМН, проживающих на территории Российской Федерации. Внешение предлагаемых авторами изменений в уголовно-процессуальное законодательство позволит в полном объеме реализовать ст. 69 Конституции Российской Федерации, согласно которой Россия «гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ. Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия» [1].

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 28 мая 2019 г. № 21-П встал на защиту КМН, ведущих традиционный образ жизни, определив, что «особые права на использование объектов животного мира предоставляются всем лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а не только тем из них, кто имеет статус охотника, поскольку для всех указанных лиц вне зависимости от их фактической и юридической способности самостоятельно осуществлять добычу охотничьих ресурсов пользование объектами животного мира выступает основой их традиционного жизнеобеспечения в рамках традиционного образа жизни» [2]. Данное постановление, по нашему мнению, должно стать

практикообразующим и позволит обратиться с кассационными жалобами в соответствующий суд с целью осуществить пересмотр ранее принятых судебных решений с допущенными нарушениями толкования норм Конституции Российской Федерации.

К вопросам учета особенностей привлечения к уголовной ответственности лиц, относящихся к КМН, обращались в своих исследованиях многие авторы. Так, мы полностью согласны с мнением Д. А. Дорогина, который считает, что «представители коренных малочисленных народов РФ обладают специфическим общеправовым статусом, учет которого в уголовном праве должен иметь определенные особенности. Таковые могут проявляться как при совершении отдельных предусмотренных уголовным законом деяний, так и в рамках применения мер уголовно-правового воздействия» [3, с. 131–132]. В свою очередь, Ю. В. Трунцевский доказывает «необходимость внесения изменений Уголовного кодекса Российской Федерации в части освобождения от уголовной ответственности лиц, формально осуществляющих порубку деревьев и хранение пороха и патронов в нарушение действующего законодательства» [4, с. 384]. Он считает, что подобные действия надо расценивать «как необходимость осуществления традиционного образа жизни малочисленных народов в условиях Севера» [4, с. 385]. В то же время Д. С. Дядькин полагает, что российское уголовное законодательство необходимо привести в соответствие с интересами КМН. Он пишет, что «для этого следует дополнить нормы уголовного законодательства специальными дефинициями, закрепленными в примечаниях к статьям Особенной части уголовного закона, предусматривающих специальные основания освобождения от уголовной ответственности для лиц, осуществляющих традиционное природопользование и совершивших указанные деяния в местах традиционного природопользования и при

осуществлении традиционного образа жизни» [5, с. 100].

Кроме того, сами авторы статьи ранее уже обращались к теме незаконного привлечения к уголовной ответственности представителей КМН по ст. 258 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) за незаконную охоту [6].

Однако вышеуказанные работы в большей части носят уголовно-правовой характер. В данном же исследовании особое внимание уделено закреплению в уголовно-процессуальном законодательстве дополнительной гарантии от незаконного уголовного преследования лиц, относящихся к КМН, в виде дачи специалистом заключения по следующим вопросам: относится ли лицо к категории КМН, ведет ли традиционный образ жизни в настоящее время, действовало ли оно в конкретной ситуации в условиях национальной традиции или обычая.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Объектом авторского исследования является уголовно-процессуальный статус лиц, относящихся к КМН, позволяющий не допустить нарушений назначения уголовного судопроизводства, определенного ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Авторами проведен анализ нормативно-правовой базы, позиции Конституционного Суда России, точек зрения авторитетных российских ученых по исследуемой теме, изучены материалы уголовных дел, возбужденных в отношении представителей КМН на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Методология исследования основана как на общенаучных методах научного познания, так и на частных, присущих только юридической науке. В частности, авторами применены эмпирические и теоретические методы исследования: анализ точек зрения ученых на проблемы привлечения к уголовной ответственности представителей КМН; сопоставление и сравнение норм гражданского процессуального и уголовно-процессуального законодательства; наблюдение; анализ статистических данных и материалов конкретных уголовных дел и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На наш взгляд, анализ складывающейся практики расследования уголовных дел в отношении лиц, относящихся к КМН, с учетом специфичности правового статуса частных участников уголовного судопроизводства требует определиться с понятием «ведение традиционного образа жизни».

Полагаем, что ответ на вопрос, в чем заключается традиционный образ жизни, должен выражаться в четкой дефиниции, а в действующем законодательстве необходимо закрепить порядок определения уполномоченных лиц, которые могут давать заключения относительно практического применения данного определения в каждом конкретном случае. Считаем, что вопрос ведения традиционного образа жизни должен подлежать оценке со стороны уполномоченного лица, обладающего специальными познаниями о традиционном образе жизни.

Согласно части второй статьи первой Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» традиционным образом жизни малочисленных народов является «исторически сложившийся способ жизнеобеспечения малочисленных народов, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований» [7]. Поэтому, давая заключение, уполномоченное лицо должно определить, укладывается ли совершенное представителем КМН деяние в рамки данного понятия.

Понимая, что несколько сужаем круг лиц, относящихся к КМН, все же не можем не обратиться к п. 3 статьи первой Федерального закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», который определяет, что «обычаи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации – это традиционно сложившиеся и широко применяемые коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ правила традиционного природопользования и традиционного образа жизни». В этом же законе

находим определение традиционного природопользования КМН – это «исторически сложившиеся и обеспечивающие не истощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» [8].

Таким образом, на наш взгляд, КМН в рамках своего традиционного образа жизни на законном основании допускается добыча объектов природного мира, но с одним условием: их традиционные действия не должны приводить к истощению объектов природопользования.

Кроме того, правовой анализ уголовного законодательства России, в частности ст. 222, 222.1, 223, 224 УК РФ, позволяет сделать вывод, что для добычи объектов природного мира КМН используются орудия, которые в рамках уголовного законодательства являются самостоятельными предметами преступления, что ведет к уголовному преследованию лиц, у которых эти предметы были изъяты.

На наш запрос прокуратура Сургутского района сообщила, что за период с 1 января 2020 г. по 21 декабря 2020 г. в Сургутский районный суд направлено 44 уголовных дела в отношении представителей КМН ХМАО-Югры (ханты и манси). Из этого количества дел 3 уголовных дела были возбуждены по факту незаконного изготовления боеприпасов по ст. 223 УК РФ, 3 уголовных дела – по факту незаконного приобретения и хранения боеприпасов по ст. 222 УК РФ, 2 уголовных дела – по факту незаконного приобретения и хранения взрывчатых веществ по ст. 222.1 УК РФ.

Так, например, 20 мая 2020 г. органом дознания было возбуждено уголовное дело в отношении С. по ч. 1 ст. 223, ч. 1 ст. 222.1 УК РФ. В ходе производства расследования было установлено, что С. в избе на территории традиционного природопользования незаконно изготовил 5 патронов 20-го калибра и незаконно хранил взрывчатые вещества. Дознавателем было выяснено, что С. занимается традиционными видами промысла. 08.10.2020 в отношении С. был вынесен обвинительный приговор. Однако же ни в ходе дознания, ни в ходе судебного следствия во-

прос о традиционном образе жизни С., который является представителем КМН (ханты), не выяснялся [9].

Полагаем, что для реализации механизма защиты процессуальных прав КМН необходимо в действующем уголовно-процессуальном законодательстве предусмотреть институт иммунитета от уголовного преследования лиц, относящихся к КМН, ведущих традиционный образ жизни. Для этого потребуется расширить содержание ч. 3 ст. 80 УПК РФ по аналогии с гражданским судопроизводством. Так, в ч. 3 ст. 45 и ч. 1 ст. 47 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) определено, что при рассмотрении гражданских дел, прокурор, компетентные государственные органы, органы местного самоуправления участвуют в деле по своей инициативе или привлекаются в дело по инициативе суда (в некоторых случаях участие данных лиц является обязательным) для дачи заключения по делу в целях защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Данные заключения по гражданским делам уже были предметом неоднократных дискуссионных обсуждений и, по мнению ряда ученых (например, И. Н. Лукьяновой [10], Е. С. Смагиной [11]), не являются доказательствами по делу, но должны быть учтены судом при принятии решения. Суд в описательно-мотивировочной части своего решения должен дать оценку данному заключению, а также указать мотивы, по которым оно было принято или отклонено.

Считаем, что по аналогии с ГПК РФ, в части третьей ст. 80 УПК РФ необходимо установить, что при решении вопроса о возбуждении уголовного дела либо проведении предварительного расследования в отношении лиц, относящихся к КМН, необходимо получить заключение специалиста по следующим вопросам: относится ли привлекаемое к ответственности лицо в настоящее время к ведущему традиционный образ жизни, каковы особенности традиционного образа жизни, действовало ли лицо в силу исторических традиций и обычаев. Данное заключение будет являться основанием для приня-

тия решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела на этапе предварительной проверки, либо будет учитываться при вынесении приговора по делу, как обстоятельство, смягчающие наказание. Осуществлять замену заключения специалиста его объяснением или допросом считаем нерациональным, так как на стадии возбуждения уголовного дела допросы не производятся, а объяснение (в случае возбуждения дела) не будет являться доказательством по уголовному делу.

Наличие заключения специалиста в уголовном деле, по нашему мнению, позволит оградить представителей КМН от незаконных действий должностных лиц органов предварительного расследования в части уголовного преследования, а также будет направлено на пресечение фактов злоупотребления предоставленным правом со стороны лиц, относящихся к КМН, которые в ряде случаев пытаются уйти от уголовного наказания.

Далее закономерно возникает вопрос, кто же будет выступать в роли специалиста при даче заключения. В связи с необходимостью четкого определения лиц, владеющих знаниями о жизни коренного населения, их обычаях и традициях, необходимо введение особого реестра специалистов в этой области. По нашему мнению ведение данного реестра следует возложить на органы местного самоуправления на основании ст. 14 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [12], Постановления Правительства РФ от 23.09.2020 № 1520 «Об утверждении Правил ведения списка лиц, относящихся к коренным малочисленным народам РФ, предоставления содержащихся в нем сведений, а также осуществляемого в связи с его ведением межведомственного взаимодействия» [13] и положений некоторых других нормативных правовых актов.

При включении специалистов в реестр им необходимо разъяснять положения ст. 307 УК РФ об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. При выявлении фактов, связанных с дачей заведомо необоснованных и незаконных заключений при решении вопроса о возбуждении уго-

ловного дела в отношении лиц, относящихся к КМН, следует решать вопрос о возбуждении уголовного дела уже в отношении уполномоченного лица, давшего заключение.

В настоящее время Федеральным агентством по делам национальностей формируется список лиц, относящихся к КМН РФ [13]. Включение лица в данный список носит заявительный характер. Документ направлен в первую очередь на установление количества лиц, относящихся к категории КМН, и призван обеспечить реализацию преимущественно социальных и экономических прав данной категории граждан. Сведения, содержащиеся в списке, никоим образом не могут заменить заключения специалиста по уголовному делу, который дает ответы на поставленные органами предварительного расследования вопросы с привязкой к месту, времени, обстановке совершения деяния. Данный список, на наш взгляд, будет являться одним из важнейших документов в работе специалиста при подготовке заключения, а положения самого Постановления Правительства от 23.09.2020 по итогам практического применения потребуют совершенствования.

Полагаем, что при использовании в рамках уголовного преследования наших предложений будет получен дополнительный легитимный процессуальный институт, направленный на защиту лиц, относящихся к КМН, с учетом местных исторических традиций и обычаев, что позволит, согласно ст. 6 УПК РФ, не привлекать к уголовной ответственности невиновных, а виновные понесут справедливое наказание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведя исследование российского законодательства, судебной практики, научных работ по вопросам уголовного преследования и особенностей расследования преступлений в отношении КМН, делаем следующие выводы:

1. В часть третью ст. 80 УПК РФ необходимо внести дополнения и изложить ее в следующей редакции:

«3. Заключение специалиста – представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами. При осуществлении уголовного

преследования в отношении лиц, относящихся к коренным малочисленным народам (по ст. 222, 222.1, 223, 223.1, 224, 256, 258, 258.1, 260 УК РФ), необходимо получить заключение специалиста по следующим вопросам: относится ли привлекаемое к ответственности лицо в настоящее время к ведущему традиционный образ жизни, каковы особенности традиционного образа жизни, действовали ли лицо в силу исторических традиций и обычаев».

2. Данное заключение (наряду с другими данными) будет иметь важное значение для принятия решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уго-

ловного дела на этапе предварительной проверки. В стадиях предварительного расследования и судебного производства заключение специалиста должно быть оценено в совокупности с другими доказательствами по уголовному делу.

3. В связи с необходимостью четкого определения лиц, владеющих знаниями о жизни коренного населения, их обычаях и традициях, необходимо введение особого реестра специалистов в этой области.

4. Ведение данного реестра необходимо возложить на органы местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одоб. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Г. К. Щукина : постановление Конституционного Суда РФ от 28.05.2019 № 21-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Дорогин Д. А. Особенности учета статуса представителей коренных малочисленных народов Российской Федерации в уголовном праве // Рос. юрид. журнал. 2020. № 2 (131). С. 130–141.
4. Трунцевский Ю. В. К вопросу об уголовной ответственности представителей коренных малочисленных народов Севера за нарушение природоресурсного законодательства // Конституционно-правовые основы ответственности в сфере экологии : сб. материалов Междунар. науч. конф., 20 декабря 2018 – 14 марта 2019 г., г. Москва. М. : Моск. гос. ун-т геодезии и картографии, 2019. С. 384–388.
5. Дядькин Д. С. Привлечение к уголовной ответственности лиц, ведущих традиционный образ жизни в условиях Севера, за преступления, предусмотренные статьями 260 и 222, 222.1 УК РФ // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Соц.-экон. и прав. исслед. 2020. Т. 6, № 1 (21). С. 86–109.
6. Гребнева Н. Н., Рябokonев С. И. Аналитический обзор практики отправления правосудия по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 258 УК РФ // Тр. Оренбург. ин-та (филиала) МГЮА. 2019. № 1 (38). С. 137–140.
7. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федер. закон РФ от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. РФ 16 апреля 1999 г. : одоб. Советом Федерации Федер. Собр. РФ 22 апреля 1999 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by a popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during a nationwide vote on 01.07.2020). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
2. On the case of checking the constitutionality of Article 19 of the Federal Law “On hunting and on the preservation of hunting resources and on amending certain legislative acts of the Russian Federation” in connection with the complaint of citizen G. K. Shchukin: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 28, 2019 No. 21-P. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
3. Dorogin D. A. Features of Accounting for the Status of Representatives of Indigenous Peoples of the Russian Federation in Criminal Law // Russian Legal Journal. 2020. No. 2 (131). P. 130–141. (In Russian).
4. Truntsevsky Yu. V. On the Issue of Criminal Responsibility of Representatives of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North for Violation of Natural Resource Legislation // Constitutional and Legal Foundations of Responsibility in the Field of Ecology: Collection of Materials of the International Scientific Conference, December 20, 2018 – March 14, 2019, Moscow. Moscow: Publishing house: Moscow State University of Geodesy and Cartography, 2019. P. 384–388. (In Russian).
5. Dyadkin D. S. Criminal Prosecution of Persons Leading a Traditional Lifestyle in the North for Crimes Provided for in Articles 260 and 222, 222.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Research. 2020. Vol. 6. No. 1 (21). P. 86–109. (In Russian).
6. Grebneva N. N., Ryabokonev S. I. An Analytical Review of the Practice of Administering Justice in Cases of Crimes under Art. 258 of the Criminal Code of the Russian Federation // Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Moscow State Law Academy. 2019. No. 1 (38). P. 137–140. (In Russian).

8. О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : федер. закон РФ от 07 мая 2001 г. № 49-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. РФ 04 апреля 2001 г. : одоб. Советом Федерации Федер. Собр. РФ 30 апреля 2001 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Архив Сургутского районного суда. Уголовное дело № 1-286/2020 по ч. 1 ст. 222.1, ч. 1 ст. 223 УК РФ. Сургутский районный суд ХМАО-Югры. URL: <https://surgray--hmao.sudrf.ru/> (дата обращения: 25.12.2020).
10. Лукьянова И. Н. Участие прокурора в гражданском деле и правовая определенность в современном российском гражданском процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 9. С. 39–46.
11. Смагина Е. С. Некоторые вопросы защиты интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 9. С. 4–9.
12. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон РФ от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. РФ 16 сентября 2003 г. : одоб. Советом Федерации Федер. Собр. РФ 24 сентября 2003 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Об утверждении Правил ведения списка лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, предоставления содержащихся в нем сведений, а также осуществляемого в связи с его ведением межведомственного взаимодействия : постановление Правительства РФ от 23 сентября 2020 г. № 1520. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Federal Law No. 82-FZ of April 30, 1999 “On guarantees of the rights of indigenous peoples of the Russian Federation: adopted by the State Duma on April 16, 1999”. Approved by the Council of the Federation on April 22, 1999. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
8. Federal Law No. 49-FZ of May 7, 2001 “About the territories of traditional nature management of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: Adopted by the State Duma on April 4, 2001”. Approved by the Council of the Federation on April 30, 2001. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
9. Arkhiv Surgutskogo raionnogo suda. Ugolovnoe delo No. 1-286/2020 po ch. 1 st. 222.1, ch. 1 st. 223 UK RF. Surgutskii raionnyi sud KhMAO-Yugry. URL: https://surgray--hmao.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=42824368&case_uid=dc169038-6211-4f0f-92d2-563047a0730e&delo_id=1540006 (accessed: 25.12.2020). (In Russian).
10. Lukyanova I. N. Participation of the Prosecutor in a Civil Case and Legal Certainty in Modern Russian Civil Procedure // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2012. No. 9. P. 39–46. (In Russian).
11. Smagina E. S. Some Issues of Protecting the Interests of the Russian Federation, Constituent Entities of the Russian Federation, Municipalities in Civil Procedure // Arbitration and Civil Procedure. 2012. No. 9. P. 4–9. (In Russian).
12. Federal Law No. 131-FZ of October 6, 2003 “On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation: Adopted by the State Duma on September 16, 2003”. Approved by the Council of the Federation on September 24, 2003. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
13. On the approval of the Rules for maintaining the list of persons belonging to the small indigenous peoples of the Russian Federation, providing the information contained therein, as well as interdepartmental interaction carried out in connection with its conduct: Resolution of the Government of the Russian Federation. Federation of September 23, 2020 No. 1520. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гребнева Наталья Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.

E-mail: nanaky2009@rambler.ru

Рябоконеv Сергей Иванович – заместитель директора, АНО ДПО «УЦ «Развитие», Сургут, Россия.

E-mail: rsi1982@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalya N. Grebneva – Candidate of Sciences (Law), Docent, Associate Professor, Department of Criminal Law and Process, Surgut State University, Surgut, Russia.

E-mail: nanaky2009@rambler.ru

Sergey I. Ryabokonev – Deputy Director, Study Centre “Razvitie” INPO CPE, Surgut, Russia.

E-mail: rsi1982@mail.ru

УДК 342.721+577.213.3

DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-91-100

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДНК-ТЕСТА В ЦЕЛЯХ ВОССОЕДИНЕНИЯ СЕМЬИ И РЕПАТРИАЦИИ

С. Ю. Миролюбова

*Научно-исследовательский институт – Республиканский исследовательский
научно-консультационный центр экспертизы, Москва, Россия*

E-mail: ralf99@yandex.ru

ДНК-профилирование как часть биометрических систем идентификации личности вне медицинского контекста применяется государствами при решении вопроса о воссоединении семьи или репатриации. Однако использование генетического тестирования не исключает нарушения личных прав человека и выявляет новые проблемы защиты конфиденциальности в условиях прогресса IT-технологий.

В статье рассматриваются проблемы, связанные с защитой генетической информации, полученной в результате анализа ДНК; анализируются риски, связанные с прохождением генетического тестирования в целях воссоединения семьи или репатриации.

Автор приходит к выводу, что ДНК-тестирование в целях реализации права на воссоединении семьи следует проводить только в том случае, если исчерпаны другие способы получения информации, доказывающей родственные связи. Вместе с тем, если анализ ДНК может быть единственным доказательством биологической связи между родственниками, государствам следует поощрять проведение такого генетического тестирования максимально удобным способом и по приемлемой цене или бесплатно. При этом автор полагает, что метод ДНК-теста для установления этнической принадлежности в целях репатриации может привести не только к дискриминации по этническому принципу, но и иным неконтролируемым последствиям.

Ключевые слова: генетическое тестирование, конфиденциальность, генетическая информация, биологическое родство, воссоединение семьи, личные права, права человека, право на самоопределение, репатриация.

Для цитирования: Миролюбова С. Ю. Проблемы применения ДНК-теста в целях воссоединения семьи и репатриации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 91–100. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-91-100.

PROBLEMS OF USING DNA TEST FOR FAMILY REUNIFICATION AND REPATRIATION

S. Yu. Mirolyubova

*Scientific Research Institute – Federal Research Centre for Projects Evaluation
and Consulting Services, Moscow, Russia*

E-mail: ralf99@yandex.ru

DNA profiling as part of biometric identification systems outside the medical context is used by states upon dealing with family reunification or repatriation. However, the use of genetic testing does not exclude the violation of personal human rights and opens up new problems of protecting confidentiality in the face of progress in IT technologies.

The article discusses the problems associated with the protection of genetic information obtained as a result of DNA analysis, investigates the risks associated with the genetic testing for family reunification or repatriation.

The author concludes that DNA testing in order to exercise the right to family reunification should be carried out only if other ways of obtaining information proving family ties have been exhausted. However, if DNA testing may be the only evidence of a biological link between relatives, then states should encourage such genetic testing to be carried out in the most convenient way and at an affordable price or free of

charge. At the same time, the author believes that the DNA test method for establishing ethnicity for repatriation can lead not only to discrimination based on ethnicity but also to other uncontrollable consequences.

Keywords: genetic testing, confidentiality, genetic information, biological relationship, family reunification, personal rights, human rights, right to self-determination, repatriation.

For citation: Mirolyubova S. Yu. Problems of Using DNA Test for Family Reunification and Repatriation // Surgut State University Journal. 2021. No. 1. P. 91–100. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-91-100.

ВВЕДЕНИЕ

Иностранные граждане имеют право на воссоединение с родственниками, проживающими в стране на законных основаниях. Это право является неотъемлемой частью иммиграционной политики многих стран и предназначено для защиты семьи в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека [1], с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [2], Конвенцией о правах ребенка [3]. Вместе с тем, учитывая, что общепринятого понятия «семья» не существует, определяющим фактором для воссоединения лиц, считающих себя семьей, является национальное иммиграционное законодательство, реализующее суверенное право каждой страны определять круг лиц, которые могут въехать на ее территорию [4].

Исследователи отмечают, что многие страны устанавливают более строгие требования к тем, кто подает заявку на воссоединение с членами своей семьи. Например, для лиц, желающих въехать в страну с целью воссоединения, существует требование об обязательном прохождении теста ДНК для установления родственных связей, если представленная информация о семейных отношениях является неполной или неудовлетворительной с точки зрения органов, принимающих решение о въезде в страну. Более 20 государств, в том числе 17 европейских стран, включили ДНК-тестирование в процесс принятия решения о воссоединении семьи [5–6]. Кроме того, тест ДНК нужен как доказательство происхождения для репатриации, например, в Израиль [7]. Поводом для международного обсуждения применения ДНК-теста в целях установления репатриации на основе этнической принадлежности послужил случай, произошедший с российской гражданкой М. Якирсон, которой для получения израильской визы предложили пройти ДНК-тест, чтобы доказать, что она еврейка [8]. Также

проведение такого ДНК-теста обосновали его необходимостью для совершения М. Якирсон алии (иммиграции в Израиль) в будущем [9–10]. Следует подчеркнуть, что с 2013 г. граждане из России, рожденные вне брака и желающие иммигрировать в Израиль, должны пройти анализ ДНК, чтобы доказать свое еврейское происхождение [11]. Вместе с тем многие бывшие граждане РФ добровольно стремятся пройти анализ митохондриальной ДНК, чтобы подтвердить свое еврейское происхождение в религиозных судах Израиля [7] для репатриации. В связи с этим некоторые ученые говорят о «генетическом гражданстве», в основе которого лежит генетическое тестирование для установления этнического происхождения [8].

Поскольку генетическое тестирование является инструментом для проверки заявленных родственных отношений и технология ДНК является единственным недокументированным методом для доказательства биологической связи между родственниками, государства используют генетическое тестирование, когда никакая другая форма достоверных доказательств (документы, фотографии и пр.) недоступна к предоставлению в сочетании с заявлением на иммиграционную визу [12, 4]. При этом результат ДНК-теста, подтверждающий биологическое родство, не гарантирует положительного решения о выдаче визы для въезда в страну с целью воссоединения семьи, а отрицательный результат ДНК-теста практически всегда влечет отказ в принятии иммиграционными службами положительного решения в отношении заявителей [13, 4]. В связи с этим, на наш взгляд, применение данного метода исследования в рамках административно-правовых отношений между государством и заявителями представляется спорным, поскольку, с одной стороны, не гарантирует положительного однозначного результата для заявителя, с дру-

гой – может привести к ограничению личных прав заявителя и членов его семьи.

Целью исследования является выявление и решение ключевых проблем, связанных с проведением ДНК-тестов, а также рассмотрение перспективы развития генетического тестирования в Российской Федерации при реализации иностранными гражданами права на воссоединение семьи.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

На основе использования классических методов юридического исследования и сравнительно-правового метода проведен обзор и анализ научной литературы и сайтов в сети Интернет по вопросам применения генетического тестирования в целях воссоединения семьи и репатриации. Определены личные права, которые затрагивает генетическое тестирование, и выделены основные проблемы, связанные с ДНК-тестированием, проводимым в целях реализации права на воссоединение с семьей или репатриацию. На основе анализа международных актов, зарубежной практики, национального законодательства изучены перспективы развития в Российской Федерации генетического тестирования для иностранных граждан в целях воссоединения семьи.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Следует отметить, что генетическое тестирование в целях воссоединения семьи или репатриации затрагивает широкий спектр личных прав человека: право на неприкосновенность частной жизни; право на воссоединение семьи; право на конфиденциальность личной жизни; право на информационное самоопределение; право на свободу передвижения. Фактически генетическое тестирование ограничивает все указанные личные права и влечет различные последствия.

Неприкосновенность частной жизни затрагивается обязательным порядком прохождения ДНК-тестирования, когда по-другому доказать родственную связь невозможно. Даже при положительном решении возникают проблемы, связанные с хранением, использованием, уничтожением образцов генетического материала, а также защитой информации, полученной в результате анализа ДНК. Отрицательный тест ДНК, который показывает от-

сутствие родственных связей, помимо указанных проблем, влечет за собой нарушение права на конфиденциальность личной жизни.

Право на конфиденциальность личной жизни зависит от той информации, которая может быть получена в результате ДНК-тестирования. Например, отсутствие биологической связи, которая может быть выявлена в результате проведения анализа ДНК, может существенно повлиять как на личную жизнь тех, кто проходил ДНК-тестирование, так и на жизнь иных членов семьи.

Понятие «семья» подразумевает разные формы семей, в которых не всегда есть биологическая связь между родителями (родителем) и детьми. В том случае, если между родителями (родителем) и ребенком изначально отсутствует биологическая связь, результат ДНК-теста может привести к распаду семьи и иным нежелательным последствиям (например, когда правда об отсутствии биологической связи скрывалась родителями (родителем) в интересах ребенка). В такой ситуации, на наш взгляд, результат ДНК-теста нарушает конфиденциальность семейной информации, поскольку открывает скрытую личную информацию о членах семьи. Особенно сильно на ребенка может повлиять информация об отсутствии биологической связи, полученная в результате проведения теста ДНК.

Право на информационное самоопределение, в основе которого лежит индивидуальная автономность, ограничивается тем, что человек самостоятельно не решает, какая генетическая информация о нем доступна третьим лицам и при каких условиях. Более того, по законодательству ряда стран, которые применяют генетическое тестирование в иммиграционных целях, лица, прошедшие ДНК-тест, лишены права на уничтожение биологических образцов и генетической информации, не могут запретить использовать их генетическую информацию для вторичных целей, не могут воспользоваться правом не знать информацию, полученную из анализа ДНК (например, в случае установления отсутствия биологической связи между родственниками) [6].

Право не знать основывается на понятиях индивидуальной автономии и конфиденциальности, а также на обязанности властей

уважать право человека решать, какую информацию получать [14–15]. Данное право корреспондирует праву на информационное самоопределение, в соответствии с которым человек самостоятельно определяет возможность раскрытия и использования своих персональных данных. Право не знать [16] считается элементом права на информационное самоопределение [17].

Полученный после анализа ДНК генетический результат служит информацией, которую человек имеет право знать или не знать, поскольку генетическое тестирование может показать отсутствие биологической связи, например между родителями (родителем) и ребенком [18]. Такая личная информация особенно чувствительна для ребенка [19], который узнает нежелательную для себя информацию помимо своей воли. Таким образом, при обязательном прохождении ДНК-теста заявители лишаются права не знать результат генетического анализа. Они должны быть готовы к получению новой нежелательной для них информации, которая является результатом генетического теста.

Кроме того, поскольку решение о прохождении генетического тестирования в отношении детей, как правило, принимают законные представители, тем самым ограничивается основанное на упреждающей автономии право несовершеннолетних решать, какие генетические данные получать [14].

Право на воссоединение семьи, несмотря на положительный результат ДНК-теста, который подтверждает биологическую связь, может быть все равно ограничено, поскольку нет четкого законодательного закрепления того, что положительный анализ ДНК является обязательным условием для принятия решения о выдаче визы в целях воссоединения семьи. Если же анализ ДНК покажет отсутствие биологической связи между родственниками, это может привести к умалению права на воссоединение семьи и даже к разрушению семейных отношений.

Право на свободу передвижения ограничивается обязательным требованием прохождения теста ДНК в качестве условия для въезда в страну, а при отказе от прохождения теста ДНК въезд в страну не будет разрешен. Существенным ограничением права на сво-

боду передвижения является отказ во въезде в страну на основе отрицательного анализа ДНК, который показал отсутствие биологической связи.

При проведении анализа ДНК для воссоединения семьи или репатриации возникают две группы рисков. Одна связана с возможной утечкой, иным раскрытием личной генетической информации или повторным использованием такой информации. Вторая группа рисков связана именно с содержанием той информации, которая получена из анализа ДНК.

Если первая группа рисков имеет технический характер и минимизировать эти риски можно посредством усиления защиты генетической информации, то вторая группа рисков имеет этические свойства, которые минимизировать невозможно, поскольку ДНК-тест устанавливает определенный биологический факт.

В современных обществах, как правило, делается упор на необходимости достижения баланса между личной свободой и общим благом. Чем серьезнее угроза общественному порядку, тем сильнее аргументы в пользу ограничения личной свободы. Свобода личности, автономия и конфиденциальность могут быть ограничены посредством применения анализа ДНК в целях обеспечения общественной безопасности на основе пропорциональности, если уменьшение объема свободы личности, автономии и конфиденциальности от применения ДНК-тестирования прямо пропорционально увеличению объема общественной безопасности.

При этом пропорциональность между правом на воссоединение семьи и проведением генетического тестирования не всегда возможна, поскольку желание воссоединиться с семьей и прохождение для этого генетического тестирования могут привести к противоположному для заявителей результату, например при установлении отсутствия биологической связи между родственниками. О пропорциональности можно говорить в контексте отношения между оборотом полученной генетической информации и личными правами, которые могут пострадать, например от утечки генетических данных или повторного их использования.

Исследователи отмечают две важные проблемы, связанные с генетической конфиденциальностью. Одна проблема касается срока хранения результата анализа ДНК в базах данных [6] (как правило, он неопределенный). Вторая проблема – это повторное использование результатов ДНК-тестов. Так, в Германии, Австрии, Великобритании, Франции и Финляндии полученная генетическая информация хранится в базе данных, которую предоставляют подписавшим ее участникам Prüm Decision [20–21] в целях борьбы с терроризмом, трансграничной преступностью и нелегальной миграцией. Поскольку для этого не требуется согласия лица, которое прошло ДНК-тестирование, существует риск вторичного использования этих профилей ДНК без надлежащего согласия иммигрантов. Например, заявители, проходящие такое тестирование в Германии с целью воссоединения семьи, не могут отказаться от подобного вторичного использования своих данных и образцов. Другие страны прямо не предусматривают вторичного использования профилей ДНК, полученных в процессе генетического тестирования, но и не запрещают повторного использования генетической информации, что вызывает неопределенность [6].

Генетическая конфиденциальность в медицинском контексте связана с информационной конфиденциальностью, основанной на индивидуальной автономии и самоопределении, и подразумевает, что человек сам определяет, какая генетическая информация о нем должна быть доступна и при каких обстоятельствах, поскольку генетическая информация связана с биологическими данными, имеет сугубо личный характер [22] и качественно отличается от другой личной информации. Поэтому генетическая информация, в силу своей исключительности, требует не только добровольного информированного согласия, но и особой защиты.

Среди проблем, связанных с защитой генетической информации, особо выделяется то обстоятельство, что базы данных с биологическими образцами и генетической информацией, созданные на основе анализов ДНК в целях воссоединения семьи или репатриации, могут стать «совместимыми» с другими базами данных генетической информации, например су-

дебно-биометрическими базами данных или медицинскими базами данных. Кроме того, не исключается совместимость баз данных с генетической информацией с базами данных, содержащими иную информацию, в том числе с частными базами данных. Проблема конфиденциальности информации усугубляется, когда доступ к одной базе данных разрешает доступ к информации из других баз данных, особенно если предусмотрена связь между базами данных в разных странах, например в случае доступа к базам генетической информации международных правоохранительных органов разных стран. Необходимо предъявлять более высокие требования к защите биологических образцов и уделять ей особое внимание, поскольку безвозвратно анонимизировать эти данные невозможно [22]. Также нуждается в дополнительной проработке вопрос хранения генетической информации детей и обмена ею между государствами, в том числе когда такой обмен данными осуществляется в целях предотвращения торговли детьми и нелегальной миграции.

В Российской Федерации обязательного ДНК-тестирования в целях воссоединения семьи пока нет. Вместе с тем введение генетического тестирования иностранных граждан в целях воссоединения семьи в будущем возможно, поскольку формируется законодательное регулирование и создаются необходимые условия. Так, ст. 10 и 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [23] предусмотрено, что обработка специальных категорий персональных данных, касающихся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни допускается, если она необходима в связи с реализацией международных договоров Российской Федерации о реадмиссии и осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации о гражданстве РФ. Сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные), могут обрабатываться без согласия субъекта персональных данных в связи с реализацией международных договоров РФ о реадмиссии, осуществлением

правосудия и исполнением судебных актов, проведением обязательной государственной дактилоскопической регистрации, а также в случаях, предусмотренных законодательством РФ об обороне, безопасности, противодействии терроризму, транспортной безопасности, противодействии коррупции, оперативно-разыскной деятельности, государственной службе, а также в случаях, предусмотренных уголовно-исполнительным законодательством РФ, законодательством РФ о порядке выезда из РФ и въезда в РФ, гражданстве РФ и нотариате [23].

В соответствии с Федеральным законом от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [24] проводится добровольная государственная геномная регистрация граждан РФ, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, проживающих или временно пребывающих на территории Российской Федерации на основании письменного заявления и на платной основе. Геномная информация, полученная в результате проведения государственной геномной регистрации, используется в том числе в целях установления родственных отношений разыскиваемых (устанавливаемых) лиц [24]. Как отмечают Т. В. Попова и А. Б. Сергеев, формой ведения учета данных геномной регистрации граждан является Федеральная база данных геномной информации (ФБДГИ). С начала 2016 г. в рамках единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России начал функционировать прикладной сервис объединенной поисковой федеральной системы генетической идентификации «Ксенон-2», разработанный в целях повышения эффективности использования геномной информации при расследовании преступлений [25].

Постепенно российским законодательством на основе зарубежного опыта очерчивается сфера применения анализа ДНК. Можно сказать, что в России вырисовывается архитектура правового регулирования для проведения генетических тестирований и установления взаимосвязи баз данных генетической информации. Несмотря на то, что действующее законодательство прямо не определяет проведение ДНК-теста в иммиграционной сфере, в то же время оно не исключает

возможности прохождения данного теста для определения родственных связей в добровольном порядке, если такое генетическое тестирование необходимо.

Анализ ДНК для определения этнического происхождения точно также влияет на личные права человека, как и ДНК-тест по установлению родственных связей для воссоединения с семьей. Эти два вида ДНК-тестирования имеют идентичный спектр проблем, исследованных в данной статье. Полагаем, что основной риск проведения генетического тестирования для определения этнического происхождения заключается в том, что оно может привести к нарушению принципа равенства и возникновению дискриминации по генеалогическому признаку. На наш взгляд, введение генетических тестов для репатриации преждевременно, необходимо более глубокое изучение вопросов, связанных с ДНК-тестированием для определения этнического происхождения, в целях избежания витка новой дискриминации.

Следует заметить, что в России активно проводится научное ДНК-тестирование в целях изучения генетического разнообразия народов России в рамках государственной задачи – научиться по ДНК определять вероятную территорию происхождения человека на основе данных о большинстве народов страны [26]. Совет Министров Союзного государства Беларуси и России 16 июня 2017 г. принял Постановление № 26, в котором утвердил научно-техническую программу Союзного государства «Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства» (ДНК-идентификация) [27]. В рамках этой программы также планируется включить в геногеографическое исследование на базе имеющихся коллекций народы сопредельных стран, являющихся основным источником миграции [27].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Генетическое тестирование постепенно становится наиболее весомым доказательством в вопросах воссоединения семьи и репатриации. Активное использование биотех-

нологий позволяет государствам наиболее достоверно подтвердить биологическую связь между родственниками в целях предупреждения мошенничества, торговли детьми, незаконной миграции, но в то же время генетическое тестирование может стать основанием для ограничения многих личных прав добропорядочных людей. Метод ДНК-теста по определению этнической принадлежности, с одной стороны, открывает новые перспективы в вопросе репатриации, с другой – открывает ящик Пандоры (из-за рисков, связанных с расовой и этнической дискриминацией).

В любом случае использование анализа ДНК как в добровольном, так и в принудительном порядке активно развивается. Базы данных генетической информации людей, созданные государствами и частными лицами [28], делятся на четыре основных типа: судебные, медицинские, генеалогические, национальные [29]. Использование генетической информации из разных баз данных увеличивается, их совместимость улучшается, обмен генетическими данными между странами возрастает. По сути, биотехнологии, основанные на анализе ДНК, все больше внедряются во все значимые сферы жизнедеятельности. В Российской Федерации формируется правовое регулирование, связанное

с генетическим тестированием, создается генфонд населения страны. Постепенно очерчивается область будущего применения генетического тестирования в миграционной сфере и налаживается взаимосвязь баз данных с генетической информацией.

Вместе с тем нерешенной проблемой остается то, что обязательное или добровольное генетическое тестирование в целях воссоединения семьи или репатриации ограничивает следующие личные права человека: право на неприкосновенность частной жизни, включая вопросы конфиденциальности; право на воссоединение семьи, поскольку при отрицательном результате ДНК-теста его не реализовать; право на информационное самоопределение, включая право не знать результат ДНК-теста; право на свободу передвижения. Основные риски ДНК-тестирования можно разделить на две основные группы. Одни риски связаны с защитой биологических образцов и генетической информации, возможностью ее повторного использования без согласия лиц, прошедших ДНК-тест. Другие связаны с вопросами этики и касаются непосредственно результатов ДНК-теста, поскольку он может установить отсутствие биологической связи между членами семьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом № 1» (подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом №7» (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Taitz J., Weekers J. E. M., Mosca D. T. The Last Resort: Exploring the Use of DNA Testing for Family Reunification // Health and Human Rights. 2002. No. 6 (1). P. 20–32.
5. Helén I., Lemke T., Naue U., Weiss M. G. Suspect Families: DNA Analysis, Family Reunification and

REFERENCES

1. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on 04.11.1950) (as amended on 13.05.2004) (together with “Protocol No. 1” (Signed in Paris on 20.03.1952), “Protocol No. 4 on ensuring certain rights and freedoms in addition to those already included in the Convention and the first Protocol thereto” (Signed in Strasbourg on September 16, 1963), “Protocol No. 7” (Signed in Strasbourg on November 22, 1984)).
3. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989) (entered into force for the USSR on 15.09.1990). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
4. Taitz J., Weekers J. E. M., Mosca D. T. The Last Resort: Exploring the Use of DNA Testing for Family Reunification // Health and Human Rights. 2002. No. 6 (1). P. 20–32.

- Immigration Policies. URL: https://www.researchgate.net/publication/272167290_Suspect_Families_DNA_Analysis_Family_Reunification_and_Immigration_Policies (дата обращения: 10.04.2020).
6. Moreno P. G., Feze I. N., Joly Y. Does the end justify the means? A Comparative Study of the Use of DNA Testing in the Context of Family Reunification // Journal of Law and the Biosciences. 2017. Vol. 4, Iss. 2. P. 250–281.
7. Rabinowitz A. Recognize DNA Tests, Potentially Opening Gateway to Proving Jewishness. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/premium-will-dna-testing-become-the-gateway-to-proving-jewishness-1.7772764> (дата обращения: 15.02.2021).
8. Mc Gonigle I. V., Herman L. W. Genetic Citizenship: DNA Testing and the Israeli Law of Return // Journal of Law and the Biosciences. 2015. Vol. 2, Iss. 2. P. 469–478.
9. Staff T. Teen told she can't join Birthright without DNA test. URL: <https://www.timesofisrael.com/teen-told-she-cant-join-birthright-without-dna-test/> (дата обращения: 15.02.2021).
10. Zeiger A., Staff T. Russian-speakers who want to make aliya could need DNA test. URL: <https://www.timesofisrael.com/russian-speakers-who-want-to-immigrate-could-need-dna-test/> (дата обращения: 15.02.2021).
11. Miller A. The Policing of Religious Marriage Prohibitions in Israel: Religion, State, and Information Technology. URL: <https://repository.law.uic.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1753&context=jitpl> (дата обращения: 15.02.2021).
12. DNA Relationship Testing Procedures. URL: <https://travel.state.gov/content/travel/en/us-visas/immigrate/family-immigration/dna-relationship-testing-procedures.html> (дата обращения: 15.02.2021).
13. Heinemann T., Helén I., Lemke T., Naue U. Suspect Families: DNA Analysis, Family Reunification and Immigration Policies. URL: https://www.researchgate.net/publication/272167290_Suspect_Families_DNA_Analysis_Family_Reunification_and_Immigration_Policies (дата обращения: 15.02.2021).
14. Sabatello M., Appelbaum P. S. Raising Genomic Citizens: Adolescents and the Return of Secondary Genomic Findings. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4922508/> (дата обращения: 15.02.2021).
15. Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164 (принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.) Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Recht auf Nichtwissen. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Recht_auf_Nichtwissen (дата обращения: 15.02.2021).
17. Vaterschaftsanfechtungsverfahren: Begründung des hinreichenden Anfechtungsverdachts durch ein heimlich eingeholtes DNA-Abstammungsgutachten. URL: <http://www.rechtsprechung.niedersachsen.de/jportal/portal/page/bsndprod.psml?doc.id=KORE5517>
5. Helén I., Lemke T., Naue U., Weiss M. G. Suspect Families: DNA Analysis, Family Reunification and Immigration Policies. URL: https://www.researchgate.net/publication/272167290_Suspect_Families_DNA_Analysis_Family_Reunification_and_Immigration_Policies (accessed: 10.04.2020).
6. Moreno P. G., Feze I. N., Joly Y. Does the end justify the means? A Comparative Study of the Use of DNA Testing in the Context of Family Reunification // Journal of Law and the Biosciences. 2017. Vol. 4, Iss. 2. P. 250–281.
7. Rabinowitz A. Recognize DNA Tests, Potentially Opening Gateway to Proving Jewishness. URL: <https://www.haaretz.com/israel-news/premium-will-dna-testing-become-the-gateway-to-proving-jewishness-1.7772764> (accessed: 15.02.2021).
8. Mc Gonigle I. V., Herman L. W. Genetic Citizenship: DNA Testing and the Israeli Law of Return // Journal of Law and the Biosciences. 2015. Vol. 2, Iss. 2. P. 469–478.
9. Staff T. Teen told she can't join Birthright without DNA test. URL: <https://www.timesofisrael.com/teen-told-she-cant-join-birthright-without-dna-test/> (accessed: 15.02.2021).
10. Zeiger A., Staff T. Russian-speakers who want to make aliya could need DNA test. URL: <https://www.timesofisrael.com/russian-speakers-who-want-to-immigrate-could-need-dna-test/> (accessed: 15.02.2021).
11. Miller A. The Policing of Religious Marriage Prohibitions in Israel: Religion, State, and Information Technology. URL: <https://repository.law.uic.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1753&context=jitpl> (accessed: 15.02.2021).
12. DNA Relationship Testing Procedures. URL: <https://travel.state.gov/content/travel/en/us-visas/immigrate/family-immigration/dna-relationship-testing-procedures.html> (accessed: 15.02.2021).
13. Heinemann T., Helén I., Lemke T., Naue U. Suspect Families: DNA Analysis, Family Reunification and Immigration Policies. URL: https://www.researchgate.net/publication/272167290_Suspect_Families_DNA_Analysis_Family_Reunification_and_Immigration_Policies (accessed: 15.02.2021).
14. Sabatello M., Appelbaum P. S. Raising Genomic Citizens: Adolescents and the Return of Secondary Genomic Findings. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4922508/> (accessed: 15.02.2021).
15. Convention for the Protection of Human Rights and Human Dignity with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine ETS No. 164 (Adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on November 19, 1996. Accessed through Law assistance system "Consultant Plus". (In Russian).
16. Recht auf Nichtwissen. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Recht_auf_Nichtwissen (accessed: 15.02.2021).
17. Vaterschaftsanfechtungsverfahren: Begründung des hinreichenden Anfechtungsverdachts durch ein heimlich eingeholtes DNA-Abstammungsgutachten. URL: [http://www.rechtsprechung.niedersachsen.de/](http://www.rechtsprechung.niedersachsen.de/jportal/portal/page/bsndprod.psml?doc.id=KORE5517)

- 22004&st=null&showdoccase=1 (дата обращения: 15.02.2021).
18. Human Original and Ancestry. URL: <https://www.genome.gov/dna-day/15-ways/human-origins-ancestry> (дата обращения: 15.02.2021).
19. Weiss M. G. Strange DNA: The rise of DNA Analysis for Family Reunification and its Ethical Implications // *Genomics, Society and Policy*. 2011. Vol. 7. P. 1–19.
20. Stepping up cross-border cooperation (Prüm Decision). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ajl0005> (дата обращения: 15.02.2021).
21. Council decision 2008/615/JHA of 23 June 2008 “On the stepping up of cross-border cooperation, particularly in combating terrorism and cross-border crime”. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32008D0615> (дата обращения: 15.02.2021).
22. Миролюбова С. Ю. Геномная медицина в пренатальной диагностике, генетическом паспорте и в генной терапии : сб. науч. тр. / под ред. чл.-корр. РАН В. С. Баранова, д. б. н. А. С. Глотова. Новосибирск : Академиздат, 2020. С. 71–77.
23. О персональных данных : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 31 декабря 2017 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
24. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : федер. закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ (ред. от 17 декабря 2009 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
25. Попова Т. В., Сергеев А. Б. Федеральная база данных геномной информации в системе обеспечения баланса частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2017. № 1 (39). С. 132–139.
26. Кто и зачем собирает генетический материал россиян – страхи и реальность. URL: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=28594 (дата обращения: 15.02.2021).
27. О научно-технической программе Союзного государства «Разработка инновационных геногеографических и геномных технологий идентификации личности и индивидуальных особенностей человека на основе изучения генофондов регионов Союзного государства (ДНК – идентификация) : постановление Совета Министров Союзного государства Беларуси и России от 16 июня 2017 г. № 26. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
28. Genographic Project. URL: <https://genographic.nationalgeographic.com/> (дата обращения: 15.02.2021).
29. DNA database. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/DNA_database (дата обращения: 15.02.2021).
29. jportal/portal/page/bsndprod.psml?doc.id=KORE551722004&st=null&showdoccase=1 (accessed: 15.02.2021).
18. Human Original and Ancestry. URL: <https://www.genome.gov/dna-day/15-ways/human-origins-ancestry> (accessed: 15.02.2021).
19. Weiss M. G. Strange DNA: The rise of DNA Analysis for Family Reunification and its Ethical Implications // *Genomics, Society and Policy*. 2011. Vol. 7. P. 1–19.
20. Stepping up cross-border cooperation (Prüm Decision). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ajl0005> (accessed: 15.02.2021).
21. Council decision 2008/615/JHA of 23 June 2008 “On the stepping up of cross-border cooperation, particularly in combating terrorism and cross-border crime”. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:32008D0615> (accessed: 15.02.2021).
22. Mirolubova S. Yu. Genomnaia meditsina v prenatalnoi diagnostike, geneticheskome pasporte i v gennoi terapii: Collection of works / Ed. V. S. Baranov, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, A. S. Glotov, Dr. of Sciences (Biology) – Novosibirsk: Akademizdat, 2020. P. 71–77. (In Russian).
23. Federalnyi zakon ot 27 iuliia 2006 No. 152-FZ (red. ot 31 dekabria 2017 g.) “O personalnykh dannykh”. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
24. Federalnyi zakon ot 3 dekabria 2008 g. No. 242-FZ (red. ot 17 dekabria 2009 g.) “O gosudarstvennoi genomnoi registratsii v Rossiiskoi Federatsii”. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
25. Popova T. V., Sergeev A. B. The Federal Database of Genomic Information in the System of the Balance of Private and Public Interests in Criminal Proceeding // *Legal Science and Law Enforcement Practice*. Section 10. Criminalistic provision of law enforcement activities. 2017. No. 1 (39). P. 132–139. (In Russian).
26. Kto i zhem sobiraet geneticheskii material rossiiian – strakhi i realnost. URL: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=28594 (accessed: 15.02.2021). (In Russian).
27. Postanovlenie Soveta Ministrov Soiuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii ot 16 iunია 2017 g. No. 26 “O nauchno-tekhnikeskoi programme Soiuznogo gosudarstva “Razrabotka innovatsionnykh genogeograficheskikh i genomnykh tekhnologii identifikatsii lichnosti i individualnykh osobennostei cheloveka na osnove izucheniia genofondov regionov Soiuznogo gosudarstva” (“DNK – identifikatsiia”)”. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
28. Genographic Project. URL: <https://genographic.nationalgeographic.com/> (accessed: 15.02.2021).
29. DNA database. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/DNA_database (accessed: 15.02.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Миролюбова Светлана Юрьевна – кандидат юридических наук, эксперт, Федеральный реестр экспертов научно-технической сферы, Научно-исследовательский институт – Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы, Москва, Россия.

E-mail: ralf99@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Svetlana Yu. Mirolubova – Candidate of Sciences (Law), Expert, Federal Roster of Experts in the Scientific and Technological Sphere, Scientific Research Institute – Federal Research Centre for Projects Evaluation and Consulting Services, Moscow, Russia.

E-mail: ralf99@yandex.ru

УДК 347.173

DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-101-107

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДНОГО, ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
И ОСОЗНАННОГО СОГЛАСИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ:
ОПЫТ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И ВОЗМОЖНОСТЬ
ЕГО АДАПТАЦИИ В РОССИИ**

В. В. Руденко

Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

E-mail: emikh.valentina@gmail.com

В статье выявлены и проанализированы используемые в странах Латинской Америки основные механизмы реализации свободного, предварительного и осознанного согласия (далее – СПОС), рассмотрены их достоинства и недостатки. Методологическая стратегия статьи заключается в синтезе общенаучных методов и специальных частноправовых методов. Автор положительно оценивает использование международных механизмов реализации СПОС, а также степень детализации правового регулирования принципа СПОС при его встраивании в механизмы реализации прав коренных народов. Сделан вывод о возможности частичной адаптации опыта латиноамериканских стран в России, поскольку СПОС имеет высокий правозащитный, антиконфликтный, мобилизационный и интеграционный потенциал при реализации прав коренных народов.

Ключевые слова: коренные народы, согласие, Латинская Америка, право на самоопределение, право на консультации.

Для цитирования: Руденко В. В. Реализация принципа свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов: опыт стран Латинской Америки и возможность его адаптации в России // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 101–107. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-101-107.

**IMPLEMENTATION OF PRINCIPLE OF FREE, PRIOR
AND INFORMED CONSENT OF INDIGENOUS PEOPLES:
THE EXPERIENCE OF LATIN AMERICAN COUNTRIES
AND THE POSSIBILITY OF ITS ADAPTATION IN RUSSIA**

V. V. Rudenko

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

E-mail: emikh.valentina@gmail.com

The article identifies and analyzes the main mechanisms of implementation of the free, prior and informed consent (FPIC) of indigenous peoples used in the countries of Latin America. It considers their advantages and disadvantages. The article is based on the synthesis of the general scientific methods and specific legal methods. The author gives a positive assessment of the use of international mechanisms for the FPIC implementation, as well as the degree of detail for the legal regulation of the FPIC principle in the mechanisms for the realization of the rights of indigenous peoples. The article concludes on the possibility of partial adaptation of the experience of Latin American countries in Russia since FPIC has a high anti-conflict, mobilization, human rights and integration potential in the realization of the rights of indigenous peoples.

Keywords: indigenous peoples, consent, Latin America, right to self-determination, right to consultation.

For citation: Rudenko V. V. Implementation of Principle of Free, Prior and Informed Consent of Indigenous Peoples: The Experience of Latin American Countries and the Possibility of Its Adaptation in Russia // Surgut State University Journal. 2021. No. 1. P. 101–107. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-101-107.

ВВЕДЕНИЕ

По данным Всемирного банка, в странах Латинской Америки насчитывается 41 813 000

представителей коренных народов, что составляет 7,8 % от всего населения стран этого региона [1, с. 9]. Высокий процент коренных

народов является одним из факторов, обуславливающих ориентацию данных стран на внедрение механизмов защиты прав коренных народов в национальные правовые системы. В России, на наш взгляд, незаслуженно недооценивается латиноамериканский опыт в области защиты прав коренных народов и традиционно изучается опыт государств – членов Арктического Совета. Вместе с тем данный опыт достаточно прогрессивный, он может быть адаптирован в России в определенных пределах, связанных с особенностями российской правовой системы.

В рамках настоящей статьи ставятся следующие исследовательские задачи: выявить основные инструменты реализации свободного, предварительного и осознанного согласия в странах Латинской Америки, в том числе международные; проанализировать основные тенденции реализации СПОС; оценить достоинства и недостатки имеющихся в данных странах механизмов реализации СПОС; оценить возможность адаптации опыта в России. Научная новизна обусловлена отсутствием в России детального исследования опыта реализации принципа СПОС в странах Латинской Америки.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В качестве объекта исследования рассматриваются правовые отношения между коренными народами и органами публичной власти по реализации их прав на основе принципа СПОС. Материалами для изучения данного объекта избраны международные документы, включая исследования и доклады специальных международных механизмов, акты национального права латиноамериканских государств, общинное право коренных народов данных стран, а также современные работы ученых в области исследования отношений коренных народов и органов публичной власти на основе принципа СПОС. Использовано сочетание как общенаучных методов познания (метод системного анализа, восхождения от абстрактного к конкретному, восхождения от единичного к общему (индукции), метод синтеза, сравнительный метод, типологический метод, контент-анализ), так и специальных правовых, частнонаучных исследовательских методов (метод сравнительного

правоведения, метод теоретико-правового моделирования, формально-юридический метод и метод правовой герменевтики).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В странах Латинской Америки СПОС коренных народов получило широкое закрепление: используются международные механизмы, составляющие основу для данного принципа, он закрепляется в качестве элемента реализации прав коренных народов как на конституционном, так и на законодательном уровнях, включается в стандарты лучших практик отдельных компаний и даже входит в состав общинного права коренных народов.

Активно используются три основных инструмента международных правительственных организаций: Международная конвенция Международной организации труда о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах 1989 г. № 169 (далее – Конвенция МОТ 169) [2], Декларация ООН о правах коренных малочисленных народов 2007 г. (далее – ДПКН) [3], Американская декларация о правах коренных народов 2016 г. (далее – АПКН) (Организация Американских Государств – ОАГ) [4]. 16 из 23 государств, ратифицировавших Конвенцию МОТ 169, являются странами Латинской Америки. Практически все латиноамериканские государства проголосовали за принятие ДПКН (Колумбия воздержалась), и в большинстве государств действует АПКН (Куба не является членом ОАГ, в Колумбии действует с оговорками). В России Конвенция МОТ 169 не ратифицирована, что связано, прежде всего, с вопросом о признании за коренными народами прав на землю [5, с. 62]. При голосовании по вопросу принятия ДПКН Россия воздержалась, что во многом обусловлено содержанием ст. 3 данной декларации, признающей за коренными народами права на самоопределение, включая право на свой политический статус [6, с. 160].

СПОС встраивается в комбинацию трех взаимосвязанных и взаимодополняющих прав коренных народов: права высказывать свое мнение, права на участие и права на земли, территории и ресурсы, что вытекает из ст. 10, 11, 19, 28, 29 и 32 ДПКН в их взаимосвязи. Хотя в Конвенции МОТ нет формулировок

о «свободном, предварительном и осознанном согласии», в ней присутствуют определенные требования в отношении согласия, которые не исключают применение подхода, основанного на принципе СПОС [2, 7].

В АПКН СПОС употребляется в контексте права на культурную идентичность и интеграцию (ст. XIII), права на здоровье (ст. XVIII), права на участие (ст. XXIII), права на культурное наследие (ст. XXVIII), права на развитие (ст. XXIX) [4].

Принципиальным отличием межамериканской системы защиты прав человека является наличие механизмов реализации принятых на себя государствами обязательств в виде органов ОАГ (Межамериканская комиссия по правам человека и Межамериканский суд). Ежегодно Межамериканский суд рассматривает несколько десятков дел, затрагивающих права коренных народов, в том числе и принцип СПОС. Например, дело «Община Авас Тингни против Никарагуа» 1995 г., в котором рассматривался вопрос о незаконной вырубке леса без согласования с общиной; дело «Народ Сарамакки против Суринаме» 2008 г. об ограничении прав на землю данного народа и препятствовании доступа к правосудию, в рамках которого судом высказаны позиции о том, что консультации должны проходить на всем протяжении реализации проекта, предполагая постоянную коммуникацию между сторонами; их не следует смешивать с проведением общественных слушаний по охране окружающей среды и нормативным документам, а также об обязанности государств получить СПОС относительно крупномасштабных девелоперских или инвестиционных проектов, которые окажут существенное влияние на коренные народы [8, с. 26–27; 9, с. 35].

Среди 27 компаний горнодобывающей и металлургической промышленности – участников международной неправительственной организации «Международный совет в области добывающей и металлургической промышленности», на уровне которой СПОС обозначено в качестве принципа, который необходимо соблюдать как в процессе планирования деятельности, связанной с правами коренных народов, так и непосредственно в ходе такой деятельности, а также закреплён принцип доб-

росовестности переговоров [10], представлены пять латиноамериканских организаций: Antofagasta Minerals (Чили, с 2014 г.), Codelco (Чили, с 2011 г.), Mineral San Cristobal S.A. (Боливия, с 2018 г.), Minsur (Перу, с 2018 г.), Vale (Бразилия, с 2017 г.) [11].

СПОС не является самодостаточным механизмом, поэтому его реализация изначально зависит от базовых предпосылок защиты прав коренных народов: закрепления права на самоопределение и свободы от расовой дискриминации [12, с. 30]. На уровне ООН отмечается, что три момента предопределяют эффективность СПОС: контроль над ресурсами, восприятие культурной самобытности и достоинства коренных народов, устранение дисбаланса в положении коренных народов и взаимодействующих с ними субъектов [13]. Процессы внедрения принципа СПОС в практику заметно активизировались в 2000-х гг. В Боливии новая Конституция 2009 г. является всеобъемлющим инструментом признания прав коренных народов, в том числе права на предварительные консультации с государством в отношении любых законодательных или административных мер, которые влияют на коренное население страны. В 2016 г. в Чили инициирован процесс конституционной реформы. Чтобы обеспечить участие коренных народов в соответствии с обязательствами государства, согласно Конвенции МОТ 169, Министерство социального развития создало механизм, известный как конституционный процесс признания прав коренных народов. В соответствии с Законом 2011 г. № 1448 о реституции земли Правительство Колумбии обязано проводить консультации с коренными народами при принятии решений. Конституция Эквадора 2008 г. признает коллективные права коренных народов, включая общинную собственность на земли; автономию в управлении; участие в органах власти через представителей; право СПОС в отношении планов и программ, регулирующих использование ресурсов, расположенных на их традиционных территориях; право на участие в выгодах от проектов; право на компенсацию. Согласно поправкам 2016 г. в Конституции Мексики 1917 г. закреплена обязанность властей консультироваться по вопросам государственного и местного развития, а также право коренных

народов на самоуправление [14, с. 10–11; 15, с. 34–36]. В Бразилии необходимость СПОС звучит лейтмотивом политических заявлений Министра горнодобывающей промышленности и энергетики, хотя сложившаяся после избрания действующего президента ситуация не способствует изменению законодательства в данном направлении [16, с. 365–369].

Во многих латиноамериканских государствах стали появляться законы, практика и руководящие принципы проведения консультаций и получения согласия. Общий механизм консультаций с целью получения свободного, предварительного и осознанного согласия был утвержден в Коста-Рике [12, с. 19]. Подобные законы, практика или руководящие принципы также есть в Аргентине, Венесуэле, Гватемале, Перу, Чили и Эквадоре. Согласие может выражаться, например, в форме договоров, соглашений и контрактов. Нередко условия такого согласия фиксируются в меморандуме о договоренности или понимании или в ином документе, удовлетворительном с точки зрения коренных народов. Зачастую предоставляется возможность дать согласие на каждый соответствующий аспект предложения или проекта.

Большое значение на национальном уровне в деле реализации принципа СПОС имеют судебные органы. В январе 2018 г. Федеральный суд в штате Амазонас в Бразилии потребовал соблюдать требование получения свободного, предварительного и осознанного согласия народа ваймириатроари на любой закон или план развития, затрагивающий их интересы, а также на любую военную деятельность на их землях [12, с. 18]. В Колумбии нет закона, регулирующего процедуру реализации СПОС, но в период между 1991 и 2012 г., в соответствии с обязательствами, возложенными Конституционным судом, в стране было проведено около 156 консультаций, причем как минимум в трех случаях коренные народы возражали против предлагаемых проектов и мероприятий [12, с. 19].

К числу факторов, которые влияют на оценку того, требуется ли СПОС, в странах Латинской Америки можно отнести: приоритеты соответствующих коренных народов; характер вопроса или предлагаемой деятельности и масштаб потенциального воздей-

ствия на коренные народы с учетом, в частности, совокупного воздействия предыдущих мероприятий или деятельности [17].

В целом закрепление принципа СПОС в странах Латинской Америки отвечает его правозащитному потенциалу, но имеется тенденция следования пониманию согласия в контексте Конвенции МОТ 169, которое, по мнению экспертов механизмов ООН, не может рассматриваться в качестве эффективного принципа реализации права на участие, и потому данная Конвенция и ДПКН должны рассматриваться в совокупности, в связи с чем страны, ратифицировавшие Конвенцию МОТ 169, должны закреплять механизмы согласия в понимании ДПКН и не ограничиваться формальным согласием в контексте консультаций [12].

Значительное количество латиноамериканских промышленных компаний присоединилось к Глобальному договору, целью которого является добровольное принятие компаниями на себя обязательств по выполнению социальной ответственности перед коренными народами, в том числе и на основе выполнения принципа СПОС: Колумбия – 572, Бразилия – 1097, Боливия – 41, Аргентина – 418, Перу – 82, Чили – 97, Парагвай – 114. Для сравнения в России таких участников 73 [18].

Коренные народы Латинской Америки разрабатывают свои протоколы для выражения свободного, предварительного и осознанного согласия (в частности, в Боливии, Бразилии, Гватемале, Гондурасе, Колумбии, Парагвае) [12, с. 18]. Разработка этих протоколов является инструментом расширения прав и возможностей коренных народов, что тесно связано с их правами на самоопределение, создание собственных институтов принятия решений. В некоторых случаях эти протоколы были признаны государством (например, в Бразилии).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что реализацию принципа СПОС в латиноамериканских странах не стоит идеализировать. Во многих государствах отсутствуют ресурсы и необходимые реальные механизмы его реализации, имеется высокий конфликтный потенциал в сфере выдачи лицензий и наблюдаются частные судебные споры [19, с. 210], но тем не менее

общие векторы развития законодательства, в том числе конституционного, и правоприменительная практика реализации данного принципа могут быть учтены и в России.

Прежде всего, обращают на себя внимание стремление латиноамериканских государств следовать международным стандартам в области защиты прав коренных народов, а также ориентация на данные стандарты. В России же базовые акты ООН в данной сфере не ратифицированы, хотя они и оказывают косвенное влияние на законодательство РФ. В нашей стране принцип СПОС непосредственно не закреплён, но нельзя сказать, что он не используется в законодательстве РФ – имеется его фрагментарное закрепление: предусмотрен институт этнологической экспертизы, закреплены механизмы консультаций, в усечённом виде закреплён порядок заключения соглашений между коренными народами и органами государства. На уровне отдельных регионов сложилась практика использования этнологической экспертизы в качестве инструмента согласования интересов коренных народов, промышленных организаций и государства, а также практика заключения двусторонних (редко трёхсторонних) соглашений. Что касается этнологической экспертизы, то только в двух субъектах РФ приняты отдельные специальные законы о данном виде экспертизы (Республика Саха (Якутия) и Сахалинская область), ещё в нескольких субъектах РФ закреплены основы этнологической экспертизы, но в законах, имеющих более широкий предмет правового регулирования (Красноярский и Хабаровский край, Амурская, Кемеровская и Сахалинская области, Ненецкий автономный округ, Карачаево-Черкесская Республика и др.). Договорные практики используются в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, Сахалинской и Иркутской областях, в Республике Саха (Якутия) и ряде других субъектов РФ. Особо выделяются Сахалинская область, где договорная практика была выведена на более высокий уровень за счёт перехода от компенсирующих соглашений к Плану содействия развитию коренных

народов, и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, где согласительные процедуры закреплёны в рамках законодательства о недропользовании и разработано модельное соглашение недропользователей с субъектами права традиционного природопользования [20, с. 53]. Но обозначенные меры как на уровне РФ, так и на уровне субъектов РФ не позволяют обеспечить полноту правового регулирования и обеспечить эффективную реализацию права на участие.

Вместе с тем не стоит недооценивать потенциал данного принципа. Поиск согласия лежит в основе договоренностей между коренными народами и властями, между коренными народами и бизнесом, важен для устранения дисбаланса в положении обозначенных субъектов. В этом заключается антиконфликтный потенциал СПОС. Вот почему закрепление детальных процедур достижения согласия, в том числе консультаций, соглашений различной правовой природы, механизмов их реализации, приобретает особую значимость. Более того, как механизм реализации коллективных прав СПОС направлен на охрану коллективной самобытности коренных народов. Встраивание СПОС в механизмы защиты прав коренных народов имеет высокий правозащитный потенциал, поэтому необходимо встраивать СПОС в реализационные механизмы конкретных прав коренных народов в России. В деле противостояния коренных народов решениям и проектам, наносящим явный значительный урон коренным народам, СПОС может иметь также мобилизационный и интегрирующий потенциал.

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА

Исследование проведено при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», руководитель – академик РАН В. Н. Руденко).

ЛИТЕРАТУРА

1. Davis-Castro C. Indigenous People: Statistical Information. Report of the Congressional Research Center.

REFERENCES

1. Davis-Castro C. Indigenous People: Statistical Information. Report of the Congressional Research

2020. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46225> (дата обращения: 25.10.2020).
2. Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 25.10.2020).
3. Международная конвенция Международной организации труда о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах 1989 г. № 169. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 25.10.2020).
4. American Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, Organization of American States, June 15, 2016. URL: <https://www.oas.org/en/sare/documents/DecAmIND.pdf> (дата обращения: 25.10.2020).
5. Кряжков В. А., Гарипов В. Р. Конвенция МОТ № 169 и российское законодательство о коренных малочисленных народах // Государство и право. 2019. № 2. С. 52–64. DOI 10.31857/S013207690006730-5.
6. Андриченко Л. В. Роль международных правовых актов в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Анализ российской и зарубежной правовой базы, международных правовых актов, а также правоприменительной практики в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М. : Изд. Гос. Думы, 2019. С. 155–173.
7. Rombouts S. J. The Evolution of Indigenous Peoples' Consultation Rights under the ILO and UN Regimes // Stanford Journal of International Law. 2017. Vol. 53, No. 2. P. 169–224.
8. Гарипов Р. Ш. Защита прав коренных народов в рамках межамериканской системы защиты прав человека // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2010. № 1. С. 25–27.
9. Situation of Human Rights of the Indigenous and Tribal Peoples of the Pan-Amazon Region. Inter-American Commission on Human Rights. 2019. URL: <http://www.oas.org/en/iachr/reports/pdfs/Panamazonia2019-en.pdf> (дата обращения: 30.10.2020).
10. International Council on Mining and Metal. Good Practice Guide to Indigenous People and Mining. 2013. URL: <https://guidance.miningwithprinciples.com/> (дата обращения: 30.10.2020).
11. Companies members of International Council on Mining and Metals. URL: <http://www.icmm.com/> (дата обращения: 30.10.2020).
12. Situation of Human Rights of the Indigenous and Tribal Peoples of the Pan-Amazon Region. Inter-American Commission on Human Rights. 2019. URL: <http://www.oas.org/en/iachr/reports/pdfs/Panamazonia2019-en.pdf> (дата обращения: 30.10.2020).
13. Исследование экспертного механизма по правам коренных народов ООН «Свободное, предварительное и осознанное согласие» 2018 г. A/HRC/39/62. URL: <https://undocs.org/ru/> (дата обращения: 30.10.2020).
- Center. 2020. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46225> (accessed: 25.10.2020).
2. Deklaraciya OON o pravah korennykh narodov 2007. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (accessed: 25.10.2020). (In Russian).
3. Mezhdunarodnaia konventsiiia Mezhdunarodnoi organizatsii truda o korennykh narodakh i narodakh, vedushchikh plemennoi obraz zhizni v nezavisimyykh stranakh 1989 g. No. 169. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (accessed: 25.10.2020). (In Russian).
4. American Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, Organization of American States, June 15, 2016. URL: <https://www.oas.org/en/sare/documents/DecAmIND.pdf> (accessed: 25.10.2020).
5. Garipov R., Kryazhkov V. ILO 169 Convention and Russian Legislation on Indigenous Minorities // Gosudarstvo i pravo. 2019. No. 2. P. 52–64. DOI 10.31857/S013207690006730-5. (In Russian).
6. Andrichenko L. V. Rol mezhdunarodnykh pravovykh aktov v oblasti zashchity prav korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka // Analiz rossiiskoi i zarubezhnoi pravovoi bazy, mezhdunarodnykh pravovykh aktov, a takzhe pravoprimenitelnoi praktiki v oblasti zashchity prav korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka rossiiskoi Federatsii. Moscow : Izdanie Gosudarstvennoi Dumy, 2019. P. 155–173. (In Russian).
7. Rombouts S. J. The Evolution of Indigenous Peoples' Consultation Rights under the ILO and UN Regimes // Stanford Journal of International Law. 2017. Vol. 53, No. 2. P. 169–224.
8. Garipov R. Sh. Zashchita prav korennykh narodov v ramkakh mezhamerikanskoi sistemy zashchity prav cheloveka // Elektronnoe prilozhenie k "Rossiiskomu iuridicheskomu zhurnalu". 2010. No. 1. P. 25–27. (In Russian).
9. Situation of Human Rights of the Indigenous and Tribal Peoples of the Pan-Amazon Region. Inter-American Commission on Human Rights. 2019. URL: <http://www.oas.org/en/iachr/reports/pdfs/Panamazonia2019-en.pdf> (accessed: 30.10.2020).
10. International Council on Mining and Metal. Good Practice Guide to Indigenous People and Mining. 2013. URL: <https://guidance.miningwithprinciples.com/> (accessed: 30.10.2020).
11. Companies members of International Council on Mining and Metals. URL: <http://www.icmm.com/> (accessed: 30.10.2020).
12. Situation of Human Rights of the Indigenous and Tribal Peoples of the Pan-Amazon Region. Inter-American Commission on Human Rights. 2019. URL: <http://www.oas.org/en/iachr/reports/pdfs/Panamazonia2019-en.pdf> (accessed: 30.10.2020).
13. Issledovanie ekspertnogo mekhanizma po pravam korennykh narodov OON "Svobodnoe, predvaritelnoe i osoznannoe soglasie" 2018 g. A/HRC/39/62. URL: <https://undocs.org/ru/> (accessed: 30.10.2020). (In Russian).

14. Guarantying Indigenous People's Rights: Progress in the Past Decades and Remaining Challenges. The United Nations, ECLAC, 2014. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/37051/4/S1420782_en.pdf (дата обращения: 30.10.2020).
15. The state of the world's indigenous people: Implementing the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, 4th volume. The United Nations, 2019. URL: <https://social.un.org/unpfii/sowip-vol4-web.pdf> (дата обращения: 30.10.2020).
16. The Indigenous World 2020. Ed. by Dwayne Mamo. 784 p. URL: http://iwgia.org/images/yearbook/2020/IWGIA_The_Indigenous_World_2020.pdf (дата обращения: 30.10.2020).
17. Painter M., Castillo O. The Impacts of Large-Scale Energy Development: Indigenous People and the Bolivia-Brazil Gas Pipeline // Human Organization. 2014. Vol. 73, No. 2. P. 116–123.
18. Participants of the United Nations Global Impact. URL: <https://www.unglobalcompact.org/interactive> (дата обращения: 30.10.2020).
19. Borioni R., Gallardo A. L., Sánchez L. E. Advancing Scoping Practice in Environmental Impact Assessment: an Examination of the Brazilian Federal System // Impact Assessment and Project Appraisal. 2017. No. 35 (3). P. 200–213. DOI 10.1080/14615517.2016.1271535.
20. Стребкова Н. В. О некоторых аспектах защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре // Вестник Сургут. гос. ун-та. 2020. № 4. С. 49–60. DOI 10.34822/2312-3419-2020-4-49-60.
14. Guarantying Indigenous People's Rights: Progress in the Past Decades and Remaining Challenges. The United Nations, ECLAC, 2014. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/37051/4/S1420782_en.pdf (accessed: 30.10.2020).
15. The state of the world's indigenous people: Implementing the United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, 4th volume. The United Nations, 2019. URL: <https://social.un.org/unpfii/sowip-vol4-web.pdf> (accessed: 30.10.2020).
16. The Indigenous World 2020. Ed. by Dwayne Mamo. 784 p. URL: http://iwgia.org/images/yearbook/2020/IWGIA_The_Indigenous_World_2020.pdf (accessed: 30.10.2020).
17. Painter M., Castillo O. The Impacts of Large-Scale Energy Development: Indigenous People and the Bolivia-Brazil Gas Pipeline // Human Organization. 2014. Vol. 73, No. 2. P. 116–123.
18. Participants of the United Nations Global Impact. URL: <https://www.unglobalcompact.org/interactive> (accessed: 30.10.2020).
19. Borioni R., Gallardo A. L., Sánchez L. E. Advancing Scoping Practice in Environmental Impact Assessment: an Examination of the Brazilian Federal System // Impact Assessment and Project Appraisal. 2017. No. 35 (3). P. 200–213. DOI 10.1080/14615517.2016.1271535.
20. Strebkova N. V. Some Aspects for Protection of Original Habitat, Traditional Way of Life and Traditional Nature Use of Indigenous Peoples of the North in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra // Surgut State University Journal. 2020. No. 4. P. 49–60. DOI 10.34822/2312-3419-2020-4-49-60. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Руденко Валентина Викторовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург, Россия.
E-mail: emikh.valentina@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Rudenko – Candidate of Sciences (Law), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: emikh.valentina@gmail.com

УДК 347.963
DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-108-113

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В. Ю. Стельмах

*Уральский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Екатеринбург, Россия
E-mail: vlstelmah@mail.ru*

В статье рассматривается правовая природа полномочий Генерального прокурора Российской Федерации в уголовном судопроизводстве. Несмотря на большое количество научных работ, посвященных изучению различных аспектов деятельности прокурора в уголовном процессе, непосредственно полномочия Генерального прокурора РФ не исследовались. Цель исследования – обобщение и классификация уголовно-процессуальных полномочий Генерального прокурора РФ. Задача статьи – определить специфику полномочий Генерального прокурора РФ в уголовном судопроизводстве, выявить их отличия от полномочий всех иных нижестоящих прокуроров. Исследование базируется на методе структурно-функционального анализа, в соответствии с которым все явления изучаются с учетом системных закономерностей. Также применялись методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также формально-юридический метод. В результате произведена классификация полномочий Генерального прокурора РФ. Все полномочия объединены в 3 группы: 1) полномочия высшего прокурора; 2) исключительные процессуальные полномочия, имеющие уголовно-процессуальную природу и принадлежащие только Генеральному прокурору РФ; 3) экстраординарные полномочия, имеющие комплексную межотраслевую природу (обращение с представлениями о лишении неприкосновенности).

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное производство, возбуждение уголовного дела, предварительное расследование, прокурор, вышестоящий прокурор, Генеральный прокурор Российской Федерации, прокурорский надзор, уголовное преследование, лишение неприкосновенности от уголовного преследования.

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Классификация полномочий Генерального прокурора Российской Федерации в уголовном судопроизводстве // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1. С. 108–113. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-108-113.

CLASSIFICATION OF THE POWERS OF THE PROSECUTOR GENERAL OF THE RUSSIAN FEDERATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

V. Yu. Stelmakh

*Ural Law Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia
E-mail: vlstelmah@mail.ru*

The article describes the legal nature of the powers of the Prosecutor General of the Russian Federation in criminal proceedings. Despite a considerable amount of scientific work on the study of various aspects of the prosecutor's activities in criminal proceedings, the powers of the Prosecutor General were not investigated closely. The purpose of the article is to summarize and classify the criminal procedure powers of the Prosecutor General. The article aims to clarify the specifics of the powers of the Prosecutor General in criminal proceedings, their difference from the powers of all other inferior prosecutors. The study is based on the method of structural-functional analysis, according to which all phenomena are studied in connection with systemic laws. Methods such as analysis and synthesis, induction and deduction, and formal legal method were also used. As a result, the powers of the Prosecutor General were classified. All powers are summarized into three groups: a) the powers of a superior prosecutor; b) exclusive procedural powers, having a criminal procedure nature and belonging only to the Prosecutor General; c) extraordinary powers, having a complex intersectoral nature (handling ideas about deprivation of immunity).

Keywords: criminal proceedings, pre-trial proceedings, initiation of criminal case, preliminary investigation, prosecutor, superior prosecutor, Prosecutor General of the Russian Federation, prosecutor's supervision, criminal prosecution, deprivation of immunity from criminal prosecution.

For citation: Stelmakh V. Yu. Classification of the Powers of the Prosecutor General of the Russian Federation in Criminal Proceedings // Surgut State University Journal. 2021. No. 1. P. 108–113. DOI 10.34822/2312-3419-2021-1-108-113.

ВВЕДЕНИЕ

Как досудебные, так и судебные стадии уголовного судопроизводства предполагают активное участие представителей прокуратуры. В досудебном производстве прокурор осуществляет надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Попытки выстроить досудебные стадии уголовного процесса без участия прокурора или кардинально сократить его полномочия потерпели неудачу, и очевидной тенденцией является восстановление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) прав прокурора по надзору за предварительным расследованием, а также по осуществлению уголовного преследования [1, с. 12].

Несмотря на то, что в науке активно разрабатываются вопросы прокурорского надзора, не все аспекты этого правового феномена исследованы полностью. В частности, не получил должного изучения вопрос о полномочиях Генерального прокурора Российской Федерации в уголовном судопроизводстве. Рассмотрение Генерального прокурора РФ в качестве «одного из прокуроров» не позволяет уяснить специфику не только его полномочий, но и юридической природы реализуемых им прав.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Объект исследования – совокупность полномочий Генерального прокурора Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства.

Предметом исследования являются положения УПК РФ, Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», регламентирующие особенности участия Генерального прокурора РФ в уголовном судопроизводстве, а также научная литература по данному вопросу.

В статье использовался метод структурно-функционального анализа, предполагающий

изучение всех явлений во взаимосвязи, с учетом взаимозависимостей. Также применялись методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, формально-юридический и логический методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Прокуратура Российской Федерации представляет собой единую централизованную систему, возглавляемую Генеральным прокурором Российской Федерации.

Прокуроры всех уровней территориальных и специализированных прокуратур вовлечены в деятельность по надзору за органами предварительного расследования. Следует учитывать, что термин «прокурор» в УПК РФ употребляется в двух значениях. Когда речь идет об участии в судебных заседаниях (как во время судебного рассмотрения уголовного дела, так и в рамках осуществления судебного контроля в досудебном производстве), под прокурором понимается любой сотрудник прокуратуры (собственно прокурор, его заместитель, помощник прокурора, иное должностное лицо органа прокуратуры). Вместе с тем при осуществлении надзора за деятельностью органов предварительного расследования статусом прокурора в уголовно-процессуальном понимании наделяются только непосредственно прокурор (руководитель органа прокуратуры) и его заместитель, иные должностные лица органов прокуратуры полномочий по надзору за предварительным расследованием не имеют.

В уголовном судопроизводстве участвует и Генеральный прокурор Российской Федерации. При этом, несмотря на подробную проработку различных проблем, связанных с реализацией прокурорами своих функций [2–8], вопрос об особенностях правового статуса Генерального прокурора РФ в науке не обсуждался. Ученые, очевидно, исходят из того, что он обладает всеми полномочиями «обычного» прокурора, но является вы-

шестоящим прокурором. Вместе с тем проблема несколько сложнее, статус Генерального прокурора Российской Федерации не исчерпывается только правами и обязанностями прокурора, указанными в УПК РФ. Точнее, некоторые полномочия Генерального прокурора РФ, хотя и закреплены в уголовно-процессуальном законе, выходят за рамки полномочий «обычного» прокурора как ординарного участника уголовного судопроизводства.

Сразу необходимо оговориться, что право Генерального прокурора Российской Федерации на издание нормативных актов, обязательных для поднадзорных органов предварительного расследования, нельзя причислить к уголовно-процессуальным полномочиям Генерального прокурора РФ. Издавая эти акты, Генеральный прокурор РФ реализует нормотворческую функцию. Соответствующие акты, будучи нормативными, принимаются не по конкретному уголовному делу, а содержат абстрактные универсальные нормы, регламентирующие деятельность прокуроров (и отчасти – поднадзорных органов) во всех аналогичных ситуациях [9, с. 17–18].

В уголовном судопроизводстве Генеральный прокурор Российской Федерации, как и все нижестоящие прокуроры, выполняет функции надзора за деятельностью органов предварительного расследования и осуществлением уголовного преследования [10, с. 62]. При этом его конкретные полномочия и формы деятельности зачастую отличаются от тех, что присущи остальным прокурорам. Причем эти отличия обусловлены не только естественным состоянием Генерального прокурора РФ как руководителя системы органов прокуратуры, но и возложением на него некоторых обязанностей, присущих не столько прокурору как участнику уголовного судопроизводства, сколько руководителю прокуратуры как особого государственного органа.

Представляется, что полномочия Генерального прокурора Российской Федерации в уголовном судопроизводстве можно подразделить на три группы.

Первая группа полномочий – это полномочия вышестоящего прокурора [11, с. 72–74], которые указаны в п. 6 ч. 1 ст. 37 УПК РФ и некоторых иных нормах уголовно-

процессуального закона (ч. 4 ст. 41, ч. 1 ст. 66, ч. 4 ст. 124, ч. 4 ст. 221 УПК РФ).

Следует учитывать, что фактически Генеральный прокурор РФ не осуществляет полномочий по непосредственному надзору за органом предварительного расследования. Хотя Генеральная прокуратура Российской Федерации как таковая надзирает за деятельностью подразделений предварительного расследования центральных аппаратов правоприменительных органов (например, за Главным следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации, Следственным департаментом МВД России, Следственным управлением ФСБ России), функции надзирающего прокурора в этих случаях выполняет заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в соответствии с распределением обязанностей, установленным Генеральным прокурором РФ. Такой подход представляется правильным не только из-за чрезвычайной занятости Генерального прокурора РФ, но в первую очередь в силу того, что у органа предварительного расследования всегда должна оставаться возможность обжалования решений и указаний надзирающего прокурора. Если бы надзор за названными подразделениями осуществлял Генеральный прокурор Российской Федерации, т. е. должностное лицо, единолично возглавляющее иерархически построенную систему органов прокуратуры, возможность обжалования его решений изначально бы отсутствовала.

Генеральный прокурор Российской Федерации в рассматриваемом аспекте является по отношению к своему заместителю вышестоящим прокурором, рассматривая жалобы на его решения, как со стороны органов предварительного расследования, так и со стороны участников судопроизводства, не обладающих государственно-властными полномочиями.

Представляется, что, несмотря на отсутствие формального запрета для Генерального прокурора Российской Федерации непосредственно осуществлять надзорные полномочия за каким-либо органом расследования (более того, такой запрет не может быть законодательно сформулирован в силу того, что именно Генеральный прокурор РФ возглавляет систему органов прокуратуры Рос-

сийской Федерации и поэтому должен обладать всеми полномочиями, имеющимися у нижестоящих прокуроров), крайне нецелесообразно, чтобы лично Генеральный прокурор осуществлял какие-либо полномочия по надзору за предварительным расследованием, кроме рассмотрения жалоб на действия нижестоящих прокурора, оценки законности принимаемых ими решений. При этом Генеральный прокурор РФ вполне может лично утверждать обвинительные заключения по конкретным уголовным делам, поскольку после принятия этого решения производство по делу переходит в другую стадию производства. Утверждая обвинительное заключение, Генеральный прокурор РФ формулирует позицию по данному делу органов прокуратуры в целом, и эта позиция рассматривается и оценивается только судом. В рамках собственно прокурорской системы оценка принятого решения уже не производится (за исключением случаев обжалования судебного акта, но в таком случае решение об этом также должно приниматься лично Генеральным прокурором РФ).

Данный подход отнюдь не направлен на умаление роли Генерального прокурора Российской Федерации. Напротив, он призван подчеркнуть уникальное место данного должностного лица среди всех лиц, наделенных статусом прокурора в уголовном судопроизводстве.

Вторая группа полномочий – это исключительные полномочия, которые, имея отраслевой (уголовно-процессуальный) характер, принадлежат только Генеральному прокурору РФ. Таковым, например, является право Генерального прокурора РФ определять судьбу требований об устранении нарушений федерального законодательства, внесенных нижестоящим прокурором органу предварительного расследования, если эти требования отклонены руководителями соответствующего органа предварительного расследования всех уровней, вплоть до федерального (ч. 6 ст. 37 УПК РФ). Разумеется, в реальной практической деятельности до личного вмешательства Генерального прокурора РФ дело не доходит, но теоретически подобная ситуация возможна, поэтому наличие подобной нормы в УПК РФ обоснованно.

Кроме того, к данной группе следует отнести полномочие Генерального прокурора Российской Федерации на заявление ходатайства о передаче уголовного дела для рассмотрения по существу из территориального суда общей юрисдикции в окружной (флотский) военный суд при наличии реальной угрозы личной безопасности участников судебного разбирательства, их родственников или близких лиц (ч. 4 ст. 35 УПК РФ).

Третья группа полномочий – это экстраординарные полномочия комбинированного характера (конституционно-уголовно-процессуального). В настоящее время таковыми являются полномочия Генерального прокурора Российской Федерации:

- по направлению Президенту Российской Федерации представления о временном отстранении от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (ч. 5 ст. 114 УПК РФ);

- по внесению представления в Государственную Думу или Совет Федерации о лишении неприкосновенности депутата Государственной Думы или сенатора (ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

Эти полномочия характеризуют Генерального прокурора Российской Федерации не как ординарного участника уголовного судопроизводства, хотя бы и возглавляющего систему органов прокуратуры, а носят экстраординарный характер, выходящий за пределы отраслевой (уголовно-процессуальной) регламентации. В рассматриваемом случае Генеральный прокурор РФ действует не просто как вышестоящий прокурор в уголовно-процессуальном понимании этого термина. Он призван решить вопрос, имеющий комплексную межотраслевую природу (конституционно-уголовно-процессуальную) и политический характер. С одной стороны, сложно отрицать уголовно-процессуальный характер возникающего правоотношения хотя бы потому, что оно направлено на решение задач уголовного судопроизводства (обеспечение осуществления уголовного преследования) и регламентировано УПК РФ. С другой стороны, однако, неприкосновенность представляет собой не личную привилегию, а гарантию для эффективного осуществления соответствующего вида публично-правовой деятельности. Пре-

доставление и лишение такой гарантии регламентируется в целом нормами конституционного права.

Именно поэтому по указанному вопросу Генеральный прокурор РФ обращается не к органам уголовного судопроизводства, а к высшим органам государственной власти Российской Федерации. Очевидно, законодатель исходит из того, что если бы данная проблема не носила конституционно-правового характера, лишение неприкосновенности могло быть осуществлено исключительно «внутри» уголовно-процессуальных правоотношений, без обращения к Президенту или палате Федерального Собрания.

Соответственно, в отличие от сугубо уголовно-процессуальных полномочий, которые принадлежат как прокурору, так и его заместителю, реализовать названное полномочие вправе исключительно Генеральный прокурор Российской Федерации, а его заместители подобной компетенцией не наделены. Они вправе лишь участвовать в заседании палаты Федерального Собрания, решающей вопрос о лишении неприкосновенности депутата Государственной Думы или сенатора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Генеральный прокурор Российской Федерации в уголовном судопроизводстве занимает особое место среди представителей прокуратуры. В целом его статус, безусловно, соответствует статусу

прокурора в его уголовно-процессуальном понимании, некоторая специфика обусловлена лишь вышестоящим должностным положением в системе органов прокуратуры.

Вместе с тем Генеральный прокурор Российской Федерации наделен экстраординарными правами межотраслевого (конституционно-уголовно-процессуального) характера, и в ходе их реализации он выступает не просто как прокурор, а как высший руководитель государственного органа, имеющего беспрецедентные полномочия по надзору за органами предварительного расследования. Среди всех представителей прокуратуры такими правами обладает только Генеральный прокурор Российской Федерации (и никто иной, даже его заместители). Поэтому при осуществлении экстраординарных полномочий деятельность Генерального прокурора РФ имеет не только уголовно-процессуальный, но и конституционно-правовой характер.

Это отнюдь не означает, что данная деятельность выведена из сферы правовой регламентации, напротив, она регламентируется более детально и всесторонне. Такой уровень нормативного регулирования позволяет: а) сохранить баланс важнейших конституционных и уголовно-процессуальных интересов; б) добиться назначения уголовного судопроизводства; в) обеспечить соблюдение субъективных прав лиц по защите от уголовного преследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кругликов А. П. Полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела и осуществлению уголовного преследования // Законность. 2012. № 1 (927). С. 12–16.
2. Абдул-Кадыров Ш. М. Функции и полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2012. № 9 (935). С. 12–15.
3. Друкаров И. Л. Проблемы надзора прокурора в досудебном производстве по уголовным делам // Известия Алтай. гос. ун-та. 2011. № 2–2 (70). С. 97–100.
4. Корнакова С. В., Чубыкин А. В. О полномочиях прокурора в стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Науч. журнал. 2014. № 1 (12). С. 110–114.
5. Петров А. В. Обеспечение прокурором законности в стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2011. № 11 (925). С. 32–37.

REFERENCES

1. Kruglikov A. P. Polnomochiia prokurora po возбуждению уголовного дела i osushchestvleniiu уголовного преследования // Zakonnost. 2012. No. 1 (927). P. 12–16. (In Russian).
2. Abdul-Kadyrov Sh. M. Funktsii i polnomochiia prokurora v stadii возбуждения уголовного дела // Zakonnost. 2012. No. 9 (235). P. 12–15. (In Russian).
3. Drukarov I. L. Problemy nadzora prokurora v dosudebnom proizvodstve po уголовным делам // Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No. 2–2 (70). P. 97–100. (In Russian).
4. Kornakova S. V., Chubykin A. V. O polnomochiakh prokurora v stadii возбуждения уголовного дела v rossiiskom уголовном protsesse // Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal. 2014. No. 1 (12). P. 110–114. (In Russian).
5. Petrov A. V. Obespechenie prokurorom zakonnosti v stadii возбуждения уголовного дела // Zakonnost. 2011. No. 11 (925). P. 32–37. (In Russian).

6. Халиулин А. Г. Защита прокурором прав и свобод человека и гражданина в современном уголовном процессе России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 11. С. 29–33.
7. Шебалин В. А. Прокурор и разумность сроков уголовного судопроизводства // Законность. 2012. № 8 (934). С. 38–39.
8. Ястребов В. Б. Процессуальный статус прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (нормативное правовое регулирование и перспективы развития) // Российский следователь. 2012. № 6. С. 11–13.
9. Стельмах В. Ю. Приказы Генерального прокурора Российской Федерации – нормативный источник уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Урал. юрид. ин-та МВД России. 2020. № 1 (25). С. 15–18.
10. Майков Р. А. Особенности реализации прокурором функции уголовного преследования на судебных стадиях уголовного процесса // Нов. юрид. вестник. 2020. № 6 (20). С. 62–63.
11. Векшин В. П. Правовой статус вышестоящего прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 1 (51). С. 65–74.
6. Khaliulin A. G. Zashchita prokurorom prav i svobod cheloveka i grazhdanina v sovremennom ugodovnom protsesse Rossii // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2011. No. 11. P. 29–33. (In Russian).
7. Shebalin V. A. Prokuror i razumnost srokov ugodovnogogo sudoproizvodstva // Zakonnost. 2012. No. 8 (934). P. 38–39. (In Russian).
8. Yastrebov V. B. Protsessualnyi status prokurora v dosudebnykh stadiakh ugodovnogogo sudoproizvodstva (normativnoe pravovoe regulirovanie i perspektivy razvitiia) // Rossiiskii sledovatel. 2012. No. 6. P. 11–13. (In Russian).
9. Stelmakh V. Yu. Prikazy Generalnogo prokurora Rossiiskoi Federatsii – normativnyi istochnik ugodovno-protsessualnoi deiatelnosti // Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. No. 1 (25). P. 15–18. (In Russian).
10. Maikov R. A. Osobennosti realizatsii prokurorom funktsii ugodovnogogo presledovaniia na sudebnykh stadiakh ugodovnogogo protsessa // Novyi yuridicheskii vestnik. 2020. No. 6 (20). P. 62–63. (In Russian).
11. Vekshin V. P. Pravovoi status vyshestoiashchego prokurora na dosudebnykh stadiakh ugodovnogogo sudoproizvodstva // Vestnik Akademii Generalnoi prokuratury Rossiiskoi Federatsii. 2016. No. 1 (51). P. 65–74. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Стельмах Владимир Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса, Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Екатеринбург, Россия.
E-mail: vlstelmah@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Yu. Stelmakh – Candidate of Sciences (Law), Docent, Professor of the Criminal Proceedings Department, Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: vlstelmah@mail.ru

С правилами направления, рецензирования и опубликования материалов
можно ознакомиться на сайте журнала: surgutvest.elpub.ru/jour

Переводчик

М. О. Бенская

Редактор

М. Г. Азнагулова

Верстка

Е. А. Мельниковой

Фото на обложке

Татьяны Букиной

Оригинал-макет подготовлен в Издательском центре СурГУ
Тел. (3462) 76-30-66

Отпечатано в Издательском центре СурГУ
Адрес учредителя, издателя и типографии:
бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1
Тел. (3462) 76-31-79

Подписано в печать 24.03.2021. Дата выхода в свет 12.05.2021. Формат 60 × 84/8
Усл. печ. л. 13,7. Уч.-изд. л. 11,4. Тираж 100. Заказ № 64
Цена свободная